Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Маслова Екатерина Константиновна

СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНОСТИ ЗНАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ Л. Н. ГУМИЛЕВА И Э. С. КУЛЬПИНА

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент
Хазанов Олег Владимирович

Томск – 2019

Оглавление

Введение 3
1 Критерии демаркации научного и вненаучного знания в контексте специфики социоестественных подходов 26
1.1 История развития проблемы демаркации научного и вненаучного знания .. 26
1.2 Критерии демаркации научного и вненаучного знания в гуманитарных науках 42
2 Теория этногенеза Л. Н. Гумилева с позиции критериев научности 53
2.1 Этногенез в понимании Л. Н. Гумилева 53
2.2 Пассионарная теория этногенеза с точки зрения критериев научности 60
2.3 Влияние субъективных факторов на признание теории Л. Н. Гумилева..... 99
3 Социоестественная история в сравнении с пассионарной теорией этногенеза 121
3.1 Особенности методологии социоестественной истории 121
3.2 Социоестественная история с точки зрения критериев научности 135
3.3 Влияние субъективных факторов на признание теории Э. С. Кульпина..... 172
Заключение 172
Список использованных источников и литературы 187
Приложение А Анализ статей из журнала «История и современность» раздела «Природа и общество» 187
Приложение Б Синхронистическая таблица Э. С. Кульпина 228
Приложение В Синхронистическая таблица Л. Н. Гумилева..... 230

Введение

Актуальность исследования. В настоящее время наука лишилась прочных когнитивных оснований и разбита на многочисленные проблемные поля и языки описания. В итоге современный образ науки размывается. На протяжении XX – начала XXI веков появляется все больше мнений об отсутствии возможности отделения научного познания от других его форм, примером является идея «методологического анархизма» П. Фейерабенда. Но именно размывание образа науки актуализирует проблему демаркации научного и вненаучного знания. Более того, даже в сообществе историков, как отмечает философ А. В. Лубский, мало кто отстаивает тезис о необходимости единого подхода к изучению исторической реальности, которая трансформируется в разные ее «картины», ни одна из которых не может быть признана единственно верной[1].

Значимость вопроса о критериях научности определяется и экспансией лженаучных теорий, которые теснят науку в сфере общественного сознания. Работы лжеученых для многих могут выглядеть убедительно, быть интересными для прочтения, создавать иллюзию некого неординарного, тайного знания. При этом, как правило, такие теории бросают тень на реальную науку, обвиняя ее в том, что она якобы не обладает этим тайным знанием, либо по каким-то причинам, часто конспирологического характера[2], их скрывает.

Этногенез является одной из излюбленных лженаучных тем. Происхождение народов и все то, что связано с этногенетическими особенностями, часто становится жертвой лженаучного осмысления (например, в работах А. А. Клесова[3]).

В рамках данной диссертации рассматриваются концепции двух известных историков, использующих междисциплинарные методы и проблематику этногенеза – Льва Николаевича Гумилева (1912–1992), взгляды которого

---

[1] Лубский А. В. История как строгая наука vs нарративная логика историописания // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 60.

[2] Подробно об этом: Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 2010. 222 с.

[3] Клесов А. А. Занимательная ДНК-генеалогия: Новая наука дает ответы. М. : Вече, 2013. 168 с.

подвергаются критике по критериям научности с момента первых его публикаций, и Эдуарда Сальмановича Кульпина (1939–2015), создавшего новое направление научных исследований, названное им «Социоестественная история» (в дальнейшем – СЕИ). Обвинения в лженаучности звучали в адрес Гумилева (В. Кореняко[4], В. А. Шнирельман[5], Б. Кедров[6]). Однако эту позицию разделяло далеко не все научное сообщество. В отношении Э. С. Кульпина такого рода обвинения не выдвигались. Чтобы выяснить, почему сложилась столь разная репутация у исследуемых авторов, вынужденно обращаемся к консенсусу по вопросу критериев научности. Как воспринимались данные теории в контексте того времени, когда они создавались, по какой причине и по каким основаниям академические судьбы двух ученых разнились – будет подробно изложено в основном тексте диссертации.

Часто учение, картина мира, умирает вслед за смертью того, кто ее создал. Но это не относится ко Л. Н. Гумилеву и Э. С. Кульпину: их идеи продолжают жить и после смерти создателей. У Л. Н. Гумилева большое число последователей, придерживающихся его теории и развивающих ее. Непосредственными его учениками являются К. П. Иванов, В. Ю. Ермолаев, В. А. Мичурин. Но есть и множество людей, которые не были непосредственными учениками Льва Николаевича, однако считают себя его последователями, в силу большого влияния творчества и личности Л. Н. Гумилева на их мировоззрение. Так, например, был создан центр Льва Гумилева «Современное евразийство», а также фонд Л. Н. Гумилева на базе Русского географического общества и Санкт-Петербургского государственного университета (прекративший свое существование в 2000-х годах), в Москве проходят Гумилевские чтения в форме научно-познавательных конференций. В настоящий момент в Москве действует информационно-аналитический портал «Центр Льва Гумилева», созданный

[4] Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.

[5] Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки М. ; Иерусалим : Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.

[6] Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.

коллективом единомышленников-евразийцев. К изучению теории Л. Н. Гумилева возвращаются в научном сообществе, происходят защиты диссертаций (например, Е. Н. Ищенко, 2004[7] ; А. Д. Гомбожапов, 2008[8] ; М. А. Киркин, 2011[9]), идут дискуссии по вопросу научности его работ. Все это является показателем того, что идеи Л. Н. Гумилева продолжают жить. В частности, термин «пассионарность» в настоящее время активно используется в публицистике, политической и научной полемике, но не всегда в том смысле, который вкладывал в этот термин сам Л. Н. Гумилев.

После смерти Э. С. Кульпина, те, кто с ним работал в рамках СЕИ, начали осмысливать его деятельность на страницах журнала «История и современность»: стали выходить теоретические и историографические статьи об особенностях и перспективах СЕИ, опубликованные в 2016 году (например, В. С. Голубев[10] ; Р. И. Якупов[11]). Поскольку СЕИ является современным феноменом, еще не формализованным, обширной историографии пока не сложилось, что делает данную диссертацию еще более актуальной. Но, в отличие от теории Л. Н. Гумилева, столь огромного внимания и неоднозначных оценок СЕИ не вызвала, хотя и имеет высокий уровень научных притязаний.

Обе концепции отвечают давней потребности, которая снова и снова будет возникать в научной практике: вывести исследование из сферы чисто социальной в сферу социоестественную. Особенности восприятия этих концепций в научном сообществе были связаны с парадоксом: с одной стороны, есть и научная, и общественная потребность в историческом синтезе подобного рода, а с другой стороны, такого рода попытки, как бы хорошо они не были прописаны, обрекают исследователя на сложное положение: он может оказаться не принятым как гуманитариями, так и естественниками.

---

[7] Ищенко Е. Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Иркутск, 2004. 220 с.

[8] Гомбожапов А. Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л. Н. Гумилева : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Улан-Удэ, 2008. 180 с.

[9] Киркин М. А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 09.00.03. М, 2011. 191 с.

[10] Голубев В. С. К проблеме теоретических основ СЕИ (с позиции естественно-гуманитарного синтеза) // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 21–40.

[11] Якупов Р. И. Социоестественная история: науковедческий анализ // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 8–20.

В связи с этим, важно понять, как эти двое ученых пытались в разное время утвердить себя именно как представителя науки, что они предпринимали для этого, и почему их попытки давали разные результаты. В Л. Н. Гумилеве при его жизни чаще не видели ученого, в то время как отношение к Э. С. Кульпину было более лояльным. При этом, однако, Л. Н. Гумилев (имевший две ученые степени – доктора исторических и географических наук) стал общественно значимой персоной. Ответы следует искать не только в содержании обеих теорий, но также в характеристиках эпохи, современной авторам, с присущими ей особенностями академических и общественных институтов.

Степень изученности темы. Исследуемая проблема, связанная с научным статусом концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина, реализующих идеи междисциплинарного синтеза в исторических исследованиях, находится на пересечении нескольких тематических полей.

В первую очередь, необходимо отметить важность научных работ, посвященных проблеме определения критериев научности. Еще со времен Античности философы сравнивали все науки с математическим идеалом, позже эту идею развивают Р. Бэкон, Л. да Винчи, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Э. Гуссерль[12].

Естественнонаучный эталон был широко распространен в XIX веке благодаря представителям позитивизма. В первой половине XX века неопозитивисты предложили свой принцип научности – верификацию. Затем к данной проблеме обращались К. Поппер, предложивший принцип фальсифицируемости[13], И. Лакатос, разработавший методологию научно-исследовательских программ[14], Т. Кун, выдвинувший теорию научных парадигм[15], П. Фейерабенд, поставивший под сомнение возможность разделения науки и ненауки[16].

---

[12] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 6.

[13] Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания : пер. с англ. М., 2004. С. 33.

[14] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 79.

[15] Кун Т. С. Структура научных революций [Электронный ресурс] // Электронная библиотека bookz.ru. Электрон. дан. [Б. м.], 2003–2018. URL: https://bookz.ru/authors/tomas-kun/struktur_030/1-struktur_030.html (дата обращения: 10.10.2018).

[16] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки : пер. с англ. и нем. М., 1986. С. 147–152.

В работе «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» Л. Грэхэм описал ситуацию в научном сообществе СССР, показал механизмы государственного, идеологического контроля за наукой и его последствия для отдельных ученых и направлений[17].

В. В. Ильин[18], А. Ю. Сторожук[19] анализируют критерии научности знания, а В. С. Степин устанавливает типы научной рациональности, выделяя классический, неклассический и постнеклассический типы[20]. Сравнением научного и мифологического знания занимаются А. Ф. Лосев[21] и К. Хюбнер[22], приходя к выводам о том, что наука имеет связь с мифом, но не равнозначна ему. С. О. Ханссон считает, что на основании одного критерия сложно провести демаркацию, нужно формировать комплекс таких критерием, причем у разных ученых к практически одним и тем же выводам может приводить разная их совокупность. Это сближение теоретически расходящихся критериев демаркации является распространенным явлением. Встречаются различные взгляды на то, что есть наука. Тем не менее, существует относительное единодушие по некоторым конкретным вопросам демаркации: так, большинство аналитиков согласны с тем, что столь разные явления как креационизм, астрология, гомеопатия, уфология, отрицание Холокоста – это лженаучные представления[23].

В вопросе научности можно выделить своеобразную триаду: наука – ненаука – анти/лженаука (в английской версии – псевдонаука). Актуальнейшей задачей в настоящий момент является отсечение лженаучных исследований, спекуляций. У таких текстов есть четкие признаки, которые неоднократно выделялись многими авторами. Так, например, Л. Мосионжник пишет, что для лжеученых характерна претензия не только на «научную революцию»

---

[17] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 4.

[18] Ильин В. В. Критерии научности знания. М. : Высшая школа, 1989. 128 с.

[19] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 239 с.

[20] Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. Электрон. дан. [Б. м.], 2001–2017. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/ (дата обращения: 13.08.2018).

[21] Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический проект, 2008. 303 с.

[22] Хюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996. 448 с.

[23] Hansson S. O. Science and Pseudo-Science [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / princ. ed. E. N. Zalta. Stanford : Stanford University ; Center for the Study of Language and Information, 2017. URL: https://plato.stanford.edu/entries/pseudo-science/ (access date: 01.02.2017).

в понимании Т. Куна, но на полное «зачеркивание» всего, что было создано до них: игнорирование разницы между непроверенной гипотезой и обоснованной теорией; совмещение научного и ненаучного стиля мышления; отрицание эксперимента[24]. Также для лженауки характерна подтасовка и противоречие фактам, преднамеренные фальсификации и т.д. М. Шермер предлагает 10 критериев, по которым можно отличить науку от лженауки: насколько надежен источник открытия? часто ли этот автор делает «великие открытия»? подтверждены ли эти открытия другими специалистами?[25] и т.д. По мнению Майкла Шермера, однозначно отличает научное познание то, что ученые во всех случаях остаются открытыми и гибкими, готовыми пересмотреть свои оценки, как только возникают новые доказательства[26]. Однако далеко не все ученые согласны так легко отказаться от своей теории. Это наиболее ярко отражено Имре Лакатосом в книге «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ», в которой говорится о том, что ученые начинают строить защитный пояс теории, искать факты в подтверждение ее, и крайне неохотно отказываются от своих идей[27]. Последнее обстоятельство делает демаркацию еще более сложной.

Лженаука – это маскировка под науку. К таким наукам относят алхимию, астрологию, нумерологию, парапсихологию, уфологию. Есть примеры и откровенно лженаучных концепций истории. Среди них наиболее известна так называемая «Новая хронология» Фоменко и Носовского, неоднократно развенчанная учеными-историками[28]. В рамках Томской историографической школы детальное исследование лженаучных концепций истории, апеллирующих к славяно-арийскому мифу, произведено в диссертации К. А. Жарчинской[29].

---

[24] Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. СПб., 2012. С. 331–334.

[25] Shermer M. Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience [Electronic resource] // Michael Shermer. Altadena, 2018. Electronic date. [S. I.], 2018. Pt. 1. URL: https://michaelshermer.com/2001/11/baloney-detection/ (access date: 08.06.2018).

[26] Подробнее о критериях М. Шермера см.: Маслова Е. К. Проблема определения научности междисциплинарных подходов в истории // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 99–102.

[27] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 79.

[28] Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 289–314.

[29] Жарчинская К. А. Славяно-арийский миф в историческом сознании российских традиционалистов : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 2015. 151 с.

Псевдоученые могут приводить реальные примеры из прошлого науки, когда ученые, выдвигая революционные для своего времени теории, подвергались осмеянию со стороны современников и даже преследовались властями, если вспомнить, например, судьбу Г. Галилея, Н. Коперника, Дж. Бруно, разгром советской генетики и т.д. Однако этими сравнениями они подменяют обоснования своей теории, «забывая», что упоминаемые ими ученые подвергались гонениям не со стороны научного сообщества, а со стороны властных структур и церкви. В России признанием того, что является лженаукой, занимается Комиссия по борьбе с лженаукой, созданная в 1998 году при Президиуме Академии наук.

Еще одно исследовательское поле касается изучения теории Л. Н. Гумилева. Критикой его теории занимались многие ученые, как при жизни, так и после смерти ее автора. Одним из первых и основных направлений критики явились обвинения в антимарксизме[30]. Ю. В. Бромлей обвинял Л. Н. Гумилева в биологизаторстве социальных процессов[31], В. А. Шнирельман – в антисемитизме и аморальности его теории этногенеза[32], Г. С. Померанц – в антизападнических настроениях[33], Л. Клейн – в неправильном использовании методов естественных наук[34], И в советское, и в постсоветское время за частные ошибки, неточности и противоречия внутри теории Гумилева критиковали: Л. С. Васильев[35], А. Янов[36], М. И. Чемерисская[37], Л. Клейн[38], В. Кореняко[39], В. В. Емельянов[40]. В целом,

[30] Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. 1982. № 3. С. 88–91.

[31] Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.

[32] Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М. : Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.

[33] Померанц Г. С. Выход из транса. М. : Юрист, 1995. 575 с.

[34] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] / Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[35] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 154–156.

[36] Янов А. Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.

[37] Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165–181.

[38] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[39] Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.

критика, подчас разгромная, не могла не отразиться на проблеме с признанием научности теории Л. Н. Гумилева. Некоторые ученые, в том числе В. А. Шнирельман и Ю. В. Бромлей, даже причисляют теорию Гумилева к лжеученым и полностью выводят его за «рамки научности».

Возможность же применения концепции этногенеза показала в своей кандидатской диссертации Н. В. Трубникова[41]. Она проанализировала особенности этой теории и использовала ее для изучения североамериканского этногенеза – той части мировой истории, к которой Л. Н. Гумилев свою теорию не применял. Автор пришла к выводам о том, что, несмотря на имеющиеся противоречия и категоричность выводов, работа Л. Н. Гумилева имеет большую перспективу для последующей разработки. Д. В. Загоскин также применяет историко-теоретический подход Л. Н. Гумилева, но уже к средневековой Западной Европе[42]. Автор считает, что этот подход достаточно интересен для исследования механизмов социокультурных инноваций и нуждается в дальнейшей разработке его возможностей.

Кандидат биологических и кандидат исторических наук Ю. И. Дробышев неоднократно ссылается на теорию Л. Н. Гумилева при изучении кочевников и отмечает, что «его трактовка некоторых политических событий в Центральной Азии, основанная на устаревших и зачастую неточных переводах источников, не всегда может быть принята, однако, безусловной заслугой Л. Н. Гумилева является то, что он показал важность географического фактора в истории»[43].

Из зарубежных авторов теорию Гумилева изучали Л. Грэхэм[44], который считает ее слишком умозрительной и лишенной научного обоснования[45], и М. Бассин, который отмечает актуальность идей Гумилева в настоящее время,

---

[40] Емельянов В. В. Евразийство и пассионарная теория как диагноз [Электронный ресурс] // Живой Журнал. Электрон. дан. [Б. м.], [Б. г.]. URL: https://ibigdan.livejournal.com/22630964.html (дата обращения: 10.10.2018).

[41] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. 134 с.

[42] Загоскин Д. В. Проблема формирования западноевропейской цивилизации в свете историко-теоретического подхода Л. Н. Гумилева : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. 206 с.

[43] Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.). М., 2014. С. 123.

[44] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М. : Политиздат, 1991. 480 с.

[45] Там же. С. 250–256.

особенно гипотезы о роли генетики в данной теории. В его понимании пассионарность – это рецессивный ген, возникший в результате мутации[46]. Он также видит политический потенциал теории, имея в виду, что с 1991 года Л. Н. Гумилев стал предметом особого культа в Казахстане, где за исследования в области тюркологии в честь него назван университет, и где политики евразийства придерживается сам президент[47].

Дж. Клиер изучает историю хазар, опираясь на представления Л. Н. Гумилева[48]. М. Ларюэль рассматривает теорию Л. Н. Гумилева в связи с изучением евразийства в России[49].

В самой теории этногенеза можно найти истоки из более ранних концепций, например, теории этнографа С. М. Широкогорова. В 1922 году была опубликована его работа, посвященная теории этноса, которую можно определить как естественнонаучную[50]. Важное место С. М. Широкогоров отводит проблеме взаимодействия территории, ландшафта и культуры, этноса. Он отмечает, что каждый этнос проживает на кормящей его территории и изменяет ее для обеспечения своего роста[51]. Как живой организм, этнос проходит периоды роста, расцвета и упадка, может быть сильным (в период роста) и слабым (в период упадка). На этнос влияет также и его межэтническое окружение. Эту концепцию можно назвать прообразом концепции этногенеза Л. Н. Гумилева, после ее публикации даже возникла похожая дискуссия на тему: считать ли его понимание этноса биологизаторским, и приравнивается ли им этнос биологическому виду, как у животных[52]. В. Р. Филиппов подчеркивает тот факт, что работа С. М. Широкогорова оказала огромное влияние на все последующие советские определения этноса, в том числе и на то, которое позднее предложил Л. Н. Гумилев.

---

[46] Bassin M. Nurture Is Nature: Lev Gumilev and the Ecology of Ethnicity // Slavic Review: American quarterly of Russian, Eurasian and East European studies. 2009. Vol. 68, № 4. P. 882.

[47] Ibid. P. 894.

[48] Klier J. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s–1990s Victor Shnirelman // The Slavonic and East European Review. 2005. Vol. 83, № 4. P. 779–781.

[49] Laruelle M. Russian Eurasianism an Ideology of Empire. Baltimore, 2008. P. 51.

[50] Филиппов В. Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 86.

[51] Там же. С. 90.

[52] Там же. С. 86.

В современной отечественной историографии затронуты особенности социоестественной истории, связанной с именем Э. С. Кульпина. Т. Ф. Столярова достаточно подробно разбирает СЕИ с точки зрения мировоззренческой парадигмы[53]. М. А. Игошева отмечает преемственность теории Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина[54], касается вопроса о СЕИ В. В. Вальковская в связи с проблемой антропосоциогенеза и эволюции биосферы[55]. Ю. И. Дробышев ссылается на Э. С. Кульпина и называет СЕИ – более новым научным направлением[56].

В статье Е. И. Жук «Теоретическое основание для анализа демографической ситуации в России»[57] в качестве источников используются, в том числе, работы Э. С. Кульпина («Феномен России в системе координат социоестественной истории») и Л. Н. Гумилева («Конец и вновь начало»). Автор интерпретирует через эти теории данные демографии. На основе идеи СЕИ о взаимосвязи демографии и хозяйствования делается вывод, что изменение экономической системы и социального строя в XX веке явилось фактором демографической структуры народонаселения в России: падение рождаемости связано с возрастанием уровня жизни. Применив идею Л. Н. Гумилева о фазах этногенеза, автор находит свидетельства роста пассионарности ближневосточных и среднеазиатских этносов.

Некоторые авторы отмечали успешное использование Э. С. Кульпиным основных терминов и положений синергетики для изучения истории. Об этом пишет, например, И. Л. Ларионова[58]. Используют работы Кульпина в статьях о

---

[53] Столярова Т. Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=471 (дата обращения: 12.08.2018).

[54] Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1998. 163 с.

[55] Вальковская В. В. Экологическое сознание как самосознание цивилизации : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11. СПб, 2000. 371 с.

[56] Там же. С. 140.

[57] Жук Е. И. Теоретическое основание для анализа демографической ситуации в России // Вестник РГГУ. 2015. № 7 (150). С. 116–122.

[58] Ларионова И. Л. Историческое образование в техническом университете: синтезный подход как оптимальная историософская парадигма // Теоретические и методологические проблемы современного образования : материалы VI международной научно-практической конференции. Москва, 28–29 сентября 2011 г. М., 2011. С. 144–147.

синергетике также О. А. Музыка[59], А. В. Готнога в качестве одного из источников по теоретическим концептам синергетики[60].

Поиск общего поля исследования между естественными науками и гуманитарными начался давно. Еще Ш. Л. Монтескье писал о том, что государственное устройство зависит от природы и климата, в которых расположено государство[61]. Ж. Ж. Руссо полагал, что природа воздействует на человека. Его стремление к господству над природным миром, покорение природы предполагает изменения и в сущности самого человека. В естественном состоянии человек находится в гармонии с природой, грань между природой и человеком стирается [62]. И. Г. Гердер считал, что географическая среда определяет не только физические различия между людьми, но и различия в мышлении, мировоззрении, культуре[63]. Марк Блок упоминал «антропогеографию», изучающую общества в их связи с природной средой, когда люди воздействуют на окружающий мир и одновременно подвергаются его воздействию[64].

Ф. Бродель предложил учитывать экономические и географические факторы при анализе исторических процессов,[65] он обращает внимание на рельеф, природные ресурсы, климат, способы хозяйствования и освоения территории[66]. В российской науке И. И. Мечников создал новую науку о рациональном образе жизни и труда, гармонизации человека и окружающей природы – ортобиотику[67].

В этих работах можно выделить принцип географического детерминизма, который использовал Ш. Л. Монтескье, и традицию рассмотрения географии как одного из факторов (важного, но не основного) антропогенеза.

---

[59] Музыка О. А. Бифуркация и конфликт: многообразие взглядов и современные подходы // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2014. № 2. С. 305–309.

[60] Готнога А. В. Синергетика и нелинейные теории социальных изменений // Философия и общество. 2010. № 2. С. 105–115.

[61] Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.

[62] Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1961. Т. 3. 727 с.

[63] Гердер И. Г. Избранные сочинения. М. : Гослитиздат, 1959. 391 с.

[64] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 82.

[65] Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М. : Языки славянской культуры, 2002. Ч. I : Роль среды. 496 с.

[66] Там же. С. 117.

[67] Мечников И. И. Академическое собрание сочинений. М. : [Б. и.], 1956. Т. 11. 265 с.

Реализацией идеи синтеза успешно занимаются сторонники неоэволюционизма – одно из наиболее влиятельных направлений в зарубежной антропологии, которое оказало большое влияние на науку[68]. Немалое влияние на развитие направления оказал Джулиан Стюард, который выявил зависимость между экологической средой, определяющей разнообразие эволюционных форм, уровнем и характером технологического развития и социально-политической организацией[69]. Автор разработал «культурную экологию» как проблему и как метод исследования, применяемый до сих пор[70]. Культуру как способ адаптации человека к окружающей среде определил Б. К. Малиновский, который говорил, что с помощью культуры «человек способен справиться с встающими перед ним специфическими проблемами»[71]. Эти идеи были представлены в теории многолинейной эволюции, которая состоит в том, что культура является особой системой, эволюция которой зависит от приспособления данной культуры к экологическим условиям. Направление получило название «культурной экологии».

Наиболее заметным среди последователей Стюарда был Марвин Харрис[72]. Самая известная его работа объясняет то, что индийские священные коровы являются священными не по религиозным, а по экологическим признакам: поскольку их молоко, мясо (после смерти коровы) идут на пропитание, а экскременты – на хозяйственные нужды[73]. Рассмотрение мировоззрения обществ с позиции хозяйствования и экологии – одна из важнейших тем в СЕИ. Исследование связи между экологией и культурой вел также Р. Раппапорт[74], который пришел к выводу о том, что ритуалы племен Новой Гвинеи помогают снизить экологическое давление на Землю. В итоге, в американской исторической

---

[68]Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Неоэволюционизм // Теория и методология истории : учебник. Волгоград, 2014. С. 90.

[69] Там же. С. 94.

[70] Steward J. The Concept and Method of Cultural Ecology // The Environment in Anthropology: a Reader in Ecology, Culture, and Sustainable Living. New York, 2005. P. 5–10.

[71] Малиновский Б. К. Научная теория культуры. М., 2005. С. 41.

[72] Эриксен Т. Х. Что такое антропология? М., 2014. С. 171.

[73] Harris M. Mother Cow // Cows, Pigs, Wars and Witches: The Riddles of Culture. London, 1975. P. 11–32.

[74] Rappaport R. A. Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. Long Grove : Waverland Press, Inc., 1984. 502 p.

мысли появилось новое дисциплинарное ответвление, известное как экологическая история (Environmental History). Например, проводятся бостонские семинары, где, в частности, затрагивают проблематику экологической истории[75].

В России неоэволюционизм стал формироваться в 1960-е гг., когда в ходе дискуссии об азиатском способе производства начали появляться многолинейные подходы к изучению социальной эволюции. Многолинейные и нелинейные подходы в отечественном эволюционизме отстаивают А. В. Коротаев и Н. Н. Крадин. Идеи, сформулированные в рамках неоэволюционизма, по-прежнему сохраняют большое значение для изучения **ранних** этапов исторического процесса[76].

Социобиология человека – дисциплина, появившаяся в 1960–1970-х годах, изучает жизнь людей в обществе как биологического вида, черпая истоки еще в работах Ч. Дарвина. Ее представители рассматривают человека через призму новейших данных различных, но прежде всего биологических дисциплин (эволюционной теории, популяционной генетики, этологии, экологии и др.)[77]. Их методы опираются на биологизацию социальных процессов и явлений, в чем неоднократно был обвинен Л. Н. Гумилев.

Геоархеология также давно и успешно практикует синтез гуманитарных и естественных наук[78]. Это отрасль археологии, использующая методы и концепции наук о земле. Она применяет геологическую информацию для решения археологических задач.

Социальная экология изучает взаимоотношения человечества и биосферы Земли, при этом наибольшее внимание уделяется отрицательным последствиям воздействия человека на природную среду. Основой социальной экологии служит

---

[75] Boston Seminar on Environmental History [Electronic resource] // Massachusetts Historical Society. Electron. data. Boston, 2019. URL: chttps://www.masshist.org/2012/calendar/seminars/environmental-history (access date: 25.04.2019).

[76] Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Неоэволюционизм // Теория и методология истории : учебник. Волгоград, 2014. С. 106.

[77] Никольский С. А. Социобиология – биосоциология человека? [Электронный ресурс] // Этология.Ру Электрон. дан. 2003–2012. URL: http://ethology.ru/library/ ?id=166):
<br%20/>ПЕРВЫЙ (дата обращения: 08.10.2018).

[78] Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д. Основы геоархеологии / под ред. В. В. Масленникова. Миасс, 2012. С. 8.

теория В. В. Докучаева, который создал теорию о почве как оболочке Земли, являющейся единым целым, самостоятельным и включающим в себя как живые, так и неживые тела[79], которую развивал в работах о биосфере Земли его ученик академик В. И. Вернадский, чья работа «Биосфера и ноосфера»[80] посвящена вопросам строения биосферы и ее постепенной трансформации в сферу разума – ноосферу. В 1944 году была прижизненно опубликована последняя статья В. И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере», в которой он излагает идею того, что человечество неразрывно связано с окружающей их средой, а вне ее природных условий оно существовать не может[81].

Идеи Вернадского легли в основу работ Л. Н. Гумилева и оказали влияние на СЕИ. Сам термин «социоестественные связи» ввел в научный оборот доктор философских наук Э. В. Гирусов[82]. А термин «естественноисторический» впервые на русском языке стал употребляться с 1980-х гг. в философских и географических журналах[83].

Сейчас междисциплинарные социоестественные исследования являются актуальными не только и не столько в российской, сколько в мировой науке. Американский антрополог Джаред Даймонд в 1997 году выпустил книгу «Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ», где одна из глав «Естественный эксперимент в истории»[84] посвящена Полинезии, которая является примером работы по географически обусловленной диверсификации человеческих обществ. Автор изучает, как изначально один народ всего за тысячелетнюю историю превратился в два абсолютно разных по форме хозяйствования общества: маори и мориори. Разойдясь по двум непохожим островным средам обитания, они со временем стали различаться по социальному и экономическому укладам племенной жизни. На этом примере Даймонд

---

[79] Докучаев В. В. Итоги о русском черноземе // Тр. Вольн. эконом. об-ва. 1877. Т. 1, вып. 4. С. 415–432.

[80] Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2012. 573 с.

[81] Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001. С. 339.

[82] Гирусов Э. В. Система «общество-природа». М., 1976. С. 37.

[83] Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории / А. В. Маргулис // Вопросы философии. 1981. № 12. С. 76.

[84] Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М., 2009. С. 22–33.

показывает, каким образом природная среда обитания влияет на человеческое общество. А в 2018 году вышла его совместная с коллегами книга «Естественные эксперименты в истории»[85], в которой авторы отстаивают продуктивность междисциплинарного подхода к истории.

Юваль Ной Харари с 2004 года регулярно публикует книги об антропогенезе, пользующиеся большой популярностью, в том числе среди массовых читателей, непрофессиональных историков. В 2011 году, вдохновившись идеями Даймонда, он выпустил книгу-бестселлер «Sapiens: краткая история человечества»[86], где соединяет естественнонаучный и исторический подходы, прогнозируя судьбу человечества. Его макроисторический подход снискал славу у любителей популярного чтения, но вызвал критику со стороны ученого сообщества за поверхностность и фактические ошибки.

Безусловно, наиболее успешно реализуют применение естественнонаучных методов в истории антропология и археология. Они в целом используют разнообразные методы, включая анализ письменных источников, но последние немногочисленны, поскольку изучается, в основном, древнейшая, часто дописьменная история. В том случае, когда изучается история «письменного» периода, нарративы выступают важнейшим источником. Дж. Тош подчеркивает значение письменных источников в изучении прошлого, ведь именно с ними изначально были «связаны притязания историков на особую специализацию»[87]. Начиная с периода развитого средневековья письменные документы сохранились в куда большем изобилии, чем любой другой вид источников по истории Запада[88]. М. Блок также связывает работу историка с изучением письменных свидетельств, он отмечает, что исследователь доисторических времен гораздо меньше может сказать об изучаемом прошлом именно из-за отсутствия письменных свидетельств: нельзя восстановить, например, религиозные обряды каменного

[85] Естественные эксперименты в истории / под ред. Дж. Даймонд, Дж. Робинсон. М. : АСТ, 2018. 352 с.

[86] Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. М. : Синдбад, 2016. 520 с.

[87] Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 8.

[88] Там же. С. 58–59.

века[89]. А. Про отмечает: «история имеет дело со следами прошлого, с информацией, заключенной в них, и чаще всего речь идет именно о письменных документах: архивах, периодической печати, монографиях»[90]. Все эти авторы изначально подразумевают, что историк работает, прежде всего, с письменными документами, а Дж. Тош даже посвящает несколько глав своей книги[91] именно рассмотрению того, как историк должен работать с текстами.

В то же время задача привлечения методов наук естественных к изучению «письменной» истории и процесса этногенеза в частности, оказывается весьма актуальной. Использование таковых методов может помочь найти информацию, которую нельзя найти в рамках привычных методов, получить новые интерпретации событий прошлого. Однако, если речь заходит о письменном периоде истории, о новейшем времени, то данные методы еще не настолько проработаны, чтобы считаться общепринятыми или конвенциональными. В том и состоит значение данного исследования, чтобы сделать проблемы их применения более очевидными и для некоторых из них предложить собственное решение.

Объектом исследования являются социоестественные подходы к истории. **Предмет исследования** – реакция научного сообщества на концепции Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина.

Хронологические рамки исследования: 1950-е – 2019 гг. Нижняя граница обусловлена тем, что именно в эти годы формировалась концепция этногенеза. Лев Гумилев находился в заключении, где начал разрабатывать свою концепцию. Затем, после освобождения, он оформил ее в виде нескольких книг. Верхняя граница обусловлена выходом последнего на сегодняшний момент выпуска журнала «История и современность», над которым работали представители школы СЕИ под редакторством Э. С. Кульпина, а сейчас продолжают работу в этом направлении уже после его смерти.

---

[89] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 35.

[90] Про А. Двенадцать уроков истории. М., 2000. С. 72.

[91] Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М., 2000. Гл. 3 : Сырье для историка. С. 57–80 ; Гл. 4 : Работа с источниками. С. 81–102.

Цель исследования – определить степень соответствия концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина критериям научности, сложившимся в научной среде.

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проследить эволюцию представлений о науковедческих и теоретико-методологических критериях научности, соотносимых с социо-гуманитарным знанием и выявить, какими критериями научности определяется современный консенсус российского академического сообщества.

2. Применить сложившиеся в научном сообществе науковедческие и теоретико-методологические критерии научности к теории этногенеза Л. Н. Гумилева и СЕИ Э. С. Кульпина;

3. Выяснить влияние субъективных факторов на оценку научности концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина.

Методологические основы исследования базируются на комплексе общенаучных и специальных методов. В исследовании соблюдается ряд принципов, и прежде всего, принцип историзма и принцип системности, которые позволяют рассматривать объект изучения во всей сложности временных и пространственных взаимосвязей. Согласно идее П. Фейерабенда о необходимости соизмерения теорий друг с другом, а не с реальностью, теории Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина были сопоставлены между собой. Компаративный подход позволил показать сходства и отличия в этих концепциях. Критериальный метод использован в процессе обоснования современных критериев научности и их соотнесения с концепциями Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина.

Для анализа возможных оснований, которые использовало научное сообщество при определении статуса теорий Л. Н. Гумилева и СЕИ используются те критерии, которые в разное время выделяли авторы: требование верификации (Р.Карнап, М. Шермер, В. В. Ильин, А. Ю. Сторожук), принцип фальсифицируемости (К. Поппер), соответствие научной парадигме (Т. Кун, М. Шермер), объяснительная и предсказательная сила теории (И. Лакатос, В. В. Ильин), непротиворечивость (В. В. Ильин), отсутствие претензий на

всеобъемлющее объяснение (М. Шермер), системность (В. С. Степин, А. Ю. Сторожук).

Аспекты, по которым признают или нет теорию научной, можно разделить на объективные критерии и субъективные факторы. Данную типологию применял Т. Кун в приложении к своей основополагающей работе «Структура научных революций», автор полагает, что «выбор между конкурирующими теориями зависит от смеси **объективных** и **субъективных** факторов и критериев, разделяемых группой, и индивидуальных критериев»[92].

Биографический метод позволил проследить динамику жизненного пути этих авторов и ее влияние на идейную эволюцию двух авторов.

Для определения некоторых характеристик и возможностей использования методов физики в социальных науках используется концепция К. Поппера о пронатуралистических и антинатуралистических направлениях историцизма (историцизмом он называет научный метод, имеющий целью предсказание исторических событий), поскольку социоестественные подходы исследуемых в диссертации авторов относятся к пронатуралистическим.

При изучении особенностей гуманитарного познания использовались идеи Г. Риккерта и В. Виндельбанда о том, что сам идеал научности у гуманитарных наук является другим – индивидуализация (у гуманитарных наук) против генерализации (у естественных). При изучении особенностей методологии социально-гуманитарного знания также использовались работы М. Вебера, предложившего не чисто эмпирический, но интерпретирующий метод, который заключается в ценностном или причинном толковании тех или иных явлений.

При рассмотрении научного сообщества используются работы П. Бурдье и его идея «научного поля» – систему отношений, место конкурентной борьбы, особенностью которой является монополия на научный авторитет[93], а также идеи Д. Блура о том, что научное знание – не психологический, а социальный объект,

---

[92] Кун Т. С. Структура научных революций. Приложение. Объективность, ценностные суждения и выбор теории [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии : аналитический портал. Электрон. дан. М., 2002–2018. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3811/6447(дата обращения: 10.10.2018).

[93] Бурдье П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах / Институт социологии РАН / Российско-французский центр социологии и философии. М., 2005. С. 15.

установление истинности или ложности происходит в науке в результате соглашений (конвенций) между различными социальными группами – интерсубъективность[94]. Блур отстаивал принцип симметричности, т.е. изучение истинных и ложных представлений исходя из одних и тех же типов причин[95].

При анализе статей журнала «История и современность» используются элементы контент-анализа, что дает возможность обобщить и структурировать разбросанные по разным выпускам журнала статьи, проследить развитие тематики и методологии.

Источниковая база диссертации сформирована на основе широкого круга документов и материалов.

1. Монографии выступили основным историографическим источником при подготовке исследования. К данной группе относятся монографии исследуемых авторов: Л. Н. Гумилева («Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая Степь», «От Руси до России», «В поисках вымышленного царства», «Открытие Хазарии», «Ритмы Евразии», «Тысячелетие вокруг Каспия») и Э. С. Кульпина («Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю», «Социоестественная история; от метода к теории, от теории к практике», «Человек и природа в Китае», «Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства»). Данные работы наиболее полно представляют авторские концепции, описана их методология, цели и задачи, показаны конкретные примеры применения теорий.

2. Периодическая печать. В первую очередь статьи в научных журналах, которые можно разделить на несколько групп. Первая группа – это статьи Л. Н. Гумилева («Меня называют евразийцем», «Конец и вновь начало», «Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века» и др.) и статьи Э. С. Кульпина («О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума», «Альтернативы российской модернизации», «Гипотеза этногенеза Гумилева и социоестественная история», «Евразия на перекрестке трех дорог» и др.).

---

[94] Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 3.
[95] Там же. С. 5.

Ко второй группе относятся сборники статей из серии «Социоестественная история»: «Человек и природа», «Человек и природа в пространстве и времени», «Золотая Орда: судьбы поколений», «Русь между Западом и Востоком», «Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке».

Третью группу составляют статьи учеников, последователей и коллег о Л. Н. Гумилеве и Э. С. Кульпине. Например, статьи, посвященные памяти и творческому наследию данных авторов.

Важным источником послужил журнал «История и современность», посвященный проблемам СЕИ, где публикуются авторы, использующие междисциплинарный подход, и редактором которого был Э. С. Кульпин.

3. Источники личного происхождения представлены письмами Э. С. Кульпина автору диссертации, опубликованными интервью с Л. Н. Гумилевым и его автобиография. Личным источником выступил интернет-блог профессора Санкт-Петербургского государственного университета, специалиста в области шумерологии В. В. Емельянова. Содержание таких источников часто окрашено эмоционально, в них затрагиваются темы, не подлежащие обсуждению в научных работах. Субъективные оценки описываемых в них событий важны для понимания личности их авторов: мыслей, впечатлений, особенностей восприятия.

4. Кино- и аудиодокументы в диссертации представлены курсом видеолекций «Генетические коды цивилизаций» Э. С. Кульпина, и аудиозаписью лекции Л. Н. Гумилева на Географическом факультете ЛГУ. Эти источники позволяют понять особенности проведения лекций авторами.

5. Интернет-ресурсы: созданный последователями Л. Н. Гумилева и посвященный его жизни и творчеству Сайт Gumilevica, а также сайт, созданный Э. С. Кульпиным «Социоестественная история (СЕИ)», где рассказывается о том, что такое СЕИ, публикуются выпуски журнала «История и современность», размещается информация о проводимых конференциях.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена в первую очередь тем, что впервые в отечественной историографии детально проанализированы результаты исследовательской деятельности Э. С. Кульпина и

созданной им научной школы-конференции «Социоестественной истории», которая появилась сравнительно недавно, в 1990-е годы и активно развивается в настоящее время, но подробного историографического анализа в науке еще не появилось.

На сегодняшний момент проблема демаркации научного и ненаучного знания, а также концепция Л. Н. Гумилева имеют обширную историографию. Однако практически отсутствуют работы, касающиеся подробного анализа СЕИ. Далеко не полностью изучен вопрос о преемственности концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина. Малоисследованной областью остается проблема статуса междисциплинарных исторических исследований в научном сообществе. Обе концепции впервые взяты в сравнении и проанализированы сквозь призму единых критериев научности.

Данная диссертация расширяет представление о критериях научности современного исторического знания, области применения к истории социоестественных подходов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Как показало сравнительное исследование концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина, критерии научности не универсальны, они подвижны и подвержены эволюции. Можно в них выделить более-менее стабильное «ядро», так называемее «объективные» критерии, они являются необходимыми, но иногда оказываются недостаточными в определении судьбы конкретной теории. В сложных случаях на первый план могут выйти субъективные оценки ученых, формирующих «парадигмальные основания» современного автору научного сообщества, чье конвенциональное мнение в итоге и определяет признание либо непризнание его теории в качестве научной.

2. Применение формальных аспектов научности к концепциям Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина позволило определить параметры расхождения концепций в плане их релевантности данным критериям. Концепция Э. С. Кульпина оказалась полностью релевантной, Л. Н. Гумилева – частично. Демаркационная линия между рассмотренными теориями проходит, прежде

всего, по критерию «пределов применения теории». Л. Н. Гумилев выдвинул детерминистическую теорию, которая претендовала на всеобщность и, по сути, замещала собой все альтернативные ей модели. Теория Э. С. Кульпина имеет ясно очерченные пределы применения и встраивается в уже утвержденную картину мира.

3. Л. Н. Гумилев жил в период абсолютного доминирования марксистской теории в отечественной научной среде и его теория сразу получила статус «антимарксистской», что приводило к трудностям в признании его ученым, но, тем не менее, он стал доктором одновременно исторических и географических наук, что делает его вполне легитимным членом сообщества ученых. Но, в то же время, именно восприятие автора как «антимарксиста», его трагичная судьба, образный и интересный язык описания, парадоксальные суждения привлекли к нему внимание и сделали общественным феноменом. Э. С. Кульпин создал свою концепцию СЕИ уже в постсоветское время, когда не нужно было бороться за признание с довлеющей идеологией и основания научности изменились, однако и столь сильного внимания она не привлекла.

4. Судьба Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина и их теорий показывает, что при изменении доминирующих научных парадигм оценки теорий могут также трансформироваться. Так, при распространении постнеклассических идей, вводивших менее жесткие рамки научности, допускается методологический плюрализм. При таком ракурсе концепция Л. Н. Гумилева уже не всегда оценивается как «лженаучная», однако именно реакция ученых-практиков на эти концепции и показывает доминирование классических критериев.

Теоретическая значимость заключается в выявлении критериев научности, применяемых к социоестественным подходам в историческом исследовании, которые позволяют определить «лимиты» научности концепции этногенеза Л. Н. Гумилева и социоестественной истории Э. С. Кульпина.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертации в образовательном процессе при подготовке методических указаний, учебных пособий, лекционных и

практических занятий по дисциплинам «История и методология науки», «Методология исторического познания», «История исторической мысли XX века».

Апробация результатов исследования. Основные положения по теме диссертации были изложены на 3 всероссийских и 5 международных конференциях, в том числе, на международной молодежной конференции «Приоритеты научного сотрудничества молодых ученых России и Китая в 21 веке» (Томск, 2012); всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 2012); международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014); международной молодежной научной конференции «Вопросы истории, международных отношений и документоведения» (Томск, 2015) и др.

Публикации. Полученные результаты отражены в девяти публикациях, из них четыре – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (все статьи опубликованы в российских научных журналах, входящих в Web of Science).

Достоверность результатов, полученных в процессе диссертационного исследования, определяется широким кругом источников, включающим в себя монографии и статьи исследуемых авторов, материалы периодической печати, источники личного происхождения, аудио- и видеодокументы, интернет-ресурсы. Автором корректно применяются общенаучные, специально-исторические методы исследования, соблюдаются основные общенаучные принципы.

Структура работы подчинена реализации поставленной цели и задач. Исследование состоит из ведения, трех глав с подразделами, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

1 Критерии демаркации научного и вненаучного знания в контексте специфики социоестественных подходов

Термин «демаркация» означает «разграничение», под этим термином мы будем понимать разграничение теорий на научные и ненаучные, внутри которых, в свою очередь, лженаучные теории можно выделить в особый подраздел. Важной задачей является выявление тех условий, критериев, которые применяются научным сообществом для определения валидности научной теории.

В обосновании же и введении критериев научности невозможно игнорировать факт их зависимости от различных сфер и этапов познания, формирующих само представление о науке. В этой ситуации наука являет собой специфическую область идейного производства, подчиняющуюся своим законам и соответствующую особым критериям и нормативам, поэтому выявлять и анализировать их необходимо.

Пример с рассматриваемыми концепциями Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина показывает нам особенности функционирования этих условий демаркации в научном сообществе, а также специфику отношений к обеим теориям.

1.1 История развития проблемы демаркации научного и вненаучного знания

Вопрос о том, что же такое наука, ставился давно, разные ученые стремились решить столь важную для понимания и утверждения статуса науки задачу. Титул эталона присваивался поочередно конкретным то наукам-лидерам, то научным отраслям или же специальным методам[96]. И в каждом конкретном случае направляющие принципы менялись[97]. Исторически первым идеалом можно считать математическое знание[98]. Причины, по которым

[96] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 5.

[97] Впервые решение проблемы демаркации рассмотрено в: Маслова Е. К. Преемственность в решении проблемы демаркации научного и вненаучного знания // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной молодежной научной конференции. Томск, 08–10 апреля 2015 г. Томск, 2015. Т. 1, вып. 11. С. 380–384.

[98] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 5.

абсолютизировался именно этот идеал, имеют корни еще в Античности. В целом этот идеал сводится к тому, что любое научное знание должно быть обосновано, а таковым оно считается, если критерии истины заданы принудительным, строгим образом. Это достигается четко фиксируемыми средствами: логическими исчислениями, правилами дедуктивного вывода. Что, в свою очередь, означает логическое доказательство, которое являет собой специфическую черту математического познания.

Как отмечает философ и историк науки Виктор Васильевич Ильин, в разные времена эту позицию разделяли Роджер Бэкон, Леонардо да Винчи, Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Готфрид Лейбниц, Эдмунд Гуссерль и многие другие мыслители[99]. Проводились и проводятся попытки приблизить любую науку к математике, к ее строгой технике познания. Безусловно, внедрение математических методов в другие науки расширяет эвристические возможности систематизации фактических данных и доказательной базы.

Однако со временем эталон научности изменился: им стал физический образец, основанный на постулате экспериментальной апробации знания и исходящий из того, что научное знание должно отвечать требованию истинности, достигаемому опытным путем. Поэтому два фундаментальных критерия научности, к которым прибегает физикализм – это эмпирическая оправдываемость и объяснительная сила (в которую входит предсказательная сила – возможность составить точный и достоверный прогноз)[100]. Эмпирическая оправдываемость – это возможность установления истинности или ложности теории путем соотнесения их с непосредственно наблюдаемым явлением[101]. Ее использование в общественно-исторических науках неоправданно. Физические законы в обществе не действуют, к тому же в истории поставить повторяющийся эксперимент невозможно.

Подобный естественнонаучный канон был широко распространен в XIX веке представителями позитивизма как основной эталон научности, конвенционально принятый научным сообществом. И он настолько укоренился,

---

[99] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 6.
[100] Ильин В. В. Философия. Ростов н/Д., 2006. Т. 1. С. 357.
[101] Там же. С. 390.

что даже в настоящее время, когда встает вопрос о критериях научного знания, чаще всего речь идет о естественнонаучных дисциплинах. Позитивизм ставил своей целью получение объективного знания, и, следовательно, определял его критерии: прагматизм (полезность для жизни общества), эмпиризм (опора на данные, полученные опытным путем). Один из родоначальников позитивизма Огюст Конт считал, что основой всей научной деятельности является опыт, а метафизические явления должны быть устранены[102].

Однако со слов А. Ю. Сторожук, критерий позитивистов о наблюдаемости и эксперименте разделялся не всеми: французский ученый и историк науки П. Дюгем утверждал, что два человека могут смотреть на один и тот же объект, но видеть различные вещи, поскольку имеют различную «теоретическую нагруженность» – необходимое условие видения: люди видят то, что хотят и ожидают увидеть, чтобы подтвердить свои положения[103].

Опираясь на постулат о необходимости дедуктивного вывода из изменяющихся законов, британский философ, общественный деятель и математик Бертран Рассел и немецкий философ Людвиг Витгенштейн сформулировали теорию языковых игр. Также они отстаивали обоснование полученного знания в чувственном опыте. В 1918 году вышла книга Б. Рассела «Философия логического атомизма», в которой собраны лекции автора, прочитанные в том же году в Лондоне. Автор утверждает, что логически несовершенный язык рассуждения влияет на его конечный результат[104]. А в 1921 году вышла книга Витгенштейна «Логико-философский трактат», в которой были развиты идеи Рассела. Витгенштейн высказал идею создания некоего общего, унифицированного, знакового языка науки, «так чтобы каждый возможный смысл мог выражаться символом, который подходит под это описание, и так чтобы каждый символ, подходящий под это описание, мог выражать смысл, если соответствующим образом будут выбраны значения имен»[105].

---

[102] Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003. С. 72.

[103] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С.78.

[104] Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. С. 23.

[105] Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 60.

Но уже в конце 1930-х годов, как пишет В. В. Ильин, выяснилось: не все термины научного словаря могут быть сведены к логическим и эмпирическим. Тогда американский философ Рудольф Карнап уточнил некоторые предложения философского языка, которые не полностью определяют значение терминов, а лишь частично их интерпретируют. В итоге развернулась дискуссия, в ходе которой было выявлено: «теоретические термины имеют самостоятельное значение, которое обусловлено внутренней проблемной областью теории»[106]. Таким образом, общего критерия научности не сформировалось.

В первой половине XX века неопозитивисты, в частности и Рудольф Карнап, предложили в качестве критерия научности выдвигать принцип верификации – для научного знания обязательно присутствует возможность проверки опытным путем. Об этом пишет и В. В. Ильин[107]. Для исторического познания это означало опору на источник и процедуру внешней (определить когда, где, кем создан источник, проследить его в других документах и восстановить, если возможно, первоначальный текст) и внутренней (герменевтической: интерпретировать содержание текста) критики документа.

Однако уже в 1934 году Карл Поппер (1902–1994) в работе «Логика научного исследования» отверг критерий верификации, предложив, по сути, противоположный принцип – принцип фальсифицируемости, то есть проверки на ложность. Австрийский и британский философ утверждал, что научна только та теория, в опровержение которой находятся какие-либо факты, что ученый не должен искать подтверждения, так как если искать, то они обязательно найдутся. Нужно искать опровержения. Следовательно, ни одну теорию нельзя назвать научной до тех пор, пока она не «сфальсифицирована». К. Поппер полагал, что научность теории важнее, чем ее истинность: «меня интересовал не вопрос о том, «когда теория истинна?», и не вопрос: «когда теория приемлема?». Я поставил перед собой другую проблему. Я хотел провести различие между наукой и псевдонаукой, прекрасно зная, что наука часто ошибается и что псевдонаука

[106] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 13.
[107] Там же. С. 56.

может случайно натолкнуться на истину»[108]. Не отрицая иные формы познания, К. Поппер поставил перед научным сообществом оригинальную задачу, и с его помощью принцип фальсифицируемости вошел в академический обиход и используется в качестве критерия научности.

Ученик Поппера – Имре Лакатос (1922–1974) считал, что фальсифицируемость не может быть критерием научного знания, так как ученые не отказываются от теории, если ей противоречат факты. Наоборот, обычно они изобретают вспомогательные гипотезы – защитный пояс теории, который помогает подстроить теорию под новые факты[109]. В отличие от своего учителя, который ставил под сомнение теории, Лакатос ставит под сомнение факты, говоря о том, что они не являются независимыми. Свою концепцию Лакатос называет методологией научно-исследовательских программ[110]. Эти программы и определяют факты, поскольку даже сам язык описания теоретически нагружен. Главным критерием научности программы он называет прирост знания, который она дает из-за своей предсказательной силы – возможности предвидеть с помощью теории новые события. Когда программа перестает поставлять знания и начинает работать только на «пояс» теории, от нее стоит отказаться. Хотя он отмечает, что программа может преодолевать внутренний кризис и снова давать новое фактическое знание. Критерий научности в очередной раз меняется, причем в функциональную сторону: теория научна, пока помогает получать новое знание.

Значительный шаг в развитии представлений о критериях научности сделал американский историк и философ науки Томас Кун (1922–1996), который выделил в истории любой области науки периоды «нормальной науки» и научные революции[111]. Под термином «нормальная наука» он понимал исследования, проводимые научным сообществом, которые опираются на крупные научные достижения, которые в течение некоторого времени признаются этим

---

[108] Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. М., 2004. С. 64.

[109] Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 80.

[110] Там же. С. 69.

[111] Кун Т. С. Структура научных революций [Электронный ресурс] // Электронная библиотека bookz.ru. Электрон. дан. [Б. м.], 2003–2018. URL: https://bookz.ru/authors/tomas-kun/struktur_030/1-struktur_030.html (дата обращения: 10.10.2018).

сообществом как основа его дальнейшей деятельности. Отсюда Кун определяет парадигмы – «признанные всеми научные достижения, которые воспринимаются научным сообществом как образец постановки и решения проблем»[112]. Однако рано или поздно в научном познании возникают кризисные явления, связанные с появлением трудностей в развитии «нормальной науки». Трудности, прежде всего, связаны с появлением новых данных, которые в рамках принятой парадигмы выглядят аномальными. В конечном счете, данная проблема разрешается тем, что формируется новая парадигма, и в науке происходит революция.

Защитники различных парадигм живут в отличных друг от друга мирах, они считают свои теории соответствующими объективной реальности, но по-разному воспринимают эту самую реальность. Таким образом, «нормальная наука», отражая реальность возобладавшей парадигмы, очень быстро развивается, накапливая огромную информацию и опыт решения задач. И развивается при этом не вопреки традициям, а именно в силу своей традиционности. Важными аспектами в теории Куна является его тезис о «несоизмеримости» парадигм и отрицание преемственности в науке. Демаркационная линия может быть проведена только в соответствии с господствующей в данный исторический период парадигмой научно-исследовательской деятельности[113]. Таким образом определилось, что критерий научности не постоянен, а зависит от конкретного исторического момента.

Идеи Т. Куна в 1970-е гг. развил философ и методолог науки П. Фейерабенд (1924–1994), который заявил о том, что если парадигмы несоизмеримы, то логических критериев для их сравнения нет[114]. Следовательно, развитие науки идет путем увеличения научных теорий, которые можно сравнивать между собой, но нельзя сравнить с реальностью с точки зрения «научности», а можно только сопоставлять друг с другом. Его провокационные идеи получили название «методологического анархизма». Фейерабенд заявил: «мысль о том, что наука

---

[112] Кун Т. С. Структура научных революций [Электронный ресурс] // Электронная библиотека bookz.ru. Электрон. дан. [Б. м.], 2003–2018. URL: https://bookz.ru/authors/tomas-kun/struktur_030/1-struktur_030.html (дата обращения: 10.10.2018).

[113] Там же.

[114] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 6.

может и должна развиваться согласно фиксированным и универсальным правилам, является и нереальной и вредной»[115]. Следовательно, критерии научности не могут быть определены, грань между наукой и ненаукой стирается. И в конце XX – начале XXI веков научными могут считаться одновременно несколько парадигм.

Наряду с развитием идей Фейерабенда в 1976 году вышла книга британского социолога Дэвида Блура «Знание и социальные представления», в которой автор утверждал, что всякое знание (как социально-гуманитарное, так и естественнонаучное) – без остатка «социально нагруженный» феномен, а потому в нем нет места объективной, внесоциальной истине[116]. Таким образом, вводится объяснение любого знания через порождающие его социально-культурные условия.

Существует, однако, мнение, что критериальный метод не показывает всей полноты картины. Например, философ Н. И. Мартишина, определяя возможные схемы осмысления проблемы демаркации науки от ненауки, пишет о том, что можно отказаться от намерения составить список параметров, которые полностью определяли бы, что такое наука; гораздо успешнее можно было бы применять один конкретный признак, который бы позволил отличать научные концепции от ненаучных, например, идею Карла Поппера о фальсифицируемости[117], но конкретный признак философ не называет. Но некоторые, как, например, П. Фейерабенд, считают, что выбор того, что стоит считать научным, а что – нет, происходит вовсе не из-за формальных несоответствий чему-либо, а из-за утилитарных причин. Поэтому ни один какой-то критерий, ни их список не помогут нам решить проблему научности, важно лишь, работает эта система на решение каких-либо проблем или нет.

Но в классическом понимании критерии научности все же определяют как список параметров. Примером классического понимания демаркации науки от не науки в российской историографии является теория В. В. Ильина, которая легла

---

[115] Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 450.

[116] Bloor David. Knowledge and social imagery [Electronic resource] / Book reader. Electronic date. [S. I.], 2018. URL: http://bookre.org/reader?file=1441908 (access date: 21.11.2017).

[117] Мартишина Н. И. Тема «Наука и вненаучное знание» в курсе философии науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI, № 4. С. 112.

в основу российской философии науки. Одной из его работ является книга «Критерии научности знания», в которой автор анализирует вопросы статуса науки как специфического типа знания; исследует критерии научности.

В первую очередь, В. В. Ильин говорит о многоразличности и историчности систем науки, поэтому составить список достаточных критериев научности невозможно. Так, он пишет: «Любой, самый представительный развернутый список критериев, включающий в себя даже наиболее фундаментальные характеристики научного интеллекта, такие, как внутренняя непротиворечивость, опытная адаптивность, теоретико-методологический монизм, строгость, однозначность понятийного фонда, свобода от догматизма, предвзятости и т.п., в итоге оказался бы формальным, ибо не был бы связан с наукой»[118]. Следовательно, претендовать на всеобъемлющее описание «научности» невозможно.

В целом В. В. Ильин делит критерии на 3 группы:

а) **логические** (непротиворечивость, полнота, независимость) характеризуют знание с позиции его формальной стройности, совершенства организации[119]. Непротиворечивость означает отсутствие одновременного утверждения двух взаимоисключающих идей. Полнота системы определяется, если все утверждения могут быть доказаны и присоединение в системе недоказуемого утверждения ведет к противоречию[120]. И независимость означает невыводимость одной аксиомы из других, принятых в данной системе[121];

б) **эмпирические** (подтверждение (верификация) и опровержение (фальсификация)) связаны с опытной оправдываемостью, опробуемостью знания[122]. Однако данные критерии применимы только к опытным наукам, где эксперимент входит в научную деятельность в качестве необходимого компонента. В гуманитарной сфере этот критерий может означать потенциальную проверяемость или непроверяемость фактами, т.е. должно присутствовать указание на какие-либо факты, позволяющие доказать или опровергнуть теорию;

---

[118] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 21.
[119] Там же, С. 37.
[120] Там же. С. 39.
[121] Там же. С. 40.
[122] Там же. С. 56.

в) **экстралогические** и **неэмпирические** (простота, красота, эвристичность, конструктивность, нетривиальность, информативность, логическое единство, обоснованность, прагматичность и т.д.[123]). Данные критерии недостаточны, но важны, например, если невозможна опытная оправдываемость.

В. В. Ильин различает несколько видов простоты. Во-первых, **онтологическая простота**, которая постулирует объективно присущую мирозданию гармоничность, а также монистичность. То есть, если реальность одна, то и описание реальности в пределах теорий должно быть единым. Во-вторых, **семиотическая**, в рамках которой автор выделяет синтаксическую и прагматическую простоту[124].

Компактность, гомогенность, логическое единство, стройность, изящность, ясность, обобщив, можно назвать «красотой». Как пишет В. В. Ильин, красота «представляет собой характеристику знания со стороны субъективной удовлетворенности им»[125]. Суть принципа красоты в том, что хорошая теория отличается особой эстетической гармонией, элегантностью, ясностью и стройностью.

Критерий эвристичности означает, что теория обладает способностью к саморасширению, приращению нового знания. Тогда как неэвристичные теории, тривиальные, не обеспечивающие прирост информации по этому критерию, выбраковываются. Неэвристичные концепции характеризуются тем, что они:

1. Не обращаются к законам, описывающим суть изучаемых явлений, то есть не имеют объяснения того, каким образом будут действовать в иных условиях описанные в теории процессы.

2. Объясняют явление через само себя, либо данное явление объясняется особенностью и специфичностью по сравнению с другими явлениями.

3. Не дают возможности предсказания дальнейших процессов и событий.

4. Постулируют «абсолютное начало». Таковыми являются различные космологические модели.

---

[123] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 68.
[124] Там же. С. 72.
[125] Там же. С. 76.

Критерий когерентности означает согласованность, взаимосвязанность полученных исследовательских результатов с теми знаниями, которые уже были оценены как фундаментальные. Тем самым когерентность обеспечивает сохранность науки от проникновения в нее претенциозных, не имеющих достаточных оснований суждений и положений. Этот критерий является наиболее значимым в истории советской и российской науки. Теории не были релевантными только по причине их несоответствия «фундаментальному знанию», представления о котором, между прочим, менялись в зависимости от политической и социальной обстановки в стране. Например, Л. Р. Грэхэм упоминает меняющееся отношение к советской кибернетике: в начале 1970-х с энтузиазмом обсуждалась ее важность, а уже к концу десятилетия ученые стали избегать ее упоминания, и лишь к началу 1980-х стали преобладать более трезвые взгляды на эту науку[126].

В целом данные критерии, по мнению самого В. В. Ильина, выражают только некую «правильную» часть науки. В действительности же наука включает и теории, содержащие противоречия (теория множеств Кантора), и недоказанные теоремы (Великая теорема Ферма), и неразрешенные проблемы (проблема Гольдбаха), и парадоксы (парадокс Гиббса) и многое другое. Поэтому наука не может приравниваться к своей «правильной» части, а эта часть не может представлять науку как целое, так как наряду с обоснованным знанием наука содержит и необоснованное. В конечном итоге появляется необходимость коррекции в виде осознания разветвленности внутреннего состава науки.

В. В. Ильин говорит о потребности во взгляде на науку как на разветвленное, рационально-многосложное, многоотраслевое образование с автономными комплексами ценностей и нормативов, что позволяет проводить избирательные унификации науки.

С конца 1980-х гг. постепенно распространяется концепция постнеклассической рациональности В. С. Степина. В 1989 году в журнале

---

[126] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе : пер. с англ. ; послесл. В. С. Степина. М., 1991. С. 286–288.

«Вопросы философии» он предложил различение классической, неклассической и постнеклассической рациональности[127], которые отличаются видением объектов исследования в качестве саморазвивающихся систем. Следовательно, не могут не изменяться и методы изучения этих объектов.

В. С. Степин считает, что с возникновением дисциплинарно организованной науки в рамках ее отдельных отраслей (наук) создаются особые образы предмета исследования – дисциплинарные онтологии. Но уже в XIX столетии возникали связи межу различными дисциплинарными картинами мира, формировались общенаучные понятия и представления, которые составляли основу развития общенаучной картины мира. В XX столетии обменные процессы между науками стали еще более интенсивными. Различие междисциплинарных и дисциплинарных исследований состоит в масштабах обобщения методах исследования[128]. Рассматривая синергетику как новое междисциплинарное научное знание, В. С. Степин отмечает: «изучаемые объекты все чаще предстают как различные варианты процессов самоорганизации, становления и функционирования исторически развивающихся систем. И тогда становится возможной взаимная трансляция синергетических описаний и методов из естественных в социальные науки и обратно»[129].

Философ Б. С. Щеглов считает, что рассмотрение идеи постнеклассической рациональности в современном познании представляет в настоящее время одну из наиболее активно обсуждаемых проблем в отечественной и зарубежной литературе. Представители различных философских направлений говорят о кризисе идеи рациональности, полагая, прежде всего, утрату четких критериев рациональности научного познания. «И в этом смысле рационалистические установки и рационалистическое мировоззрение оказались в рамках всего объема противоречий современной цивилизации, которые невольно ставят под сомнение

---

[127] Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

[128] Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. Электрон. дан. [Б. м.], 2001–2017. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/ (дата обращения: 13.08.2018).

[129] Там же.

сами основы концепции рациональности и возможности решения современных проблем единственно рациональным путем»[130]. О важности постнеклассической науки говорят и представители направления глобальной истории[131]. Однако постнеклассика предполагает довольно лояльное отношение к вопросу демаркации научного и лженаучного знания, а теории рассматриваемых авторов – Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина – относятся к классическим теориям с верой в приоритет материализма и физических законов, предопределяющих историю.

Но в настоящий момент чаще всего против демаркации науки и лженауки высказываются те, чьи идеи не признаются научным сообществом, например математик Анатолий Фоменко в своем интервью сравнивает свою «новую хронологию» с генетикой[132]. Основным аргументом в подобных случаях является тот факт, что в разное время великие открытия отрицались наукой, обществом и государством. Примером тому может послужить ситуация с генетикой Менделя, которая в 1949 году была объявлена Центральным комитетом КПСС псевдонаукой; ее защитники, такие, как академик Н. И. Вавилов, были уничтожены в концлагерях; после убийства Вавилова генетика была реабилитирована[133]. Еще одним примером будет являться теория Николая Коперника, запрещенная католической церковью в 1616 году как псевдонаучная. Данная теория была исключена из Индекса запрещенных книг в 1820 году, когда церковь сочла ее согласующейся с фактами, с этого времени теория стала считаться научной… Сравнение своей теории с подобными, отрицаемыми ранее открытиями и направлениями, может быть не безосновательным, однако оно допускает возможность существования в науке тех направлений, которые общепризнанны как лженаучные: евгеника, уфология, парапсихология, астрология. К тому же подобные высказывания – «претензия на величие», исходя из

---

[130] Щеглов Б. С. Постнеклассическая рациональность в социально-философском контексте : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11. Таганрог, 2005. С. 3.

[131] Чешков М. А. Глобалистика как отрасль научного знания // Цивилизации. М., 2002. Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории. С. 52.

[132] Расписные истины Анатолия Фоменко. Эксклюзивное интервью автора «Новой хронологии» [Электронный ресурс] // ER-portal.ru. Электрон. дан. [Б. м.], [Б. г.]. URL: http://www.74rif.ru/Fomenko.html (дата обращения: 20.07.2015).

[133] Философия и методология науки. М., 1996. С. 193.

критериев Майкла Шермера, которые упоминались во введении, а это и есть один из признаков ненаучности.

Возвращаясь к российскому ученому сообществу, обратимся к еще одному автору, который сформулировал и структурировал критерии научности – А. Ю. Сторожук, доктор философских наук, доцент Новосибирского государственного университета. На материале своей диссертации Сторожук выпустила монографию «Пределы науки»[134], посвященную проблеме построения критериев научности, в которой выделяет ряд критериев:

1. Эмпирическая проверяемость.

2. Объяснительная сила теории – возможность приложения теории к более широкому кругу явлений.

3. Предсказательная сила теории.

4. Непротиворечивость устоявшимся теориям.

5. Системность.

Причем, по мнению А. Ю. Сторожук, одновременно всеми характеристиками теории почти никогда не обладают. Поэтому, чтобы мы могли назвать теорию научной, она должна соответствовать минимум четырем критериям[135]. Но значимость того или иного критерия будет меняться в зависимости от области науки, в которой они применяются.

Сложности в выявлении критерия демаркации науки от не-науки возникают из-за того, что «современные научные исследования проводятся в различных областях знания, кроме того, с течением времени в науке изменяются стандарты исследования»[136]. Социальный фактор А. Ю. Сторожук принимает во внимание тем образом, что вводит критерий согласованности одной теории со всеми предыдущими, «так как такое согласование подразумевает выполнение исторически сложившихся норм и стандартов научного исследования»[137].

А. Ю. Сторожук также отмечает, что, если теории, ранее являющиеся научными, впоследствии выходят за рамки науки, это происходит из-за развития

---

[134] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. 239 с.
[135] Там же. С. 216–217.
[136] Там же. С. 152.
[137] Там же. С. 153.

самой науки. Например, геоцентрическая модель мира Птолемея в момент ее создания (II век н.э.) выполняла все необходимые требования к научным теориям, проводились все возможные на тот момент расчеты, а выводы подтверждались фактами. И только через тысячу лет Коперник (XVI век), обладая уже бóльшим количеством фактов и бóльшими возможностями наблюдения, создал гелиоцентрическую модель. Но все-таки «только после работ Ньютона (XVII век), строго обосновавшего гелиоцентрическую модель, она была окончательно принята научным сообществом»[138]. Автор указывает на преемственность: новая теория соответствует эмпирическому содержанию старой, принимает некоторые прежние принципы[139].

Некоторые подходы к определению науки и не науки были намечены в работе философа В. Н. Поруса, который предлагает отказаться от поиска абсолютных признаков науки, и исследовать признаки научности не как объективности, а как тенденций к объективности. Он называет подобный подход «критико-рефлексивным», допускающим изменение или развитие научной рациональности[140].

Обрисовать современные подходы к проблеме демаркации науки и псевдонауки пробовали в своей статье «О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации»[141] философы В. А. Бажанов и А. М. Конопкин. Они показали, как в каждом подходе определяется псевдонаука, обозначили сложности каждого из подходов. Они выделили шесть подходов к проблеме псевдонауки: классический, логико-методологический, культурно-мифологический, психологический, социальный.

Классический подход основан на методологии позитивизма. Это поиск однозначного критерия демаркации науки и ненауки. С точки зрения данного подхода псевдонаука – это заблуждение, отрицательное и неподходящее к идеалу правильного знания. В противовес этому подходу строится релятивистский

---

[138] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С. 55.

[139] Там же. С. 56.

[140] Псевдонаучное знание в современной культуре : материалы круглого стола // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 14–15.

[141] Бажанов В. А., Конопкин А. М. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 174–191.

подход, который утверждает, что демаркация невозможна, и наука не имеет никаких преимуществ перед другими областями знания. В таком подходе строится концепция методологического анархизма П. Фейерабенда.

Логико-методологический подход признает многообразие научного метода, ищет основы для демаркации в методологиях частных наук. В понимании данного подхода единых критериев научности не существует, что, однако, не дает основания к прекращению попыток составить еще более изощренную базу критериального разграничения с признанием историчности научного метода и разнообразия их идеалов.

В психологическом подходе анализируется личность создателя псевдонаучной теории. Социальный подход связан с пониманием псевдонауки как явления, вызванного общественными предпосылками. Эти два подхода стоят особняком от остальных; как правило, их приверженцами являются ученые-психологи и естественники. Например, английский физик, химик и философ Майкл Полани придает большое значение традициям научного сообщества в определении научности. Он утверждает, что научный спор неизбежно становится спором личностей, а критерием научности выступает организованное согласие ученых. Научный спор превращается «в диспут между установившимся авторитетом и самозванцем <…>, за которым пока что отрицается статус ученого»[142]. Отсюда следует важный тезис: ведущая роль должна принадлежать исследованию противостояния личностей. Однако проводить границу и сосредотачиваться только на анализе личности лжеученых вряд ли оправданно, поскольку наука характеризуется не личностями, а критическим отношением и рациональностью[143].

Культурно-мифологический подход сомневается в возможностях демаркации науки от ненауки. В работах отечественного философа А. Ф. Лосева большое внимание уделяется рассмотрению мифа. В 1927 г. он написал книгу «Диалектика мифа», в которой дается подробный и всесторонний анализ мифа. С его точки зрения наука не тождественна мифу, мифология не предшествует науке, и наука

---

[142] Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 235.

[143] Бажанов В. А., Конопкин А. М. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 188.

не появляется из мифа[144]. Но, в то же время, наука не существует без мифа, она всегда мифологична[145], и речь идет не только и не столько о псевдонауке. Он показывает, что некоторые научные идеи воспринимаются учеными как вероучение и догмат[146], сами по себе научные теории не мифологичны, но их использование, вера в них, образ который они создают имеют черты мифа. Например, «выбор между Эйнштейном и Ньютоном есть вопрос веры <…>. Одним хочется распылить вселенную в холодное и черное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим <…> – собрать вселенную в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами…»[147].

Ученые используют научные идеи таким образом, чтобы не оставить места для прочих форм познания, «когда наука разрушает миф, то это значит только то, что одна мифология борется с другой»[148]. Наука, с точки зрения А. Ф. Лосева, не может разрушить миф, но она его осознает и снимает с него некий рассудочный план[149].

Миф также изучал немецкий философ К. Хюбнер. Он считал, что мифологический процесс протекает иначе, чем научный: скорее синтетически и в меньшей степени аналитически[150]. В мифе, в отличие от науки, не существуют чисто материальных предметов природы, скорее они являются мифическими субстанциями, а поэтому не могут быть выражены в понятиях[151].

Ненаучные формы знания некоторые понимают как нечто особенное, отдельное от науки. Так, например, специалист в области гносеологии В. М. Найдыш понимает лженауку как самостоятельную разновидность вненаучной культуры и определяет ее как своеобразную форму духовной деятельности, претендующую на статус науки, но в то же время, отвергающая, сознательно или бессознательно нормы и ценности научной деятельности[152].

---

[144] Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 41.
[145] Там же. С. 12.
[146] Там же. С. 14.
[147] Там же. С. 17.
[148] Там же. С. 16.
[149] Там же. С. 17.
[150] Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С. 96.
[151] Там же. С. 101.
[152] Найдыш В. М., Гнатик Е. Н., Данилов В. Н. Наука и квазинаука. М., 2008. С. 8.

Как видим, критерии научности менялись в зависимости от времени, стадии развития науки, политической ситуации. На каждом этапе ученое сообщество «договаривалось», какие концепции считать научным, а какие – нет. Этот процесс показывает конвенциональную природу научного знания и одновременно нестабильность научной конвенции. В гуманитарном знании проблема демаркации стоит еще более остро. Отдельно стоит сказать о проблеме установления критериев научности в гуманитарном познании, поскольку оно является специфическим видом знания, отличным от естественнонаучного. А поскольку социоестественные подходы строятся в основном на базе истории, в следующем параграфе рассмотрим данную проблему применительно к гуманитарному, в первую очередь историческому знанию.

1.2 Критерии демаркации научного и вненаучного знания в гуманитарных науках

Еще В. Дильтей, представитель «философии жизни», ввел понятие «наук о духе» и выявлял специфические методы гуманитарных наук, несводимые к процедурам естественных наук[153]. Он считал, что такие науки опираются на понимание (вместо объяснения), на диалог с человеком прошлого через документы (вместо монолога), на изучение текстового мира (вместо природного)[154]. В фокусе внимания оказался человек, его жизнь и взаимодействие с реальностью. Отсюда – специфический язык науки, особый способ мироистолкования, опора на тексты. Традиционные научные критерии сложно подводимы под гуманитарное знание, требуют особой трактовки, пояснений и дополнений. Так, например, критерий верифицируемости или фальсифицируемости в гуманитарии может означать проверяемость или же непроверяемость фактами. Однако стоит условиться о том, что считать фактом в естественных науках, а что – в гуманитарных. В общем смысле естественных наук

[153] Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. М. : Три квадрата, 2004. Т. 3. 418 с.
[154] Там же.

факт – это объективное, т.е. независимое от наблюдателя, проверяемое наблюдение. Однако для гуманитарной сферы фактами, скорее, будут являться утверждения, доказанные в рамках сложившейся картины мира. Критерий объективности в случае гуманитарных и социальных наук также имеет свою специфику, поскольку предметом наук о человеке выступает культурная и человеческая реальность, постижение которой неизбежно связано с субъективными моментами. Однако требование объективности, определенным образом трансформируясь, тем не менее, сохраняется и здесь.

В центре размышлений представителей баденской школы неокантианства (в первую очередь В. Виндельбанда и Г. Риккерта) также стояла культура (т.е. именно то, что Дильтей считал предметом «наук о духе»). Однако их не устраивал психологизм подхода Дильтея и других представителей «философии жизни». Особое внимание они обратили не на предмет, а на особый метод социально-гуманитарных наук. В работе «История и наука о природе» (1894) В. Виндельбанд задается вопросом: можно ли представить социально-гуманитарное знание в четких естественнонаучных стандартах, не потеряв специфики социального[155]. «Несмотря на появление междисциплинарных областей знания, проникновения математических и других методов в гуманитарные науки, методология изучения общества не может быть сведена к естествознанию»[156]. Г. Риккерт выделял два основных метода научного познания: генерализирующий (т.е. обобщающий) и индивидуализирующий, утверждая, что для объектов гуманитарных наук характерна связь с ценностями, тогда как природа существует без какого бы то ни было отнесения к ценностям. Но это отношение к ценностям порождает проблему объективности культурной истории[157].

Вопросы методологии социально-гуманитарного знания на основе баденской школы неокантианства были разработаны немецким социологом М. Вебером. Он,

---

[155] Виндельбанд В. История и естествознание // Прелюдии. М., 2007. С. 333–352.

[156] Бутенко Н. А. Специфика и взаимосвязь естественного, социального и гуманитарного типов знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77), ч. 2. С. 32.

[157] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 69–101.

так же как и Риккерт, проводит различие между науками о культуре, основанными на понимании, и естественными науками, основанными на объяснении. Науки о культуре характеризуются тем, что они формируют объекты исторического исследования в соответствии с «культурными ценностями». Но в одном Вебер не согласен с Риккертом, утверждавшим, что существуют объективные культурные ценности. Позиция Вебера довольно близка позиции Ницше, который считал, что существует многообразие субъективных ценностных точек зрения. Но нужно разграничивать ценность и оценку, которая является субъективной[158].

Свою методологию познания социальных явлений Вебер противопоставляет марксистской методологии[159]. Он не разделяет мнения, что экономика детерминирует остальные сферы жизни общества[160]. Как и Дильтей, он считал, что нельзя изучать историю, исходя только из естественнонаучных методологических принципов, нельзя абстрагироваться от человека. Если в естественных науках исследуются количественные характеристики, то в социальных – качественные. Количественные методы все шире стали проникать в социальное познание, но Вебер считал, что это не приблизит к пониманию исторической действительности, а будет похоже на «справочник по соединениям органической химии»[161]. М. Блок также писал: «Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе»[162]. Таким образом, уже в начале XX века стало ясно, что переложить канон естественнонаучных дисциплин на историю без адаптации его под особую специфику нельзя. У подобных наук избежать обращения к человеку будет, в целом, невозможно. А основной источник для изучения человека – письменный. Многое историк узнает именно через тексты.

Американский историк А. Мегилл в своей «Исторической эпистемологии» рассуждает о проблеме границ и условий исторического знания. Ученый

---

[158] Писарчик Л. Ю. Методология социального познания М. Вебера // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2009. № 7 (101). С. 94.

[159] Там же.

[160] Там же. С. 98.

[161] Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 372.

[162] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 14.

утверждает, что история должна быть объективной, унифицированной, упорядоченной и аргументативной[163]. Настаивая на этом, Мегилл считает, что истину нарратива нужно подтверждать внешним по отношению к нему свидетельством. В социоестественных исследованиях именно внешними свидетельствами и могут выступать данные естественных наук. Мегилл осознает трудности, которые встают перед историком, оперирующим способами аргументации других дисциплин[164], и констатирует, что «нарратив снова и снова возвращается, вновь появляясь даже в тех ситуациях, где, казалось бы, он подвергается наиболее жестким атакам»[165]. Получается, что уйти от нарратива историку, работающему с письменными периодами истории, довольно проблематично, и практически невозможно.

Британский историк Дж. Тош в 1999 г. выпустил книгу «Стремление к истине: как овладеть мастерством историка»[166], в которой рассматривает, что такое «историческое сознание», зачем нужна история, что является источниками и как с ними работать. В первую очередь автор подчеркивает важность письменных источников, возросшую роль количественных методов в исторической науке[167]. Также историк задается вопросом: следует ли изучать человечество таким же образом, как и другие явления природы? В исторической науке естественнонаучные методы имеют место при изучении дописьменных периодов. Также при анализе источника с точки зрения материальной культуры существует тесная связь с работами в области физики и химии, и действуют те же критерии научности, что и в точных и естественных науках (например, при определении подлинности источника, анализ чернил и красочного материала, исследования материала для письма и пр.). Предметом социоестественных исследований же являются, в том числе, и письменные периоды истории обществ, к их методологии частично применимы критерии научности различных научных дисциплин.

---

[163] Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 165.
[164] Там же. С. 268.
[165] Там же. С. 183.
[166] Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М. : Изд-во «Весь мир», 2000. 296 с.
[167] Там же. С. 222.

Исходя из многих естественнонаучных критериев, гуманитарная наука сама по себе может оказаться за гранью научности. Чтобы разрешить возникшие проблемы и противоречия, необходим поиск синтеза гуманитарных и естественнонаучных методов исследования, чтобы по возможности нивелировать проблему разности критериев, систем представлений, создать единую платформу для объединения знаний ради общей научной цели.

Востребованность концепций исторического синтеза подтверждается появлением молодых субдисциплин, например, квантитативной истории, клиометрики, клиодинамики и глобальной истории.

Квантитативная история применяет количественные (экономические) методы в исторических исследованиях. Возникла она во Франции на основе восприятия идей марксизма. Основоположником является Э. Лабрусс и его ученики[168].

Клиометрика, выделившаяся в отдельное направление с 1960-х годов, применяет экономические методы при изучении истории. Согласно С. Уильямсону, впервые термин «клиометрика» появился в 1960 году в журнале «Journal of Economic History» в заявлении Дж. Хьюгса, Л. Дэвиса и С. Рейтера[169]. Они определяли клиометрику как синтез идей истории, экономики и статистики для изучения экономической истории. Но в дальнейшем ее стали использовать не только при исследовании экономической истории. Яркими представителями клиометрики являются Р. В. Фогель[170], Д. К. Норт[171], получившие в 1993 году нобелевскую премию по экономике. В России – это И. Д. Кавальченко[172], Л. В. Милов[173], Б. Н. Миронов[174]. Сейчас квантитативная история и клиометрика

---

[168] Трубникова Н. В. Становление французской квантитативной истории: методы исследований, тематические области, институциональные рамки // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С.102.

[169] Уильямсон С. История клиометрики в США : пер. А. Н. Полевой // Экономическая история. Обозрение. М., 1996. Вып. 1. С. 75.

[170] Fogel Robert W. A Quantitative Approach to the Study of Railroads in American Economic Growth: A Report of Some Preliminary Findings // Journal of Economic History. 1962. № 22. P. 163–197.

[171] North D. C. Quantitative Research in American Economic History // American Economic Review. 1963. № 53. P. 128–130.

[172] Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С.115–133.

[173] Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX в.в.) : материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 40–56.

в России некоторыми воспринимаются как синонимы (В. К. Кривоpученко[175]; В. Ж. Цветков, Е. А. Цветкова[176]).

Клиодинамика – междисциплинарная область исследования, которая основана на математическом моделировании социально-исторических процессов. Одной из наиболее актуальных задач данного научного направления является анализ возможностей приложения математических и формальных методов в исторических и социальных исследованиях и разработка методологии такого приложения[177]. Наиболее известными учеными в этой области являются А. В. Коротаев, П. В. Турчин, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. Некоторые их работы публиковались в журнале «История и современность». Л. Е. Гринин возглавляет научный совет СЕИ после смерти Э. С. Кульпина.

Развитие и институализацию глобальной истории показала историк Т. Л. Шестова в статье «Истоки и перспективы глобальной истории»[178]. Глобальная история изучает системы культурно-хозяйственных связей между различными народами, преодолевая деление истории на национально-государственные элементы. Одним из факторов рассмотрения этих систем в глобальной истории являются природные особенности. «Миграции, заселение территорий, торговые маршруты, распространение материальной культуры, духовные взаимовлияния цивилизаций и т. п. – вот основные темы глобальной истории»[179].

Т. Л. Шестова отмечает, что методологические истоки глобальная история берет во французской школе «Анналов», и прежде всего в работах главы школы в период с 1956-го по 1970-й год Фернана Броделя, который «отразил общую тенденцию научного знания XX в. к стиранию границ между дисциплинами

---

[174] Миронов Б. Н. История в цифрах. М. : Наука, 1991. 168 с.

[175] Кривоpученко В. К. О количественных методах в исторических исследованиях // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 101.

[176] Цветков В. Ж., Цветкова Е. А. Перспективы применения математических методов при изучении экономических вопросов в историческом образовании // Наука и школа. 2015. № 6. С. 8.

[177] Малков С. Ю., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Математическое моделирование в истории и социальных науках: надежды и успехи // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике : труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 12–14 мая 2006 г. М., 2008. С. 359.

[178] Шестова Т. Л. Истоки и перспективы глобальной истории // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1–2. С. 134–140.

[179] Там же. С. 136.

и переходу к проблемному принципу организации исследований»[180]. Идея сближения истории и общественных наук легла в основу, помимо глобальной истории, целого ряда научных направлений рубежа XX–XXI веков: мир-системный анализ, Environmental History, World and Transnational History, Big History, Cross-Cultural Studies[181].

Одними из достоинств глобальной истории автор называет введение в научный оборот значительного количества новых источников, пересечение с проблематикой естественных и социальных наук и использование их методов[182]. Изучение многообразия биосферы и экологических условий на Земле также является предметом глобальной истории. Стремление к объединению с географией появляется по причине того, что разнообразие условий естественной среды часто помогает объяснить контрастность в материальном развитии большинства обществ. Новый подход к эволюции взаимоотношений человека и природы подключает к работе биологов, геологов, климатологов, палеонтологов и эпидемиологов, а также археологов[183].

Одними из основоположником глобальной истории являются американские ученые Г. Иггерс и Э. Ван, которые написали книгу «Global history of Modern Historiography», опубликованную в 2008 году. В ней они изложили свой взгляд на историописание конца XX – начала XXI веков: выделили в нем основные направления, возникшие в этот период, рассмотрев развитие истории как науки в основных регионах мира[184]. Авторы указывают на необходимость нового подхода к историописанию, такого, «который бы <…> выходил бы за пределы дихотомии Запад/не-Запад, подкрепленной множеством <…> сравнительных исследований в истории и историографии»[185] и который «покажет перемены в историописании

---

[180] Шестова Т. Л. Истоки и перспективы глобальной истории // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1–2. С. 136.

[181] Там же. С. 136–138.

[182] Там же. С. 139.

[183] о'Брайен П. О. Статус государства и будущее универсальной истории // Цивилизации. М., 2002. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. С. 25.

[184] Иггерс Г., Ван Э. И. Глобальная история современной историографии : пер. с англ. О. Воробьевой / науч. ред. М. Кукарцева. М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

[185] Там же. С. 429.

в многополюсной, глобальной перспективе, признавая, что импульсы к его развитию поступали из разных источников и различных уголков земного шара»[186].

Несмотря на то, что абсолютной непроницаемой границы между наукой и другими видами интеллектуальной деятельности в настоящий момент нет, ученые по-прежнему ставят определенные рамки для научного знания, причем в независимости от того, точные это науки, естественные или гуманитарные. Такие рамки существуют не только в своем классическом понимании в сознании ученых, но разрабатываются и новые критерии, которые дополняют, преобразовывают и усовершенствуют старые.

Однако не стоит упускать из виду определенную степень субъективизма при решении о научности или ненаучности той или иной теории.

Сейчас историк работает на два рынка. Во-первых, это научный академический рынок: «Научная компетентность подтверждается учеными трудами и признанием коллег, являющихся потенциальными конкурентами и потому не слишком склонными проявлять снисходительность»[187]. Во-вторых, это рынок широкой публики: «здесь ценится <…> масштабность и увлекательность темы, элегантная и обобщенная ее подача, не отягощенная справочным аппаратом»[188]. По сути – это две противоречащих друг другу цели и два способа написания работ, что также отмечал и П. Бурдье[189].

П. Бурдье отмечает важность научного авторитета, выводит термин «научное поле» – систему отношений, место конкурентной борьбы, особенностью которой является монополия на научный авторитет. Это порождает монополию на научную компетенцию, которая понимается как «социально закрепленная за определенным индивидом способность легитимно говорить и действовать от имени науки»[190]. Таким образом, борьба за авторитет всегда имеет целью

---

[186] Иггерс Г., Ван Э. И. Глобальная история современной историографии : пер. с англ. О. Воробьевой / науч. ред. М. Кукарцева. М., 2012. С. 429.

[187] Про А. Двенадцать уроков истории. М., 2000. С. 51.

[188] Там же.

[189] Бурдье П. Homo academicus. М., 2018. С. 154.

[190] Бурдье П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах / Институт социологии РАН / Российско-французский центр социологии и философии. М., 2005. С. 15.

достижение власти, позволяющей навязать определение науки (иными словами, вычленение поля проблем, методов и теорий, которые могут быть определены как научные), наиболее отвечающее его специфическим интересам, т.е. наилучшим образом подходящее для того, чтобы позволить ему занять полностью легитимную доминирующую позицию[191].

Итак, понимание того, как отличить научную теорию от ненаучной менялось в течение времени в зависимости от эпохи и уровня развития науки. В начале нового тысячелетия ученые вновь озаботились вопросом научности. Чтобы отграничить лженаучные течения от собственно науки, на современном этапе конца XX – начала XXI веков также был необходим качественный и крепкий фильтр. Но каковы же современные критерии научности? Этот философский вопрос в настоящий момент может быть разрешен лишь отчасти. Устоявшегося канона, который бы действовал абсолютно для всех ученых, не существует. В разных сферах научной деятельности критерии варьируются, более того, даже в одной области у разных исследователей могут быть разные мнения по этому поводу. В связи с этим возникает большое количество разных направлений, течений, школ: каждый университет может являть собой обособленную и устоявшуюся традицию, здесь классическим примером будет противостояние московской и петербургской исторических научных школ. В качестве примера также можно привести упоминаемый В. П. Корзун конфликт, случившийся в 2010 году в Российском академическом институте социологии, после того, как не прошла защиту диссертация Д. Куракина, и это являет собой «свидетельство столкновения культурных традиций и норм научной этики в корпорации современных ученых»[192].

Воспользовавшись тем, что устоявшегося канона нет, стали появляться разные «истории», которые противопоставляют себя традиции и говорят, что готовы предоставить «шокирующие данные о прошлом человечества», «перевернуть представления людей», рассказать о том, что «держалось в

[191] Бурдье П. Поле науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах / Институт социологии РАН / Российско-французский центр социологии и философии. М., 2005. С. 15–56.

[192] Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 105.

строжайшей тайне сотни лет». Подобными заголовками пестрят современные СМИ и книжные полки магазинов, однако ученые не считают их сколько-нибудь существенным соперником науки, используя установленные критерии для отделения подобной литературы от научных теорий.

Куда сложнее обстоит дело с теми, кто защищает диссертации, работает в университетах и научных лабораториях. Здесь из-за отсутствия четких критериев возникают определенные сложности, и часто, что считать наукой, а что нет, определяется по факту: человек, не защитивший диссертацию в одном университете, может защитить ее в другом, главное – соотнести тему с общей концепцией, принятой в данном научном сообществе.

Таким образом, рассмотрев различные варианты построения критериев научности, можно сказать, что они перекликаются и в чем-то оказываются схожими. Являются важными в большинстве рассмотренных случаях и используются для проверки теории на научность следующие аспекты:

1. Соответствие известным фактам. В. В. Ильин называет эти критерии эмпирическими, но для истории это может означать проверяемость или непроверяемость фактами. М. Шермер также отмечает, что более предпочтительной всегда должна считаться гипотеза, объясняющая как можно больше фактов и оставляющая как можно меньше исключений из правил и необъясненных аномалий. В каком-то смысле – это верификация фактами, идею которой отстаивал Р. Карнап.

2. Эвристичность, возможность верификации/фальсификации, применимость теории, ее объяснительная и предсказательная сила. Но следует различать невозможность проверки теории из-за отсутствия нужной техники и «принципиальную ненаблюдаемость, когда наблюдаемые следствия не могут быть выведены в принципе»[193].

3. Непротиворечивость устоявшимся теориям и методам. Теория должна встраиваться в уже имеющиеся представления о проблеме и использовать методы, уже признанные в различных областях знания как научные. Критерий

[193] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С. 161–162.

преемственности важен для демаркации науки и лженауки, так как именно лжеученые часто начинают с опровержения всех предшествующих теорий[194].

4. Системность и логичность. Этот критерий, выделенный В. С. Степиным, нужен для понимания теории, для убеждения, что выводы строги и основываются на изложенном материале. И поэтому от теории требуют наличия исходных понятий и положений, отсутствия вспомогательных гипотез и логическую структуру текста. Но все это, как пишет А. Ю. Сторожук, установить непросто, лучше следовать «от противного», то есть наличия в теории того, чего в ней быть не должно: логических противоречий и ошибок в выводе следствий, не связанных между собой идей, при выводе следствий привлечение независимых гипотез и т. д[195].

Эти признаки условно можно назвать «объективными», то есть конвенционально одобренными научным сообществом и применяемыми к научным теориям с целью проверки их на научность. Они не должны зависеть от личности автора теории, а только от самого содержания теории.

Кроме того, существуют также субъективные признаки научности теории, которые так или иначе влияют на решение о научности. Само научное сообщество может не осознавать, а иногда даже скрывать свой субъективизм. Здесь бóльшую роль играет даже не то, что и как написано, а то, **кто** это написал и **как** он себя позиционирует в общении с коллегами. Иногда на результат восприятия научной теории могут влиять даже эмоциональные пристрастия вовлеченных в обсуждение ученых.

При любых обстоятельствах важным будет оставаться то время, в котором живет ученый – автор теории, поскольку именно оно определяет особенности научной жизни, присущие тому или иному периоду. Выделенные аспекты научности могут помочь в выявлении тех оснований, по которым ученые определяли научность или ненаучность теории Л. Н. Гумилева и по которым его теорию оценивают иначе, чем теорию Э. С. Кульпина. Осуществим применение данных аспектов к каждой из этих теорий, и в следующей главе перейдем к речи о теории этногенеза Л. Н. Гумилева.

---

[194] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С. 147.
[195] Там же. С. 149.

2 Теория этногенеза Л. Н. Гумилева с позиции критериев научности

В среде этнологов отсутствует единство в подходе к определению этноса и этничности. До сих пор не выработано общее представление этнологов о механизмах рождения этносов, об их «жизненном цикле» и даже само определение этноса остается дискуссионным[196]. Выделяется несколько наиболее популярных теорий и концепций, но основная дискуссия разгорелась между представителями примордиализма[197] и конструктивизма[198]. Л. Н. Гумилев в свое время также предпринял попытку разрешить одну из самих серьезных проблем этнологии, используя технологию методологического синтеза, но он вышел слишком далеко за рамки общенаучного консенсуса, тем самым спровоцировав обвинения во лженаучности.

2.1 Этногенез в понимании Л. Н. Гумилева

В словаре понятий и терминов, являющемся составной частью основополагающей работы Л. Н. Гумилева,[199] этнос определяется автором как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая структура, противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности»[200]. Однако само понимание этноса Львом Гумилевым раскрывается не в определении, а во многих расшифровках, дополнениях и примерах. В основном этнос определяется через признаки: общий язык, обычаи, идеология, происхождение – но все эти признаки Гумилев

---

[196] Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4. С. 116–124.

[197] Представители данного подхода рассматривают этничность как нечто природное, некую объективную данность, изначально присущую индивиду, с реально существующими и регистрируемыми признаками.

[198] Согласно теории конструктивизма этнос – это искусственное образование, результат целенаправленной деятельности самих людей, особый ментальный конструкт, создаваемый самими индивидами.

[199] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 541–549.

[200] Там же. С. 549.

не считает основными, т.е. они являются желательными, но не обязательными. Как заметил сам Лев Николаевич, «все эти признаки определяют этнос «иногда», а совокупность их вообще ничего не определяет»[201]. Гораздо более важным он считает признак общности исторической судьбы, на этот признак обращает внимание Лев Клейн, который считает, что Гумилев был весьма близок к пониманию этноса как явления социальной психологии. И главными критериями этноса в данном случае являются коллективное самосознание и солидарность, апеллирующая к общности исторической судьбы. Что выступает материальным обоснованием такой общности – язык, религия, раса – не важно[202].

Важным критерием этноса Л. Н. Гумилев считает противопоставление «своих» и «чужих» – комплиментарность. Это противопоставление появляется на основе подсознательной симпатии-антипатии, которое, опять же, не определяется только языком, обычаями, идеологией и т. п. Основой для представлений о разных видах этнических общностей можно считать антитезу «мы» – «они». Основанием для этого является то, что само представление о существовании такой особой категории человеческих общностей, как этнические, – в значительной мере результат противопоставления одних общностей другим. Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий, и тем самым – скреплению общности.

Самым важным критерием этноса Л. Н. Гумилев считает этнический стереотип поведения, причем он признает, что этот стереотип может меняться во времени. Определенная норма отношений в коллективе воспринимается в каждом этносе как единственно возможная. Отсюда и возникает деление на «своих» и «чужих».

Этнос – это система, и как любая система, этнос имеет иерархическую структуру, сложность которой обеспечивает этносу устойчивость. Субэтнос –

---

[201] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 45.

[202] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

этническая система, являющаяся элементом структуры этноса[203]. В качестве примера такой соподчиненности Л. Н. Гумилев приводит французов, которые как единый монолитный этнос, включают в себя лотарингцев, гасконцев, бретонских кельтов, нормандцев, бургундов. Слияние, однако, не вызвало нивелировки локальных обычаев, обрядов и т. п.

Группа этносов, одновременно возникших в определенном регионе, образуют суперэтнос. Эта группа взаимосвязана экономическим, идеологическим и политическим общением. Внутри нее также могут быть столкновения, которые, однако, не приводят к истреблению или порабощению, а ведутся лишь для достижения временного преобладания. Примером таких столкновений Л. Н. Гумилев считает междоусобные войны в Древней Руси. Суперэтническое единство реально не менее, чем субэтническое, т.е. исходя из этого этнос – это система, и субэтнос лишь отдельная небольшая подсистема, которая входит в него. А этнос, в свою очередь, – это подсистема суперэтноса. Примером служат арабы – этнос, который входит в суперэтнос – мусульмане. Субэтносы в этом случае – это египтяне, карматы и др.

Поскольку весь процесс этногенеза происходит в определенных географических условиях, то ландшафт играет большую роль, так как определяет экономические возможности этносов. Этнические коллективы приспосабливают хозяйственную деятельность к определенным условиям. Этнос является производным исторического процесса, с одной стороны, и связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался, с другой. Поэтому одним из важных критериев для оценки деятельности этносов Л. Н. Гумилев считает взаимоотношение человека и природы, или, по его терминологии, этноса и ландшафта. Завоевание этносом экологической ниши в биосфере происходит иногда с большими потерями для природы. Он утверждает, что даже в случаях крупных миграций этносы выбирают условия близкие к тем, которые они покинули. Он выводит термин «месторазвитие» – неповторимое сочетание

[203]Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 546.

элементов ландшафта, где этнос впервые сложился как система[204]. Этот термин он позаимствовал у П. Н. Савицкого[205], идеолога евразийства, чьи основные труды были написаны в 1920-1930-е гг.

А. Н. Полухин, защитивший кандидатскую диссертацию, посвященную исторической концепции П. Н. Савицкого[206], пишет, что П. Н. Савицкий обосновал и использовал в исторической науке междисциплинарный подход, поэтому месторазвитие – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. «ландшафт»[207]. Несмотря на критику, концепция месторазвития оказалась востребованной у разных авторов, поскольку, как считает А. Н. Полухин, в ее концептуальной сущности нет никакой политической ангажированности или ненаучности[208].

Этнос не биологическое явление и не социальное, по Л. Н. Гумилеву, этнос – явление географическое, связанное с вмещающим ландшафтом, кормящим этот адаптированный этнос. И поскольку ландшафты разнообразны, то разнообразны и этносы. Однако не всякая территория может стать месторазвитием, а только та, в которой сочетаются два и более ландшафта. Так, например, Л. Н. Гумилев пишет: «основные процессы этногенеза в Евразии возникали: a) в восточной части – при сочетании горного и степного ландшафтов; b) в западной – лесного и лугового (поляны в Волго-Окском междуречье); c) в южной – степного и оазисного (Крым, Средняя Азия); d) на севере – лесотундра и тундра»[209].

Отметим, что география – наука естественная, а история – наука гуманитарная. Следовательно, изучая этногенез как процесс, проходящий в свя́зи с природой, исследователь, в том числе, применяет и методы географии. Гумилев отмечает, что его методы – не данные школьного учебника географии, а современные и сложные конструкты. Гумилев сравнивает человека с животным,

---

[204] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 544.

[205] Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 464 с.

[206] Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: теоретико-методологический аспект : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 2007. С 237.

[207] Полухин А. Н. Концепция месторазвития П. Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 300/3. С. 61.

[208] Там же. С. 62.

[209] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 190–191.

подчас перенося термины из биологии на общество – «человек, принадлежа к единому виду, <…> показывает наличие чрезвычайно высоких способностей к адаптации»[210]. Но все же он находит ряд отличий.

Важным отличием человека от животного Л. Н. Гумилев называет то, что человек приспосабливает ландшафт к своим потребностям. Но влияние человека не всегда благотворно сказывается на природе. «В степях Евразии мамонта истребили палеолитические охотники на крупных травоядных, эскимосы расправились со стеллеровой коровой в Беринговом море, маорийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии…»[211]. Но, что важно было бы знать и современному человечеству, Л. Н. Гумилев утверждает: природа умеет за себя постоять. Это высказывание подтверждается не только его примером появления колорадского жука. Сегодня их можно дополнить и более масштабными явлениями: ураганы, засухи, наводнения, глобальное потепление. Так что Л. Н. Гумилев, по сути, формулирует и еще одну проблему – экологическую.

Большое внимание Л. Н. Гумилев уделяет вопросу сочетания нескольких ландшафтов – как важному, но не решающему условию этногенеза. «Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам»[212].

Он называет основной и решающий фактор этногенеза: применив эмпирическое обобщение (нахождение нового реального факта, обнаруженного не прямым, а косвенным наблюдением), выводит этот фактор и применяет термин «пассионарность». В книге «Конец и вновь начало» Л. Н. Гумилев пишет, что «неравномерность распределения биохимической энергии живого вещества биосферы за длительное историческое время должна была отразиться на

[210] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 179.
[211] Там же. С. 182.
[212] Там же. С. 196.

поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах»[213]. Эффект, производимый вариациями этой энергии, как особое свойство характера людей, он и называет «пассионарностью» (от лат. слова passio – страсть). А тех людей, у которых это свойство присутствует – пассионариями, которые своими действиями нарушают инерцию покоя и дают толчок этногенезу. Гумилев вводит теормин «биогеохимическая энергия», но как отмечает М. Бассин, термин «биогеоценоз» заимствован у В. Н. Сукачева, который, в свою очередь, создал его из нескольких терминов немецкой экологической науки[214].

Именно в создании и обосновании теории пассионарности сам Л. Н. Гумилев видел свой вклад в русскую науку, но именно эта теория и вызвала, по большей части, негативную критику со стороны исследователей. В то же время его последователи, например, Ю. М. Бородай, считают именно открытие пассионарности крупнейшим достижением Льва Гумилева[215].

Пассионарность, по Л. Н. Гумилеву имеет два значения: как энергия («избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению»[216]) и как характеристика поведения («эффект избытка этой энергии, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели»[217]).

Также подчеркивается роль отдельных личностей – пассионариев – которые своими действиями стимулируют процесс этногенеза. Для него отдельная личность способна стать важнейшим фактором этногенеза. Она не просто реализует заложенное предшествующим развитием, а меняет общество, действуя согласно своим желаниям, принципам, чертам характера, будь то властолюбие Наполеона, гордость или честолюбие Александра Македонского. Л. Н. Гумилев отмечает, что изучение поступков отдельных личностей, не бесплодно, их роль в

---

[213] Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрение. Электрон. дан. СПб, 1998. URL: http://gumilevica.kulichki.net/EAB/index.html (дата обращения: 21.12.2017).

[214] Bassin M. Nurture Is Nature: Lev Gumilev and the Ecology of Ethnicity // Slavic Review: American quarterly of Russian, Eurasian and East European studies. 2009. Vol. 68, № 4. P. 884.

[215] Бородай Ю. М. В поисках этногенного фактора // Природа, 1981. № 4. С. 124–125.

[216] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 544.

[217] Там же.

истории – проблема уже решенная, и стоит использовать добытые результаты исследований[218]. Это позволяет понять, что линия этногенеза состоит из зигзагов, которые на длинных отрезках времени взаимно компенсируются[219]. Роль отдельных личностей он предлагает наблюдать на субэтническом уровне, где она проявляется особенно ярко.

Л. Н. Гумилев слишком часто упоминает слово «пассионарность», объясняя им очень многое. Так, вместе с пассионарными воинами гибнут пассионарные гены, снижая тем самым пассионарное напряжение. Но поскольку само явление пассионарности так и не получило ни у самого Гумилева, ни у его последователей признанного в науке подтверждения, этот ключевой для всей концепции термин так и остался в глазах критиков ничем не обоснованным эвфемизмом, прикрывающим непонимание автора истинных причин описываемых им явлений или событий.

В результате изложенного материала о пассионарности и о связи ландшафта и этноса, Л. Н. Гумилев выводит несколько фаз этногенеза.

1. Фаза подъема, при которой происходит взрыв этногенеза, появляются люди, формирующие в своей группе этническое самосознание. Примером служит объединенные в XII в. Тэмуджином племена.

2. Акматическая фаза, в которой этнос максимально активен, и давление на ландшафт уменьшено. Биохимическая энергия достигает таких значений, что пассионариев в популяции становится «слишком много» (в этой фазе их – максимум), и они начинают воевать друг с другом. Результатом является угасание пассионарности.

3. Фаза надлома, когда антропогенное давление максимально и деструктивно. Пассионарная энергия неуклонно рассеивается. Снижаются, а то и сводятся на нет усилия персон творческих, которых объявляют «фанатиками».

4. Инерционная фаза, когда происходит накопление средств и ценностей, ландшафт остается в том состоянии, в котором он был раньше. Отличительной

---

[218] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 188.
[219] Там же. С. 406.

чертой этого периода является сокращение активности и полное довольствие пассивного и трудолюбивого населения.

5. Фаза обскурации – упадка и разложения этноса, когда нет забот о культуре и о ландшафте. Отцовское наследие растрачено, таланты не рождаются, инициатива пропала, этнос не способен себя защитить.

6. Фаза гомеостаза, в которой происходит «взаимодействие остатков полуистребленного этноса с обедненным ландшафтом, возникшим на обломках погибшего культурного ландшафта»[220].

Как и во всех комплексных явлениях, границы этих фаз не являются «линейными» и абсолютно точными, что, однако, не снижает, по утверждению Л. Н. Гумилева, необходимость характеризовать начало и конец фаз какими-либо историческими вехами. Хотя эти даты условны и будут характеризовать лишь переломные моменты.

В следующем разделе к данной теории этногенеза будут применены демаркационные критерии для того, чтобы выяснить, насколько она соответствует понятию научности.

2.2 Пассионарная теория этногенеза с точки зрения критериев научности

Соответствие известным фактам

В. В. Ильин называет эти критерии эмпирическими, что для истории может означать проверяемость или непроверяемость, т.е. должны присутствовать какие-либо факты, которые позволят доказать или опровергнуть теорию.

Много аргументов приводится как в пользу, так и в опровержение теории Л. Н. Гумилева. Его идеи были настолько разнообразны и обширны, что по каждой из них можно искать большое количество доказательств. Однако есть связующее звено практически всех его идей – это теория пассионарности. Она становится краеугольным камнем воззрений не только Л. Н. Гумилева, но и его критиков. Это самое уникальное его построение, поскольку не имеет таких

[220] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 214.

доказательств, которые все могут безоговорочно принять. Ошибочно считать, что Л. Н. Гумилев не стремился доказать наличие пассионарности, но делал это через примеры исторических событий, которые, по его мнению, являются проявлением пассионарности. Все неразрешимые проблемы своей теории Гумилев объяснял именно через пассионарность. В целом, поступки и действия объяснялись пассионарностью. Например, он считает, что распад Золотой Орды в XIV веке был неизбежен, потому что в то время монгольский суперэтнос вступил в фазу надлома, растратив свою пассионарность в междоусобных войнах[221]. Сам Л. Н. Гумилев подтверждает свои идеи тем, что приводит большое число всевозможных примеров.

Критики всякий раз указывали на несостоятельность пассионарной теории этногенеза. Лев Клейн пишет: «Гумилев рисует яркую, образную картину земного шара, исполосованного энергетическими ударами некоего луча, «идущего не от Солнца, а из рассеянной энергии Галактики». Странным образом эта энергия собрана в тонкий луч, который падает только на некоторые участки земной поверхности: в какую-то эпоху – на один, в иную – на другой, через какой-то интервал – на третий. Вроде метеоритов. Земля покрывается как бы рубцами, к которым тотчас приливает кровь» [222]. Клейн характеризует теорию скорее как фантастический роман, нежели эссе, претендующее на научность. Важным замечанием Л. Клейна можно назвать указание на наличие у Л. Н. Гумилева какого-то априорного знания, «о котором он не оповестил заранее читателя и которое вытаскивает каждый раз, когда оно продиктует ему очередной временный отказ от провозглашенного только что принципа. А ведь если подходить строго, то либо факт недостоверен, либо принцип не годится»[223].

Научность пассионарности не подтверждается и учеными-естественниками, хотя Л. Н. Гумилев ее доказывал именно с точки зрения естественных наук, а не как некое «божественное вмешательство» или же «высший космический

---

[221] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 392.

[222] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[223] Там же.

замысел», как иногда воспринимают эту теорию некоторые критики. Например, советский философ Б. М. Кедров с соавторами утверждают, что, судя по книгам Льва Гумилева, пассионарность – это некая сила, разлитая во Вселенной и от случая к случаю «накатывающая» на те или иные человеческие совокупности, превращая их в этносы[224]. Сам же Л. Н. Гумилев не считал это явление силой свыше, объясняя его посредством астрофизики. Он говорил, что поскольку вокруг Земли не пустота, а заряженный поток плазмы, то этот поток влияет на нее. Потоком является солнечный ветер, встречающийся на орбите Плутона со звездным ветром, и вместе с ним создающий вихри, вследствие которых возникает турбулентность. Оболочка Земли защищает ее поверхность от воздействий из космоса, однако, в ночное время ионосфера истончается, и проникновение частиц на земную поверхность становится возможным. Те частицы, которые возникли при особо сильных столкновениях потоков, влияют на этносы, вызывая мутации, которые и являются пассионарным толчком[225].

Но есть у Льва Николаевича и другие версии происхождения пассионарности. Например, случайные флуктуации, наличие блуждающего гена, реакция на экзогенный возбудитель. Однако сам автор все же склонялся к версии о космической природе пассионарных толчков.

Сейчас термин «пассионарность» стал использоваться совсем в другой области – в психологии, где теория пассионарности рассматривается как наука, в которой описана новая категория людей, обладающая чертами героической личности[226]. С психолого-педагогической точки зрения, пассионарность – это комплекс социально ценных качеств личности, единство которых позволяет человеку проявить свою повышенную активность в социально значимой

---

[224] Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа, 1982. № 3. С. 91.

[225] Л. Антипова вела беседу Л. Н. Гумилева и Д. М. Балашова [Электронный ресурс] // Жизнь и творческое наследие Л. Н. Гумилева. Электрон. дан. СПб., [Б. г.]. URL: http://www.levgumilev.spbu.ru/node/78 (дата обращения: 02.03.2014).

[226] Зимина И. Теория пассионарности и ее использование в психологии [Электронный ресурс] // FB. Электрон. дан. [Б. м.], 2012. URL: http://fb.ru/article/43414/teoriya-passionarnosti-i-ee-ispolzovanie-v-psihologii (дата обращения: 12.08.2018).

деятельности, полезной как для общества, так и для личности[227]. Теория пассионарности была построена на описании ярких исторических личностей, изменившие жизнь своего этноса, сумевшие вывести его на новый уровень развития. Как пишет И. Зимина, психологическая наука, проводя биографические исследования, смогла составить портрет пассионария с опорой на личностные качества и черты характера, присущие таким людям, что позволяет узнавать и распознавать пассионариев современности и направлять их активность в социально значимую деятельность[228].

Следует признать, что термин «пассионарность» в настоящее время стал активно использоваться в публицистике, политической и научной полемике не всегда в том смысле, который вкладывал в него сам Л. Н. Гумилев. Это налагает негативный отпечаток на саму концепцию среди читателей, незнакомых напрямую с пассионарной концепцией этногенеза. Так, Н. В. Клинова отмечает, что некоторые журналисты пользуются этим понятием просто для придания наукообразности своим творениям. Например, в газете «Завтра» опубликована статья, которая претенциозно называется «Звезда пассионария», где создается весьма специфичный образ пассионария как своеобразного карьериста, озабоченного расширением своего жизненного пространства[229]. Безусловно, подобное вольное обращение с термином придает теории искаженный смысл, изначальный же смысл теряется.

Если говорить о подтверждении того, что Л. Н. Гумилев называет фактами, другими специалистами, то ситуация с его теорией обстоит довольно сложно. М. И. Чемерисская заявляет, что с Гумилевым можно согласиться в некоторых моментах[230]. Например, аргументация в пользу того, что этносы возникают чаще всего на стыке ландшафтов, представляется убедительной. Но она подвергает

---

[227] Зимина И. Теория пассионарности и ее использование в психологии [Электронный ресурс] FB. Электрон. дан. [Б. м.], 2012. URL: http://fb.ru/article/43414/teoriya-passionarnosti-i-ee-ispolzovanie-v-psihologii (дата обращения: 12.08.2018)..

[228] Там же.

[229] Клинова Н. В. Значение понятия «пассионарность» этногенетической концепции Л. Н. Гумилева // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2011. № 1. С.79.

[230] Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165–181.

сомнению тот факт, что Гумилев создал всеобъемлющую теорию, объясняющую законы исторического развития народов. Его пассионарность и комплиментарность – одна из попыток объяснить необъяснимое. Однако, по мнению автора, заслуга Гумилева состоит в том, что он обратился к таким темам, которым прежде уделяли недостаточно внимания. Сами ошибки заставляли возражать ему, а значит, побуждали историков работать в определенном направлении[231].

Кто-то, как Игорь Дьяконов, считает, что книги Гумилева, несмотря на многие спорные положения, заслуживают внимательного прочтения, так как содержат немало оригинальных идей[232]. Поскольку Лев Николаевич работал как междисциплинарный ученый, необходимо рассмотреть, как его идеи воспринимали в среде ученых естественнонаучного профиля, географического, и как – в среде гуманитариев, историков. А кто-то, как историк С. А. Иванов практически отрицает вклад Л. Н. Гумилева в науку: «Как оценить научный вклад Гумилева? Как близкий к нулю. Единственная книга, которая написана по законам жанра, – это самая ранняя его монография, «Хунну», но как раз она наименее оригинальна»[233]. Он основывает свое мнение на том, что Лев Николаевич пренебрегал научными процедурами и правилами, строил свои работы на интуиции, а не на общепринятых методах исследования.

Ученые-естественники воспринимали Л. Н. Гумилева так же неоднозначно, как и все: несмотря на защищенную докторскую диссертацию по географии, степень его так и не была утверждена Высшей аттестационной комиссией (ВАК). Его ранние идеи, еще не затрагивающие темы пассионарной энергии, внушали оптимизм в среде географов. Академик АН ТССР, ученый-исследователь пустынь, профессор, соратник академика Н. И. Вавилова М. П. Петров рассматривает одну из книг, входящую в «Степную трилогию» – «Хунны в Китае». Он замечает необычность темы и сюжета работы, характеристики

[231] Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 180.
[232] Дьяконов И. «Огненный дьявол» по поводу работ Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 225–228.
[233] Иванов С. А. Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 4–10.

действующих персонажей, оценки их морали. Как географ Петров считает, правомерным ставить вопрос о том, каким образом изменение природных условий влияет на судьбы народов, и как сочетается история этносов с социальной эволюцией общества.

Изучение взаимодействия природы и общества Петров также вполне допускает, более того, утверждает, что в среде географов есть последователи похожих идей[234], а этнологические сюжеты всегда находятся на стыке с географией. Он доказывает правомерность и правдоподобность описываемых резких изменений климата, приводя в пример современные для него изменения природы Африки южнее Сахары и вынужденных из-за этих изменений менять образ жизни племена туарегов. Однако то, что события могли иметь место, еще не означает, что они действительно были. Но М. П. Петров не затрагивает фактический материал, а просто утверждает, что необычный синтез, предложенный Л. Н. Гумилевым, имеет право на жизнь, взгляды автора очень интересны, а факты поучительны[235]. Можно сказать, что он принимает книгу «Хунны в Китае», но с надеждой на дальнейшее более глубокое и развернутое освещение концепции. Однако дальнейшее направление развития теории Гумилева не оправдало ожиданий географа, теория пассионарности не нашла сочувствия среди естественников.

Другой взгляд на эту же книгу представлен в журнале «Природа»: «Хунны в Китае» рассматривает востоковед Л. С. Васильев. Он отмечает, что из-за недостаточной синологической эрудиции в книге содержатся сомнительные положения, а степень ознакомления с темой недостаточна глубока. Однако книга имеет право на жизнь, так как рисует глобальную картину раннего средневековья в Китае, которой еще не существовало до этого в науке, и если не углубляться в детальные неточности, то в общих чертах картина приемлема[236].

---

[234] Петров М. П. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения географа // Природа. 1976. № 4. С. 152.

[235] Там же. С. 154

[236] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 156.

Другие специалисты-историки, синологи и тюркологи, узкоспециализированные именно в тех областях, которые затрагивал в своих работах Л. Н. Гумилев, часто назвали его дилетантом[237]. Синолог К. В. Васильев написал негативную рецензию на работу Гумилева «Хунну: Срединная Азия в древние времена», с этой рецензией были согласны другие синологи (Б. И. Панкратов, В. М. Штейн, Л. Н. Меньшиков) и кочевниковеды (Ю. А. Заднепровский, А. Н. Кононов). К. В. Васильев высказывает свое мнение о том, что книга является не самостоятельным исследованием, а скорее пересказом уже имеющихся знаний. Лев Николаевич не знал языка оригинальных источников, отсюда возникают и ошибки в передаче китайских имен. К. В. Васильев пишет, что Л. Н. Гумилев использовал не оригинальный текст древнекитайских хроник, а лишь отдельные переводы из них, принадлежащие Н. Я. Бичурину, Э. Шаванну, Л. Д. Позднеевой и т. д.[238]. Это связано с тем, что Л. Н. Гумилев не мог читать литературу на языке оригинала: китайском и японском. Эти переводы востоковеды считают неточными, однако он их использовал в виду отсутствия более новых и точных переводов. В дальнейшем эти переводы были уточнены Н. В. Кюнером (1961) и В. С. Таскиным (1973)[239]. Поэтому критика по данному вопросу вряд ли обоснована. Требовать же знание историком нужного языка на уровне специалиста-филолога не все считают верным. В прочем, по этому вопросу синологи расходятся во мнениях.

Кроме этого К. В. Васильев обвиняет Л. Н. Гумилева в том, что тот выдавал мимолетные упоминания, комментаторские версии и полумифические события за доказанный факт, дополняя их при этом собственными трактовками. Рецензент считает, что подобные интерпретации носят ненаучный характер[240], что некоторые даты, упоминаемые Л. Н. Гумилевым, уже давно считаются

---

[237] Дилетантизм – занятие какой-либо областью науки или искусства без специальной подготовки, при поверхностном знакомстве с предметом; любительство [Большая энциклопедия : в 62 т. М., 2006. Т. 15. С. 316.

[238] Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120.

239 Худяков Ю. С. Поиск закономерностей в истории природных аномалий в Центральной и Восточной Азии в средневековье // История и современность. 2007. № 1. С. 165.

[240] Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 121.

ошибочными среди китаистов и представляют «вчерашний день востоковедной науки»[241]. По мнению К. В. Васильева, Л. Н. Гумилев ошибается, когда говорит, что у сюнну не было работорговли, ошибается в том, что именно Хань Синь перешел на сторону сюнну в 201 году до н. э. Эти и другие фактические ошибки, на его взгляд, допущены вследствие некритического отношения автора к используемым материалам. В целом, книга оценена негативно, говорится, что ошибок в ней больше, чем перечисляется в рецензии, и использовать ее как пособие для изучающих данную тему не стоит. Множество других замечаний от различных ученых звучало в адрес недостоверности исторических данных в книге Гумилева, вызвавшей дискуссию не только о хуннской проблеме, но и о принципах исторического исследования.

Ко дню рождения Л. Н. Гумилева 01 октября 2018 года известный российский востоковед В. В. Емельянов опубликовал в личном интернет-блоге свое мнение о научности работ Льва Николаевича: «Как видевший и слышавший могу сказать, что Лев Николаич был редкостный бредун»[242]. Но такой уничтожающий вердикт не остался без внимания: на странице развернулась бурная дискуссия между сторонниками и противниками Гумилева. В итоге профессор заявляет: «изучать тюркскую историю без знания тюркских языков нельзя»[243].

Л. Н. Гумилев не оставался в стороне от разгромной критики и на обсуждении его книги и разгромной рецензии на нее выступил с таким же негативным ответом. Единственное, с чем согласился автор – с необходимостью упомянуть в книге, что названный им Хань Синь, сдавший крепость в 201 году – это тезка знаменитого Хань Синя, а не тот же самый человек. Остальные же замечания Гумилев отверг. Частично в его защиту выступил М. И. Артамонов, который согласился с критическими замечаниями К. В. Васильева, однако сказал,

---

[241] Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 124.

[242] Емельянов В. В. Евразийство и пассионарная теория как диагноз [Электронный ресурс] // Живой Журнал. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: https://ibigdan.livejournal.com/22630964.html (дата обращения: 10.10.2018).

[243] Там же.

что это не исчерпывает содержания книги и не дает оснований для ее неблагоприятной оценки, книга подводит итог накопленным знаниям и выдвигает новые задачи перед учеными[244].

Л. Н. Гумилев пытался найти причины этногенеза, рассмотреть этнос как природное явление, показать губительные последствия борьбы человека с ландшафтом, что актуализируется критическим положением современной биосферы Земли. Рассуждение Л. Н. Гумилева о влиянии аридизации[245] и гумидизации[246] (увлажнений и усыханий) степей на историю[247], на этнос, были признаны в исторической науке еще в советское время, многие положения работ по истории хунну, древних тюрков также активно используются в исследовании этих народов. Концепция увлажнений и усыханий степной зоны Евразии является наиболее корректным воплощением социоестественного подхода.

Проведя полевые исследования в бассейне Каспийского моря, Льву Николаевичу удалось определить основные точки колебаний уровня моря и получить «довольно стройную картину изменений климата»[248] на изучаемой им территории. Он пришел к выводу, что в IV–II вв. до н.э. шло интенсивное увлажнение аридной зоны, а климат был значительно холоднее в сравнении с современным. Свои выводы он основывает на геологических данных (характере растительных остатков в торфе)[249]. Начиная с I в. до н.э. климат становится холоднее, земледельческие культуры погибают, что приводит к уходу людей с этих территорий. Но уже к V в. н.э. происходит очередное увлажнение, которое дало возможность Великому тюркскому каганату занять на этой территории высокое экономическое положение. Обширные озера и густые леса в середине

---

[244] Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 205.

[245] Аридизация – комплекс процессов уменьшения степени увлажнения территорий, который вызывает сокращение биологической продуктивности экосистем за счет уменьшения разницы между осадками и испарением.

[246] Гумидизация – комплекс процессов увеличения степени увлажнения территорий, который вызывает приобретение влаги в почве, за счет превышения количества атмосферных осадков над испарением.

[247] Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос – 5) // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90.

[248] Там же. С. 82.

[249] Там же.

IX в. благоприятствовали человеку, «цветущая степь вновь притянула к себе людей, и несмотря на кровопролитнейшую войну, не превратилась в пустыню»[250].

До XV I в. уровень Каспия поэтапно поднимался, пока не достиг наивысшей отметки 28 метров. Однако вновь начинается усыхание и понижение уровня моря, кочевники покидают свои родные места, и к XX веку центральноазиатские степи постепенно превращаются в пустыню[251]. Таким образом, объединив данные истории, археологии и географии Л. Н. Гумилев установил влияние географической среды на события истории, и данная его теория была благожелательно принята в научном сообществе.

В целом можно сказать, что теория Л. Н. Гумилева соответствует общепринятым и известным фактам не в полной мере. Если разбирать ее по конкретным тезисам, то какие-то из них будут подтверждены различными специалистами (например, что этносы чаще всего возникают на стыке ландшафтов или, что изменение климата влияет на изменение хозяйственного уклада этноса и т.д.), но некоторые окажутся неподтвержденными (например, что культура плиточных могил отождествляется с раннехуннской культурой или, что у хунну не было работорговли). Как видно даже из приведенных примеров, подтверждены наиболее обще сформулированные тезисы, тогда как конкретные даты/события/персонажи ставятся под сомнение чаще. Отдельным недоказанным его открытием является теория пассионарности, которую Л. Н. Гумилев сам называл гипотезой, и которая обрела уже «самостоятельную жизнь», обросла новыми смыслами и используется в вольных трактовках его теории. Ее поддерживают, в основном, только его последователи, но многие другие ученые не считают научной концепцией.

Теперь перейдем к критерию **эвристичности:** возможности верификации/фальсификации, применимости теории, ее объяснительной и предсказательной силе.

---

[250] Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос – 5) // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 84.

[251] Там же. С. 86.

Если в теории есть принципиально ненаблюдаемые понятия (следует отличать от теоретических терминов), то она может считаться в этой части непроверяемой[252]. Это произошло с биогеохимической энергией и эффектом пассионарности, постулированными Л. Н. Гумилевым. Это объект, который нельзя увидеть (в настоящий момент посредством современной науки), но он оставляет следы. У биогеохимической энергии есть только приписанные ей автором последствия, которые можно рассматривать как следы.

А. Ю. Сторожук полагает, что «теория обладает объяснительной силой, если она объясняет все факты и явления в своей области приложения. Теория обладает предсказательной силой, если она предсказала хотя бы один новый факт, существование природного объекта или явления»[253]. Наилучшее определение объяснения с ее точки зрения – это подведение под закон. Однако попытки детерминизма неизбежно ведут к упрощению исторической действительности и часто ставятся под сомнение. И теория этногенеза является тому подтверждением.

Если смотреть на теорию с позиции К. Поппера, то Л. Н. Гумилев не нашел способы сфальсифицировать свою теорию, но говоря о гипотезе происхождения пассионарных толчков от космического излучения, автор упоминал, что при том уровне знания о космосе, который сейчас есть, эта теория не может быть доказана, но в то же время она не встречает фактов, ей противоречащих[254]. Он не считал этот факт принципиальной ненаблюдаемостью, «если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о достояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией»[255].

Тем не менее, Л. Н. Гумилев предполагает такое развитие событий, при котором его гипотезу все же попробуют опровергнуть: «а если гипотеза воздействия каких-либо лучей на антропосферу не подтвердится? Если биологи обнаружат другую причину мутаций и особенно – микромутаций, изменяющих не

---

[252] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С. 89.
[253] Там же. С. 138.
[254] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 510.
[255] Там же.

анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных? Значит ли это, что космос не причина вспышек этногенеза?»[256]. Но ответ бесспорный: «Нет! Ибо полосы толчков, на которых рождаются этносы-сверстники, – эмпирически зафиксированный факт»[257]. Предположение об опровержениях пассионарности также отрицает факт опровержения его теории: «А если найдется талантливый психолог, который откроет физиологический механизм пассионарности и свяжет его не с вегетативной нервной системой организма, а с гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем? Или если он объяснит повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно? Или генетик, уточнит способ передачи пассионарности как признака? Что изменится в описании феномена этногенеза? Ничего! Потому что этногенез – явление, наблюдаемое не на молекулярном и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню»[258]. Возможно, другие ученые не увидели возможности когда-либо опровергнуть эту теорию именно из-за того, что механизма проверки в ней не прописано.

Л. Н. Гумилев был не первым ученым, предложившим искать «космический» источник процессов, происходящих в «земной» истории. Он является продолжателем традиций русского космизма, к представителям которого относят ученого и изобретателя К. Э. Циолковского, биолога Н. Г. Холодного, академика В. И. Вернадского. Относится с космистам и биофизик А. Л. Чижевский, научная судьба которого в какой-то мере оказалась схожей с судьбой Л. Н. Гумилева. Чижевский изучал влияние космических факторов на процессы в живой природе, в частности, влияние циклов активности Солнца на явления в биосфере, например, на социально-исторические процессы. Ученый выделил систему циклов активности человечества, вполне синхроничную, по его

[256] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 511.
[257] Там же.
[258] Там же.

словам, с периодами максимальной деятельности Солнца[259]. Философ и методолог науки В. В. Казютинский пишет, что в 1930-е годы за нетрадиционный взгляд на социально-исторические процессы Чижевскому был приклеен ярлык «враг под маской ученого», и он долгие годы провел в заключении. Философ считает, что некоторые его размышления настолько опережали свое время, что только сейчас (издание статьи в 2004 г.) можно осознать их эвристическую ценность[260]. Последователи А. Л. Чижевского полагают, что забвение его идей необоснованно. В Украине А. Л. Чижевского считают основателем философии истории страны. На основе его идей, хотя и в видоизмененном виде создали науку гелиобиологию, информацию о вспышках солнечной активности используют в своей работе врачи и оперативные службы, поскольку именно во время магнитных бурь резко возрастает число аварий, а также инфарктов и инсультов.

Н. В. Клинова считает, что первоначально, по-видимому, под влиянием работ А. Л. Чижевского, в качестве источника энергии Л. Н. Гумилевым рассматривалось Солнце: «В одном из первых изданий «Этногенеза и биосферы Земли» Гумилев давал прямую ссылку на работы Чижевского. Однако если А. Л. Чижевский связывал катаклизмы Земли с высоким уровнем солнечной активности, то Л. Н. Гумилев, наоборот, с низкой. Впоследствии он выносит источник энергии еще дальше, за пределы Солнечной системы. А пассионарный толчок характеризуется как «эмпирическое обобщение, объясняющее колебания этносферы, явно неземного происхождения»»[261]. Также она подтверждает тот факт, что пассионарность для Л. Н. Гумилева – это гипотеза: «при этом автор хоть и делает предположение, однако не пытается до конца выявить причину подобного явления: «Можно предположить две равноправные гипотезы. Либо пассионарная особь захватывает больше энергии, нежели нормальная, либо она при равном захвате направляет энергию концентрированно (разумеется, бессознательно) на достижение той или иной цели. В обоих случаях результат

[259] Казютинский В. В. Космизм А. Л. Чижевского // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. М., 2004. Т. 3. С. 175–193.

[260] Там же. С. 175.

[261] Клинова Н. В. Значение понятия «пассионарность» этногенетической концепции Л. Н. Гумилева // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 1. С. 82.

будет тот же: высшая нервная деятельность особи будет более активной, нежели это характерно для нормальной, свойственной виду как таковому»»[262]. Оставляя возможность проверки гипотезы другими учеными, когда это станет возможным, Гумилев, тем не менее, не сомневается, что пассионарность, безусловно, есть. Абсолютную уверенность в правоте своих выводов у Льва Николаевича отмечали многие критики.

Л. С. Васильев, написавший статью-отзыв на книгу «Хунны в Китае», писал о том, что Л. Н. Гумилев связывает мнение сразу с выводом, игнорируя при этом мнения, которые могут быть противопоставлены ему. В книге нет «ни тени сомнения в правильности вывода, в надежности высказанного в качестве основы тезиса»[263]. Действительно, множество фактов по Л. Н. Гумилеву считаются бесспорными и неопровержимыми. Некоторые из них хрестоматийные, например: «Общепризнано, что в 862 г. Варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде»[264]. Однако некоторые такие же «общепризнанные» факты он с легкостью отрицает – то, что существовало Ордынское иго, а Русь пострадала и разорилась; по его мнению, Русь не была ни подчинена, ни покорена[265]. Показательно и то, насколько частым для Л. Н. Гумилева является употребление таких выражений, которые указывают на высокую степень уверенности автора в своей позиции. В книге «Древняя Русь и Великая степь»[266] слово «бесспорно» употребляется 7 раз[267]. Это не много для целой книги. В гораздо большем количестве употребляется слово «очевидно»: уже на первых 125 страницах встречаем его 9 раз[268]. Заявляемая автором уверенность в сообщаемой информации не позволяет ему бросить и тени сомнения на приводимые аргументы и логические выводы. Так, например, из тезиса: «Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот

[262] Клинова Н. В. Значение понятия «пассионарность» этногенетической концепции Л. Н. Гумилева // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 1. С. 82.

[263] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 156.

[264] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 115.

[265] Там же. С. 344.

[266] Там же. С. 520.

[267] Там же. С. 24, 166, 212, 325, 345, 373, 385.

[268] Там же. С. 12, 35, 35, 50, 55, 77, 116, 116, 125.

оперирует на Каспии против врагов хазарского царя»[269] выводится «очевидный» вывод о том, что киевские варяги стали платить хазарам «дань кровью»[270]. Еще более сомнительной кажется его уверенность в том, что факты были «очевидны» и для современников тех событий: «Идейные связи сковали новую системную суперэтническую целостность эластично, но цепко, и в XI в., когда началась вторая (акматическая) фаза этногенеза, это было для современников очевидно»[271].

Неоднозначное определение понятия «этнос» введено Л. Н. Гумилевым в жесткие хронологические рамки, из-за этого, как отмечает Я. Лурье, ему пришлось вносить неожиданные изменения в установившиеся представления о народах и нациях[272]: греки были разделены на два различных этноса – эллинский (античный) VIII в. до н. э. – IV в. н. э. и византийский IV–XV в. н. э., объяснялось это разрывом в традиции, созданием новой культуры[273]. Русский этнос также разделен на славянский и собственно русский. Указан даже точный момент рождения русского этноса – Куликовская битва[274].

В своей книге «Выход из транса»[275] философ Г. С. Померанц пишет о том, что статьи Л. Н. Гумилева об этносах вызвали очень широкий, живой и отнюдь не только академический интерес. В то же время он отмечает, что «мы не можем согласиться с рядом положений Л. Н. Гумилева. Но его интересно выслушать, с ним интересно спорить»[276]. Он подчеркивает, что, критикуя Гумилева, ученые (и не только) подчас вырывают отдельные суждения из контекста. Но суждения часто не точны, и могут быть поняты в другом смысле, нежели это имел в виду сам Гумилев. В качестве достоинства концепций Померанц приводит открытие пассионарности. По его мнению, пассионарность передает эмоциональный контекст проблемы, без которых она не может быть понята. Однако у Гумилева, считает Померанц, важнее оказываются симпатии и антипатии. Померанц пишет:

---

[269] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 125.
[270] Там же.
[271] Там же. С. 55.
[272] Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.net/library/id_87.html (дата обращения: 06.05.2017).
[273] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 160.
[274] Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М., 2003. С. 159.
[275] Померанц Г. С. Выход из транса. М. : Юрист, 1995. 575 с.
[276] Там же. С. 208.

«Он любил простодушных варваров и не любил старые гнилые цивилизации. Однажды я увидел его в коридоре Института Востоковедения и, не здороваясь, спросил: «Лев Николаевич, чем вам нравится Чингисхан?» Он еще короче ответил: «Чингисхан не любил стукачей»[277]. Но достоинство пассионарности не в этом, а в определении поля страстей, которые влияют на поступки отдельных личностей и этносов в целом.

Говоря о хронологии, Григорий Померанц осуждает идею Л. Н. Гумилева относительно «живучести» народов. Он утверждает, что Л. Н. Гумилев напрасно отбрасывает, как отжившие, народы, которые живут уже более двух тысяч лет, а историю народов, более многочисленных, которых нельзя просто так сбросить со счетов, как, например, китайцев и индийцев, он, опять же, пытается разорвать, настаивая на прерывистости их этнического развития. Эти два этноса, или даже суперэтноса, которые существуют уже три с половиной тысячи лет являются «совершенным опровержением установок Гумилева»[278]. Это говорит о том, что скорее выбираются только подходящие под теорию факты, не подходящие же подгоняются под нее, сознательно или бессознательно.

В целом можно сказать, что Л. Н. Гумилев не искал способы опровергнуть свою теорию, но скорее выстраивал ее защитный пояс: отражал критические замечания, выстраивая все новые и новые аргументы, нисколько не сомневаясь в правильности своих выводов.

Эвристичность теории можно также проверить методом «от противного» по критериям В. В. Ильина. Как уже было сказано, он считает, что в неэвристичной концепции не прописывается то, каким образом будут действовать в иных условиях описанные в теории процессы. Лев Николаевич стремился создать всеобъемлющий трактат, целью которого было «понимание истории как пособия для решения проблем естествознания, в частности изучения биосферы»[279]. Он считал, что пассионарная теория может объяснить многие нерешенные проблемы

---

[277] Померанц Г. С. Пророки и лжепророки [Электронный ресурс] // Журнальный зал. Электрон. дан. [Б. м.], 1996–2017. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/25/po18.html (дата обращения: 08.08.2018).

[278] Померанц Г. С. Выход из транса. М., 1995. С. 355.

[279] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 509.

и показывал, как это сделать: «Прямое же изучение динамики этнических систем как ее части возможно лишь при обработке исторического материала методами естественных наук. Исследуя таким методом историю какого-либо одного суперэтноса, мы установим причинно-следственные связи, определяющие ход процесса. Если же прибавить к этому историю этнических контактов между разными суперэтносами за длительный период времени, то мы получим динамику развития суперэтносов. Установление взаимозависимости этой динамики с ландшафтными изменениями и есть та задача, которая решается этнологией»[280].

Возможность практического применения теории он также видел в развитии этнологии: в его вкладе в исследование этнических контактов и в выборе такого поведения, которое поможет установлению симбиоза. «Необходимость именно такой формы сосуществования между народами не нуждается в доказательстве, – считает Л. Н. Гумилев. – Вряд ли сегодня найдется человек, взявший на себя смелость проповедовать геноцид»[281]. Тем не менее, его теория об этнических контактах вызывала ряд вопросов у критиков именно из-за идеи несовместимости некоторых этносов.

Примером практического применения пассионарной теории этногенеза является кандидатская диссертация Н. В. Трубниковой «Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации: на примере Североамериканского этногенеза»[282], в которой автор показывает перспективы теории, возможность успешного применения на другом материале, отличном от того, что использовал сам Л. Н. Гумилев. В. В. Вальковская в своей диссертации[283] тоже признает теоретико-методологическое влияние на разработку проблем диссертации исследования различных авторов, в т.ч. Л. Н. Гумилева. В списке литературы значится его книга «Этногенез и биосфера Земли».

---

[280] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 509.

[281] Там же. С. 510.

[282] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. 134 с.

[283] Вальковская В. В. Экологическое сознание как самосознание цивилизации : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11. СПб, 2000. 371 с.

А. Янов также приводит требование универсальности к научному открытию, то есть данное требование должно объяснять все факты в области, которую оно затрагивает, а не только те, которым отдает предпочтение автор, оно должно действовать всегда, а не только тогда, когда автор считает нужным. Но сложно себе представить теорию, которая будет объяснять действительно ВСЕ факты. Так или иначе, теория – это идеально-типический образ, он может быть применим к другим фактам, а не только к тем, которые были применены автором. По мнению А. Янова, Л. Н. Гумилев сам выбирает время и народ, которому отдает предпочтение биохимическая энергия. Другим же народам в этом отказано. Почему, спрашивает А. Янов, не считать 1868 год рождением нового японского этноса? Тем более что именно в этом году произошла реставрация Мэйдзи, в результате которой страна одним стремительным броском вырвалась из рамок многовековой изоляции и отсталости, уже через полвека разгромив великую европейскую державу – Россию, а еще полвека спустя бросив вызов великой заокеанской державе – Америке. По его мнению, нет никакого основания отказывать Японии в пассионарном взрыве и, следовательно, в извержении биосферы именно на нее в XIX веке[284]. Но у Гумилева пассионарность не изливается на одну страну, а полосами захватывает фрагменты целых континентов.

Л. Н. Гумилев приводит множество фактов в подтверждение теории, и по большей части – из близкой и понятной ему области – Средневековье (далеко не во всемирном охвате) и кочевые цивилизации. Вопрос состоит в том, как именно он отбирает факты и что делает с теми, которые не подходят под его теорию? Несмотря на то, что многие критиковали его за отбрасывание противоречащих фактов, он все-таки пытался их объяснить. В основном он объяснял их тем, что на самом деле эти факты не противоречат теории, а укладываются в нее. Либо тем, что они, хотя и противоречат, но не наносят ущерб основам его идей. Так, объясняя происхождение пассионарности Л. Н. Гумилев говорит: «Можно выдвинуть и другие гипотезы происхождения пассионарных взрывов или толчков: случайные флуктуации, наличие блуждающего гена, реакция на

[284] Янов А. Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.

экзогенный возбудитель. Однако всему перечисленному противоречат факты. Не исключено, что и изложенная здесь гипотеза не подтвердится»[285] и далее делает вывод: «но это никак не повлияет на применение концепции энергетической природы этногенеза к насущным проблемам географии и истории»[286].

Также, В. В. Ильин полагает, что неэвристичная концепция объясняет явление через само себя или особенностью и специфичностью. Проще говоря, получается, что система действует из-за специфической силы, которая заставляет действовать именно так, а не иначе[287]. Единственная специфическая сила, которую можно найти у Л. Н. Гумилева – это пассионарность, но и ее он объясняет не через саму себя.

Следующая особенность неэвристичной концепции – она не дает возможности в предсказании дальнейших процессов и событий. Теория этногенеза, по мнению Л. Н. Гумилева – универсальное средство, следовательно, дает возможность в предсказании. Его этапы этногенеза он применял к нескольким разным народам, предполагая, что то же можно проделать и с другими народами, и в дальнейшем предсказать, что будет с тем или иным этносом впоследствии: «Мы хорошо знаем, что «все этносы проходят ряд фаз, который в идеале или в схеме единообразен. Многочисленные уклонения от схемы, например, обрывы развития или смещения за счет посторонних вмешательств, легко учесть и исключить из рассмотрения основной закономерности. Столь же легко можно потом их учесть при синтезе, т.е. восстановлении действительной истории народа»[288].

Наконец, неэвристичная концепция постулируют «абсолютное начало» Вселенной. В. В. Ильин считает, что таковыми являются различные космологические модели. Модель Л. Н. Гумилева не относится к космологическим.

---

[285] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 332.
[286] Там же.
[287] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 79.
[288] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 342.

Таким образом, пассионарная теория этногенеза в целом эвристична с позиций Л. Н. Гумилева и его последователей, она дает возможность применить ее к другому материалу, возможность предсказать дальнейшее развитие этносов. Однако с точки зрения многих критиков, как эвристичная теория она рассматриваться не может. Возможность фальсификации гипотезы Лев Николаевич не прописал. Однако однозначно обвинить его в отсутствии поиска противоречий нельзя, он пытался встроить их в свою теорию. В итоге, вновь обозначается проблема: для одних теория эвристична, для других – нет. Конвенционального общепринятого решения нет. Эта концепция по формальным признакам неэвристична. Таким образом, эвристичность в качестве определяющего критерия научности исторических исследований может работать не всегда.

Непротиворечивость устоявшимся теориям и методам

Если теория не соответствует принятым в науке методам и уже существующим и признанным теориям, ее скорее объявят ненаучной.

Волну критики вызвали его работы по истории Хазарии[289]. Л. Н. Гумилев утверждал, что хазары не могли принять иудаизм, так как еврейская религия запрещает посвящение в веру инородцев. Историк И. М. Дьяконов упрекает автора в том, что, рассматривая этнос как процесс, как нечто движущееся, меняющееся, еврейство у него, тем не менее, имеет черты неизменные при любых обстоятельствах и во все времена. Особенно странно выглядит небезосновательно приписываемое иудеям «тайное учение». И. М. Дьяконов возражает против отождествления хазаров с иудеями или евреями и постулирования некой «Иудео-Хазарии»[290].

Более радикальную позицию по этому вопросу занимает В. А. Шнирельман. Он говорит, что Л. Н. Гумилев широко привлекал выдержанные в антисемитских тонах рассуждения некоторых европейских авторов конца XIX – начала XX вв.,

---

[289] Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Открытие Хазарии. М., 2001. С. 221–241.

[290] Дьяконов И. М. «Огненный дьявол»: по поводу работ Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4. С. 225–228.

с симпатией цитировал известного немецкого экономиста В. Зомбарта. Вслед за последним он был склонен выделять «народы торгашей», объясняя их появление «метисацией» в зонах этнических контактов в Европе в XIII–XV вв[291]. Подобные идеи, пишет Шнирельман, сегодня привели к тому, что идея «культурной несовместимости» стала главным лозунгом нового (культурного) расизма, делающего особый акцент на якобы необычайно устойчивых культурных ценностях, будто бы неизбежно обрекающих «аборигенов» на конфликт с «инородцами» или «чужестранцами»[292].

Концепция о межэтнических контактах, предусматривающая в том числе негативные формы взаимодействия этносов, явно расходится с уже сложившимся представлением в науке. Описанное Л. Н. Гумилевым этническое поле воспринимается как этническая близость или, наоборот, чуждость. Когда носители одного ритма столкнутся с носителями другого ритма, то его воспримут как нечто чуждое тому, который присущ им органически. Именно из этого постулата он выводит «теорию химер» (о чем пойдет речь ниже), которая подчас воспринимается как своего рода расизм. Например, Ю. В. Бромлей утверждает, что это чудовищный тезис, не имеющий права на существование, так как постулирует затрудненность межэтнического общения, определяемого принципом комплиментарности[293].

В. А. Шнирельман сравнивает теорию химер с идеями нацизма[294]. Химера – это «сосуществование двух и более чуждых суперэтнических этносов в одной экологической нише»[295]. Примером из биологии Л. Н. Гумилев считает паразитизм, приходя к выводу, что расовая метисация не всегда приводит к положительным результатам, то есть, если смешиваются несовместимые этносы, возникает «химера», при которой один этнос живет за счет другого, по сути –

---

[291] Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 11–12.

[292] Там же. С. 13.

[293] Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе. // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 18.

[294] Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М., Иерусалим, 2012. С. 61.

[295] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 547.

паразитирует. И это может привести к гибели этноса. Естественно, что такую теорию можно развить до масштабов расизма, тем более в современных условиях, когда существует проблема мигрантов. Как, например, теория негритюда[296] Леопольда Сенгора вышла за пределы Сенегала и в Конго превратилась в черный расизм, хотя сам Сенгор такого итога вовсе не предполагал. Сама же идея о несовместимости этносов при жизни Л. Н. Гумилева – в эпоху советской дружбы народов и сближения всех национальностей – была провокационной и не могла не остаться незамеченной.

Вышеприведенная цитата Льва Николаевича о необходимости симбиоза между этносами еще раз убеждает, что он не предполагал ничего в духе геноцида. Тем не менее, есть народы, к которым он относился с предубеждением, примером служит рассматриваемый в следующем параграфе вопрос об антисемитских взглядах Гумилева.

Расходится с общепринятыми положениями и само понимание Л. Н. Гумилевым термина «этнос». В своей статье «Человек в этнической (национальной) системе», Ю. В. Бромлей обвиняет Гумилева в излишнем биологизаторстве, упрощающем сложные жизненные программы этноса. Ссылаясь на Гумилева, Бромлей пишет о существовании мнения, что этносы – это биологические популяции, и возражает этому мнению: «Не популяция – основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос, ведут к появлению сопряженной с ним популяции»[297]. Однако сам Л. Н. Гумилев в книге «Этногенез и биосфера Земли» пишет четко: «Этнос – не популяция»[298]. Он объясняет, что сходство этноса и популяции лишь внешнее, а различия их принципиальны. Он считает, что уподобить этнос популяции может только «неискушенный читатель». Однако в книге «География этноса в исторический период» он сам говорит о том, что «этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у

[296] Культурно-философская и идейно-политическая доктрина, теоретическую базу которой составляет концепция самобытности, самоценности и самодостаточности негроидной расы. Зародилась в XX веке.

[297] Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе. // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 17.

[298] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 228.

копытных животных и т. д.»[299]. Лев Клейн отмечает: «термин «этнос» изначально не определен, и это позволяет автору одним и тем же термином обозначать то одно, то другое, соскальзывать в своих рассуждениях с доказанных вещей на недоказанные»[300]. Н. В. Трубникова также отмечает: «делая оговорки первого типа, чтобы защититься от обвинений в биологизаторстве, Лев Николаевич опирается на платформу биологических аналогий второго типа»[301]. Однако, стоит отметить, что единства в вопросе определения природы этноса в научном сообществе до сих пор нет.

Что же касается непротиворечивости устоявшимся методам, то Л. Н. Гумилев заявлял использование различных методов в своей работе, в том числе не сугубо исторических. Он применял эмпирическое обобщение, сопоставление, историографические экскурсы, системный подход, междисциплинарный подход, в частности, совмещение естествознания с историей и социологией, составлял синхронистические и диахронические таблицы событий. Наряду с этим, он критиковал аксиологический, т.е. оценочный подход, так как он мешает понимать суть явлений.

В то же время он использовал и биографический метод, высоко оценивая влияние отдельной личности на исторический процесс. И хотя человек в потоке этногенеза не может повлиять на общие закономерности, это не значит, писал Л. Н. Гумилев, что полностью исчезает свобода выбора у человека. Конечно, один человек не может изменить, например, фазу этногенеза, но может породить события, «которые только впоследствии и далеко не сразу компенсируются общей статистической закономерностью. Иными словами, человек с большой пассионарностью иногда может создать зигзаг на кривой развития, даже такой, который будет зафиксирован в истории»[302].

---

[299] Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 13.

[300] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[301] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. С. 22.

[302] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 510.

Л. Н. Гумилев делает попытку объяснения этногенеза путем сопоставления с данными смежных наук. Он открывает этническое поле, как электромагнитное или гравитационное, но отличающееся от них, проявляющееся в поведении этнических групп. И доказательством он считает закономерности, наблюдаемые в эволюционном процессе, общие не только для большинства организмов, но и такие, которые характерны только для отдельных групп. И, как пишет Л. Н. Гумилев, «занятия историей, этнографией и даже психологией позволили вернуться к природоведению в полном смысле этого слова»[303]. И это природоведение он видит в обращении к биосфере Земли (теорию биосферы он позаимствовал у В. И. Вернадского). Влияние через биосферу биохимических процессов сказывается на подсознании и сфере эмоций человека. Л. Н. Гумилев выстраивает систему координат, высчитывает разряд импульсов инстинктов, определяет вектор самосохранения.

В целом Л. Н. Гумилев использует проблематику и методику разных наук при разных степенях приближения к предмету при изучении этногенеза. Так, на уровне биосферы применяется географическая методика и проблематика; на уровне этносферы – культорологическая; на уровне суперэтноса – этнологическая; на уровне этноса – политико-историческая; на уровне субэтноса – этнографическая; на уровне семьи – биографическая; и наконец, на уровне эпизодов – филологическая, так как связана с изучением сведений из источников.

Несмотря на то, что подобная междисциплинарная методология в период, когда Гумилев разработал свою теорию, еще не стала стандартом гуманитарных исторических исследований, нельзя сказать, что это был непринятый в науке метод. И хотя при изучении традиционного Китая, как отмечает Л. С. Васильев, используются устоявшиеся нормы и методы, обусловленные многими факторами, не в последнюю очередь характером источниковой базы[304], его выводы были весьма спорны. Большое количество и сложность понимания источников по истории Китая порождает спорность их интерпретаций любым ученым. «Отсюда, –

[303] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 310.

[304] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 155.

пишет Л. С. Васильев, – определенная «приземленность» синологических исследований, стремление избегать генеральных построений и делать акцент на исчерпывающее выявление и тщательный анализ конкретных фактов»[305].

Л. С. Васильев предполагал, что лакуна в обобщающих работах по Китаю будет восполнена Л. Н. Гумилевым, однако последний пошел по другому пути. По мнению Л. С. Васильева, тот лишь описывал свои генеральные конструкции, опираясь, при этом, на поверхностное знакомство с переведенными уже источниками. Таким образом, делается вывод, что Л. Н. Гумилев не опирался на научные факты при подтверждении своих теоретических положений. Но это было только в случае, если источники не могли подтвердить его идеи. Сомнительным с точки зрения научности можно считать его интуитивные догадки: «Являемся ли мы по отношению к современникам Пушкина иным этносом потому, что мы ведем себя иначе? Как будто на это должно ответить утвердительно... А может быть, и нет? Потому что интуиция нам подсказывает, что Пушкин был такой же русский человек, как и мы»[306].

Как отмечает Яков Лурье, оценка трудов Л. Н. Гумилева затрудняется тем, что в них он выступает в роли представителя самых различных наук – историка, востоковеда, этнографа, географа, биолога. Совместить профессиональное владение этими различными дисциплинами одному исследователю трудно, даже невозможно[307]. При изучении Древней Руси он исследовал источники соседних стран, чтобы изучить культурное и природное окружение изучаемого предмета, чтобы увидеть ситуацию, словно «с высоты». Но при этом отдаляются мелкие детали, рассмотреть которые на такой высоте не представляется возможным. И ученые разных специальностей возражали Гумилеву в этих деталях. Узконаправленные специалисты, например, К. В. Васильев[308], Л. С. Васильев[309],

---

[305] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 155.

[306] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 369.

[307] Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.net/library/id_87.html (дата обращения: 06.05.2017).

[308] Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 120–124.

который позже тоже создал свою всеобщую теорию исторического процесса, движущих сил и динамики эволюции, обвиняли Гумилева в том, что он многое не учитывает, не изучает подробно и глубоко темы и т.д. Но этот недостаток характерен для всех обобщающих концепций и неизбежно специалисты, которые более глубоко изучают какую-то определенную тему, будут критиковать подобные теории.

Как было замечено в статье историка М. А. Бойцова, вышедшей еще в 1999 году, однако не потерявшей актуальности и сегодня, складывается впечатление, что желанный многими исторический синтез на самом деле недостижим, а ностальгия по синтезу, по XIX веку – это выражение неудовлетворенности нынешним состоянием исторического знания, раздражающей слабостью его способностей к обобщениям[310]. При этом Бойцов утверждает, это не означает, что таких работ больше не появится, возможно, они и будут возникать, но сила их воздействия за пределами круга близких друзей автора будет низкой. В настоящее время конкретное знание конкретного вопроса ценится куда больше умения вписать его в «широкий исторический контекст», прирост нового знания достигается путем узкоспециализированных сведений, а не за счет разработки общих теорий. Хотя с подобными идеями многие ученые все же не согласны, например историк А. Я. Гуревич, утверждает, что без обобщающего синтеза в истории не обойтись[311].

Примером такого синтеза, осуществляемого современными историками, может служить концепция Социоестественной истории, активно разрабатываемая Э. С. Кульпиным и его последователями. Анализируя основные методы СЕИ в книге «Бифуркация Запад – Восток. Введение в Социоестественную историю», Э. С. Кульпин пишет о методе эмпирического обобщения и в связи с этим упоминает Л. Н. Гумилева: «Эмпирическое обобщение, равноценное реальному факту, впервые было предложено к использованию В. И. Вернадским, а

---

[309] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 154–156.

[310] Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 24–25.

[311] Есть ли будущее у науки о прошлом? (дискуссия по поводу статьи М. Бойцова «Вперед, к Геродоту!») [Электронный ресурс] // Разница во времени / Радио «Свобода». Электрон. дан. [Б. м.], 1999. URL: http://archive.svoboda.org/programs/td/1999/td.030399.asp (дата обращения: 21.11.2017).

использовалось как таковое, пожалуй, одним Л. Н. Гумилевым. Другими учеными эмпирическое обобщение или обобщение реальных фактов, становящееся еще одним таким фактом, в гуманитарных науках еще не применяется»[312]. Исходя из цели и задач данной работы, в следующей главе будут выявлены различия между методологией СЕИ и методологией Л. Н. Гумилева для того, чтобы сравнить эти две теории с позиции критериев научности и найти основания, по которым данные модели оцениваются по-разному.

Использование Л. Н. Гумилевым терминов из других областей наук критиковалось его оппонентами. Привлекая термины из других наук: «излучение»[313], «аннигиляция»[314], «импульс инстинкта»[315], «индукция»[316], он превращал социокультурные явления в явления физические. Говоря о культурной преемственности, Л. Н. Гумилев утверждает, что появляется понятие этнической инерции[317], а раз тело (римский этнос) уже перестало существовать, то нужно ввести новое понятие – этническое поле[318]. Критики обвиняли его в запутанности и неясности смыслового содержания, неуместности сложных языковых научно-терминологических конструкций, которые могли прикрывать недоказанные наукой факты или же вообще недоказуемые. Например, выявление стереотипа поведения внутри одного этноса и между несколькими критиковала М. И. Чемерисская. Она заявляет, что на бытовом уровне это понять легко, однако если подойти к вопросу более серьезно, то нельзя не отметить, что стереотипы изменчивее этносов[319].

---

[312] Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012 (дата обращения: 12.08.2018).

[313] Излучение – поток энергии, выделенной в окружающую среду.

[314] Аннигиляция – процесс, при котором частица и ее античастица, сталкиваясь, взаимно уничтожают друг друга.

[315] Импульс инстинкта – те энергия, силы или напряжение, которые используются для удовлетворения инстинкта.

[316] Индукция – соотношение коэффициента пропорциональности с электрическим током, движущимся вдоль замкнутого контура.

[317] Инерция – свойство тела оставаться в некоторых системах отсчета в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения в отсутствие внешних воздействий, а также препятствовать изменению своей скорости при наличии внешних сил.

[318] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 309.

[319] Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 165.

Л. Н. Гумилева часто критиковали за вольное обращение с терминами. Например, Лев Клейн говорит, что автор оперирует научными терминами, как будто это общепринятые слова русского обиходного языка. «Во всяком случае, значение, избранное автором, нужно заранее указать, обосновать и в дальнейшем строго придерживаться»[320]. Л. Н. Гумилев привнес термины и тезисы из других областей науки, что, по его мнению, помогает доказать теорию. Это подтверждает факт его работы с позиции классической рациональности, опирающейся на доказательства, и стремление ей соответствовать, или же объяснить то, что нельзя объяснить уже имеющимися в данной сфере понятиями.

Говоря о книге «Этногенез и биосфера Земли», Лев Клейн отмечает, что Л. Н. Гумилеву кажется, будто бы он находит статистические закономерности, выявляет внутреннюю логику, группирует материалы и применяет сравнительный метод (а не просто сравнивает), то есть действует методами естественных наук. «На деле ничего этого в книге нет. Нет ни одной статистической таблицы, не говоря уж о корреляционных или регрессионных. Ни одного графика распределений, нет частотного анализа, нет и соответствующих вычислений. Настоящих сравнительных таблиц тоже нет»[321]. Далее Клейн обращается к иллюстрациям (рисунки 1, 2).

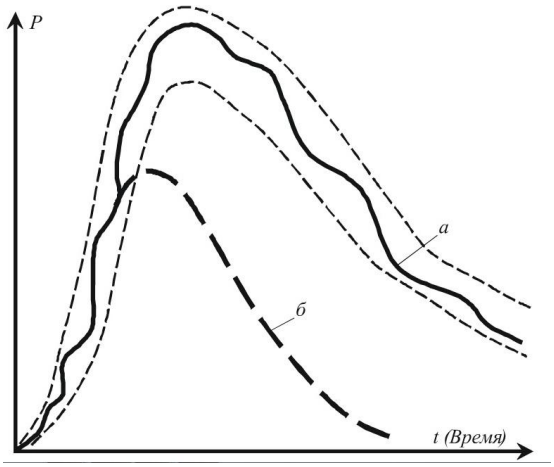

Рисунок 1 – Идеализированный ход функции P,
характеризующий ход процесса этногенеза[322]

[320] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[321] Там же.

[322] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 342.

Рисунок 2 – Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)[323]

Л. Клейн говорит, что это не подлинные графики: «на оси ординат не отложены какие-либо измеренные (и измеримые) величины; точки кривой не вычислены, а нанесены произвольно»[324]. Действительно, на первом графике нет обозначений шкалы времени, которая заявлена на оси абсцисс, на нем вообще отсутствуют какие-либо числовые обозначения. Сам Л. Н. Гумилев пишет: «будь у нас возможность измерить величину Р и выразить данную величину численно, в этом случае можно было бы построить кривую изменения пассионарного напряжения, а затем найти уравнение, описывающее кривую математически. Но пока приходится ограничиваться феноменологическим описанием». В таком случае сама возможность составления графика без математических данных, безусловно, не дает нам полноценный график. Но ведь и Лев Николаевич пишет, что это не реальный график, а идеальный – который мог быть возможен, будь у

[323] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С 349.

[324] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

него математические данные. Его он составил из синхронистических таблиц, по насыщенности интервала времени, определенными событиями.

На втором рисунке ситуация немного другая: по оси абсцисс расположена шкала времени от момента толчка, приведшего к появлению этноса, однако по оси ординат расположено пассионарное напряжение, измеряемое сразу в трех шкалах (качественных характеристиках, в количестве субэтносов и в частоте событий этнической истории). Качественные характеристики тем и отличаются от количественных, что их нельзя выразить в каком-то числовом варианте, например, нельзя выразить способность к жертвенности, и Гумилев выражает ее в виде максимального уровня пассионарного напряжения – $P_{6.}$ Откуда он взял эти уровни, не поясняется. Сомнительным кажется и измерение шкалы, которую он обозначил пунктиром: качественный ход изменения плотности пассионариев в этносе.

В целом, оба графика отражают не какие-то реальные цифры, даты и события, а гипотетическую возможность развития этноса. И Л. Н. Гумилев прописывает тот факт, что это всего лишь гипотеза. Он пытался формализовать эмпирические факты, представив в виде условного графика. Но в целом в книге «Этногенез и биосфера Земли» нет сколько-нибудь обоснованных схем или графиков с измеримыми величинами.

Однако в работах Л. Н. Гумилева можно встретить и графики с реально измеримыми величинами. Например, на график колебания уровня Каспийского моря в связи с изменением климатических условий в Европе отложены века и уровни моря, соответствующие тому или иному веку (рисунок 3).

В теории об усыхании и увлажнении степной зоны Евразии, используются данные археологических раскопок, проводимых самим автором, исследование почв, изучение донных отложений, анализ письменных источников и т.д. Эта теория является наиболее научной.

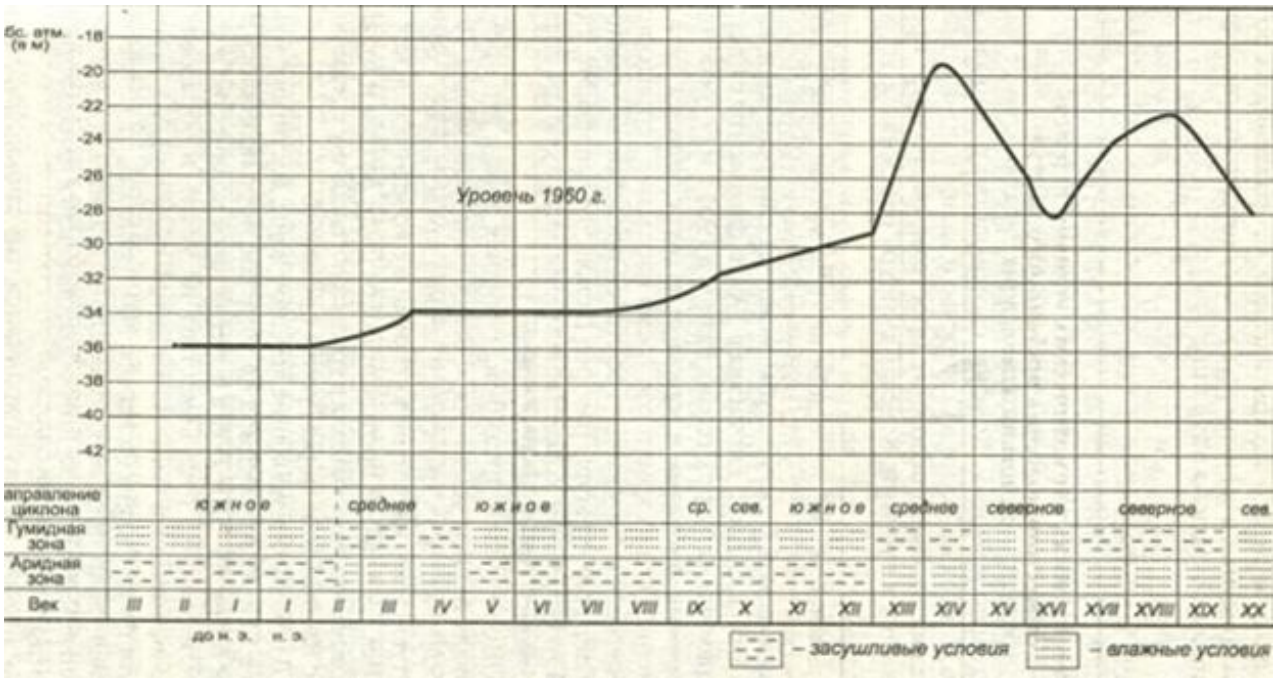

Рисунок 3 – Колебания уровня Каспийского моря в связи с изменением климатических условий в Европе[325]

Стоит изучить и карту осей зон пассионарных толчков[326], которая представлена в книге «Этногенез и биосфера Земли» (рисунок 4). На карте римской цифрой указан порядковый номер пассионарного толчка, арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие в результате данного этого толчка. Так, например пассионарный толчок I произошел в XVIII веке до н. э. и породил 3 этноса: 1) египтяне, 2) гиксосы, 3) хетты. Рассмотрим эти данные с позиции востоковедов. Египетское царство появилось в IV тысячелетии до н. э. К XVIII веку до н. э. уже наступила эпоха Среднего царства, правили XII–XIII династии[327]. XII династия правила с 1963 по 1789 гг. до н. э[328]. Ее правителям удалось стабилизировать положение в стране после первого переходного периода и превратить Египет в сильное государство. Завоевательная и экономическая политика продолжались по традиционным направлениям. XIII династия правила с 1789 по 1645 гг. до н. э., ее власть была слабой, что и послужило причиной нападения на Египет гиксосов. Гиксосы – это племенной союз кочевников

[325] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 21.
[326] Там же. С. 352.
[327] Тураев Б. А. Томашевич О. В. Древний Египет: учеб. пособие. М., 2007. С. 488.
[328] Вигасин А. А. , Дандамаев М. А., Крюков М. В. История Древнего Востока. М., 2005. С. 47.

с территории Южной Палестины, Северной Аравии и Синайского полуострова. В XVIII веке их отряды стали проникать в восточную часть дельты Нила. Хетты же в XVIII веке объединились в единое царство со своей столицей – город Хаттуса – под руководством царя Анитты[329].

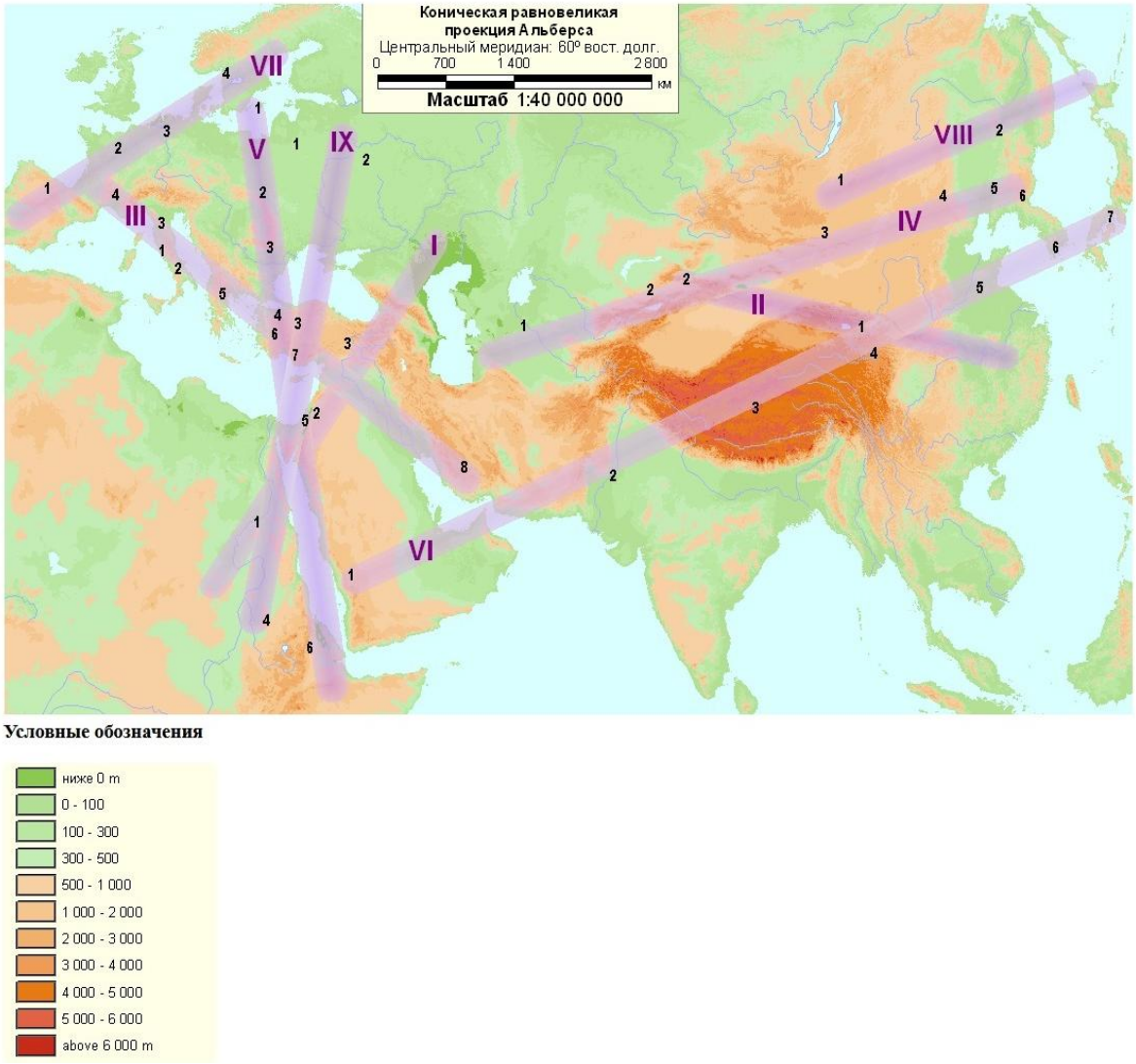

Рисунок 4 – Карта осей зон пассионарных толчков

Итак, в XVIII веке, по Л. Н. Гумилеву, произошел пассионарный толчок, вызвавший появление этих трех этносов. Но все три этноса в этот период были на разных этапах своего развития. Действительно, именно в это время у хеттов появилось свое государство, а гиксосы появляются в дельте Нила. Однако он не объясняет, каким образом появление государства влияет на рождение хеттского этноса.

[329] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 188.

Сложнее обстоит дело с гиксосами, которые не были единым государственным объединением, это был союз различных племен, судьба которых ни до, ни после их деятельности в Египте не известна.

Еще запутаннее выглядит ситуация с египтянами. На момент заявленного пассионарного толчка они существовали уже несколько веков. Однако если дело обстоит так же, как с Древней Русью и Московским царством, которые, судя по Л. Н. Гумилеву, были заселены двумя разными этносами, то и египтяне среднего царства по отношению к египтянам древнего царства могут быть совершенно другим этносом. Однако в отличие от русской истории здесь он не упоминает знакового события, подобного Куликовской битве, отделяющего «новый» этнос от «старого». С точки зрения изменения образа жизни, мышления, социального строя на роль поворотного момента больше претендует эпоха Нового царства, когда происходили существенные изменения во всех областях жизни египтян. С другой стороны, эпоха Нового царства может также олицетворять акматическую фазу этногенеза – эпоху максимальной экспансии и расцвета. Однако, во втором случае появление древнеегипетского этноса – явление не подходящее под период объединения Верхнего и Нижнего Египта в IV тысячелетии в одно государство и один народ. Если же вычесть от XVI века до н. э., когда началось Новое царство, длительность первой фазы этногенеза (200 лет), то появление этноса приходится именно на XVIII век. Хотя никаких исторических оснований для такого заявления, вероятно, нет. В это время восстановилась прежняя жизнь египтян в традиционных для Древнего царства формах.

Как говорит Л. Клейн, данные на карте не объективны, за исключением очертания материков. В целом, критик выносит уничтожающий вердикт: «Нет, это не методика естествознания»[330].

Лев Николаевич использовал различные источники, в том числе переведенные или непереведенные литературные памятники, данные археологии, географии. Сам он постулировал необходимость критического отношения к

[330] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

источникам и тщательного их анализа. Изучая историю Древней Руси, он был против использования уже переведенных источников, аргументируя это тем, что сознательно или бессознательно «историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее»[331]. Однако, вступая в противоречие со своим же высказыванием, при изучении истории средневекового Китая использует только переведенные источники.

По мнению К. В. Васильева, Л. Н. Гумилев допускал фактические ошибки, искажающие историческую действительность, и это происходило вследствие некритического отношения автора к используемым материалам. Помимо этого он утверждает, что Гумилевым игнорируется статистика, родственные связи излагаются произвольно, а сама китайская жизнь описана скуднее, чем она была в действительности[332]. Данные археологии по древнему Китаю также оказываются неподтвержденными. Так, например, нет подтверждения раннему появлению кочевничества на южных окраинах Гоби или же отождествлению культуры плиточных могил с раннехуннской культурой[333].

К. В. Васильев говорит о том, что факт европеоидности динлинов лишь гипотеза, однако, в книге Гумилева «Хунну в Китае» это не гипотеза, а аксиома, не требующая доказательств. Это произошло из-за того, что литературный оборот из художественного произведения был превращен автором в достоверный исторический факт[334].

В книге «В поисках вымышленного царства» встречаем описание своеобразного метода: «возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в «Трех Индиях», и сопоставлю на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины»[335]. Книгу «Древняя Русь и Великая

---

[331] Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994. С. 13.

[332] Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. // Вестник древней истории. 1961. № 2. С. 123.

[333] Там же. С. 124.

[334] Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 204.

[335] Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994. С. 8.

Степь» Яков Лурье описывает так: «Анализу источников, показания которых он презрительно именует «словами» и «цитатами», Л. Н. Гумилев противопоставляет «факты»[336]: не всегда доказанные суждения.

Системность (упорядоченность, самосогласованность) и **логичность** – непротиворечивость теории, отсутствие замкнутых кругов – также являются одним из признаков научности теории. В. В. Ильин относит их к логическим (непротиворечивость – логичность) и неэмпирическим (когерентность – системность) критериям.

Существует мнение, что весь мир состоит только из систем, следовательно, любая концепция, безусловно, системна (Ф. П. Тарасенко[337]). Но на то, что такое системность, есть разные мнения, термин не до конца конвенциональный. Исторические труды строятся чаще как рассказ, следовательно, как считает А. Ю. Сторожук, требование системности для историка является несущественным[338]. Но, оспаривая данный тезис, можно сказать, что для исторической теории системность тоже важна, выражается она, однако в несколько ином понимании, чем в математическом знании – в логичности изложения, обоснованности и непротиворечивости друг другу приводимых фактов и аргументов. Однако требование системности и логичности несут несколько разный смысл. Логичность – это непротиворечивость теории, отсутствие замкнутых кругов. Тогда как системность – упорядоченность, самосогласованность, демонстрация взаимосвязи частей как единого целого. Эти критерии можно объединить в одну группу, но рассматривать каждый из них лучше по отдельности.

Системность в концепции Л. Н. Гумилева, безусловно, есть. В целом любая концепция представляет собой определенную систему, но не всегда в ней прописываются все связи между ее частями. Сам Лев Николаевич отмечал важность системности в исторической теории: «Избыток первичной информации

---

[336] Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.net/library/id_87.html (дата обращения: 06.05.2017).

[337] Тарасенко Ф. П. Прикладной системный анализ (Наука и искусство решения проблем). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 186 с.

[338] Сторожук А. Ю. Пределы науки. Новосибирск, 2005. С. 218.

и слабая разработанность принципов систематизации особенно болезненно отражаются на истории и этнографии»[339], «накопление сведений без систематизации их на предмет широкого обобщения – занятие довольно бессмысленное»[340].

Негативный, по мнению Л. Н. Гумилева, опыт грандиозных конструкций А. Тойнби, О. Шпенглера и Н. Я. Данилевского привели к отказу от подобных моделей истории[341]. Оглядываясь на принятую в стране идеологию, тем самым прослеживая свою с ней связь, он упоминает, что в работах основоположников марксизма «содержится программа системного подхода к пониманию исторических процессов, но к этногенезу она еще не применялась»[342]. Таким образом, он актуализирует системность исторических теорий.

Система доказательств Л. Н. Гумилева строится на взаимосвязях, одной из которых является связь человека и природы: люди «входят в цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза, являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, доместикаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты, как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями – либо дружеские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков (от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры» [343]. Такую цепь он называет этноценозом.

Система строится на иерархическом соподчинении сходных групп, но разного уровня, например, описанная в первом параграфе данной главы система суперэтнос–этнос–субэтнос. Есть у Л. Н. Гумилева и понятие «антисистема» – системная целостность людей с негативным мироощущением[344]. Антисистема стремится к уменьшению взаимосвязей между элементами вплоть до нуля, и, следовательно, ведет к разрушению системы. Примерами антисистемы

---

[339] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 24.
[340] Там же. С. 35.
[341] Там же. С. 24.
[342] Там же.
[343] Там же. С. 12.
[344] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 541.

Л. Н. Гумилев считает манихейство, павликианство, ряд течений исмаилизма, опричнину и др.

Само понятие этноса рассматривается Л. Н. Гумилевым как системообразующая и системная единица. Этнос – система открытая, саморегулирующаяся, развивающаяся по определенным законам и этапам. Что также было описано в первом параграфе данной главы. Алгоритм этногенеза тоже последовательно и связно описан автором, и даже истребление реликтового этноса имеет свою причину внутри системы: расширяющий свой ареал сильный этнос может уничтожить реликтовый, уже отживший.

Л. Н. Гумилев стремился сделать свою теорию более естественнонаучной и, следовательно, он должен был четко ее систематизировать. Н. В. Трубникова тоже называет жесткую систематизацию главным принципом естествознания, тогда как историческое знание имеет ряд минусов: избыток информации, следовательно, автор невольно предпочитает одни факты другим, и запутанность терминологии[345]. В первом Л. Н. Гумилева обвиняли некоторые критики, но это можно применить ко многим историческим концепциям. А второй он сам пытался решить за счет создание своей собственной терминологии, однако менее запутанной она не стала.

Многие ученые находят в пассионарной теории этногенеза противоречия. Например, историк А. Янов пишет о том, что Л. Н. Гумилев имел логически необъяснимые «парадоксы мышления»[346]. По его мнению, Л. Н. Гумилев пытается объяснить исторические явления предполагаемыми природными извержениями биосферы, а извержения биосферы – историческими явлениями. Вследствие чего получается замкнутый круг. Он утверждает, у Гумилева нет объективного верифицируемого критерия новизны этноса, это выводит теорию вообще за пределы науки, так как для того, чтобы в открытие поверили, должен существовать способ его проверить. Гипотеза Гумилева оказалась «невообразимой смесью наукообразия, гигантомании и «патриотического» волюнтаризма»[347].

---

[345] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. С. 14.

[346] Янов А. Веймарская Россия // Нева. 1994. № 5–6. С. 256.

[347] Там же. С. 263.

При этом данным автором концепция Гумилева оценивалась безотносительно марксизма, поскольку в его работах содержатся фактические ошибки.

Однако М. А. Игошева пишет: «оппоненты, отмечающие противоречивость заключений ученого, рассматривают отдельные его идеи без учета всей концепции, не пытаются взглянуть на нее в целом. Тогда как критики, указывающие лишь на недоработку отдельных положений концепции, учитывают глобальность подхода исследователя»[348]. И далее делается вывод: «В целом концепция Гумилева логична, стройна и закончена»[349].

Объясняя место пассионарности в историческом синтезе, Лев Николаевич говорит, что пассионарность – не решающий фактор этногенеза, хотя неизученный и неизвестный. Всего же их четыре: рост производительных сил (согласно марксистско-ленинскому учению)[350]; географическая среда; логика причинно-следственных связей, краткие закономерности. Пассионарность – не единственный фактор, но обязательный: «без пассионарности нет этногенеза!»[351]. Таким образом, получается, что у Л. Н. Гумилева каждый из факторов важен и нет этногенеза без любого из них.

Стоит вспомнить философскую «Трилемму Мюнхгаузена» немецкого философа Ханса Альберта: всякая попытка абсолютного обоснования оказывается такой же безнадежной, как и попытка вытащить себя из болота за собственные волосы[352]. А в реальности мы имеем три возможности:

1. Регресс в бесконечность (понятие объясняется через другое понятие, оно, в свою очередь, через еще одно и так далее).

2. Логический круг (рано или поздно новое понятие будет объяснено через одно из предыдущих).

3. Разрыв цепи обоснований в некотором месте (произвольный отказ от обоснования термина, обычно наиболее «очевидного») [353].

---

[348] Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1998. С 115.

[349] Там же. С. 120.

[350] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 343.

[351] Там же. С. 344.

[352] Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2010. С. 40.

[353] Там же.

Так или иначе, одного из этих способов не удастся избежать в любом случае, поэтому за их наличие нельзя критиковать, но более непротиворечивой будет считаться та теория, логический круг которой более обширный. Лев Николаевич не объяснял извержения биосферы сугубо историческими явлениями, но он писал, что они ясно сигнализируют частотой и характером событий о пассионарных толчках, поскольку имеются в большом количестве.

Можно сравнить этот способ доказательств с аналогичным в естественных науках: если много фактов, неоднократно перепроверенных независимо друг от друга в попытке его опровергнуть, подтверждают один и тот же вывод, следовательно, вывод считается доказанным. В этом заключается специфика научных доказательств именно натуралистического подхода к истории как более естественнонаучного, а, следовательно, с точки зрения его адептов, более научного и объективного, так как физические и географические факторы – более доказательны и опровергнуть их объективность очень сложно. Однако доказательства влияния пассионарности на этногенез через множество примеров были сделаны не независимо друг от друга, а одним Л. Н. Гумилевым. Но, в отличие от естественных наук, невозможными в истории являются проведение опыта и наблюдение за множеством однотипных фактов в режиме реального времени.

Теория этногенеза обладает некоторыми погрешностями по критерию системности и логичности. Но примечателен тот факт, что В. В. Ильин считает, что не все теории и гипотезы могут быть опробованы на соответствие логическим критериям научности. А подчас в науку не включаются, вполне респектабельные и отвечающие логическим и эмпирическим критериям теории[354]. То есть получается, что этот критерий недостаточный признак. Теория может быть логична и стройна, но при этом это не означает, что она научна. Выводы должны быть приняты ученым сообществом, близким по теме исследования. Примером системной и логичной, но ненаучной концепции можно считать астрологию. Если рассматривать ее внутри самой себя, то она вполне системна. Но если ученый исходит изначально из других предпосылок и мнений, то системность теории оказывается не столь важна.

[354] Ильин В. В. Критерии научности знания. М., 1989. С. 85.

2.3 Влияние субъективных факторов на признание теории Л. Н. Гумилева

Наряду с формальными аспектами научности теории всегда существуют и другие субъективные причины признания или непризнания ее научной. Поэтому, важно помнить, где и в какое время жил и работал Л. Н. Гумилев[355].

У него была непростая судьба. Будучи сыном расстрелянного «врага народа», поэта Николая Гумилева, и опальной поэтессы Анны Ахматовой, он сам подвергся гонениям. Стоически переносил изгнания из университета, аресты, допросы, тюрьмы, лагеря. В Великую Отечественную войну из заключения по собственному желанию ушел на фронт, а вернувшись, закончил исторический факультет. При защите кандидатской диссертации столкнулся с препятствиями, поскольку научное сообщество не хотело принимать самоучку, не принадлежавшего ни к каким научным школам. Ему пришлось даже поработать библиотекарем в психоневрологической больнице. В 1948 году он все же защитил кандидатскую диссертацию «Политическая история первого тюркского каганата». А в 1949 году его снова арестовали и присудили 10 лет лагерей, позаимствовав обвинения с предыдущего дела. Именно в заключении он и написал книги по истории тюрков и хунну[356]. В 1961 году, не без трудностей, защитил докторскую диссертацию по истории: «Древние тюрки. История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI–VIII вв.)».

Лев Николаевич стремился защитить диссертации, получить научную степень, состоять в научном сообществе, его попытки не всегда увенчивались успехом, но его это не останавливало. В 1960-х он стал воплощать на бумаге осмысленную в заключении пассионарную теорию этногенеза. Часть статьи Л. Н. Гумилева «Этногенез и этносфера» вышла в журнале «Природа» в 1970 году. Рецензии на нее были опубликованы в этом же году. Автором первой рецензии стал профессор Б. Н. Семевский, «который счел своим долгом его

---

[355] Впервые анализ концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина с позиции субъективных критериев опубликован в: Маслова Е. К. Социоестественные подходы к истории: влияние субъективных факторов на признание научности теории на примере концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина // История и современность. 2018. № 3. С. 94–115.

[356] Вешкин Н. Л. О пассионарной модели этногенеза Л. Н. Гумилева. Пущино: Фотон-век, 2008. 24 с.

поддержать»[357]. Положительные отзывы оставляли в основном географы, а в 1971 году появилась подборка положительных отзывов, написанных гуманитариями. Но уже в рецензии М. И. Артамонова содержалась критика концепции этноса, он счел этнос «аморфной структурой, никак не связанной с ландшафтом и не имеющей четких очертаний»[358].

В 1974-м году Лев Николаевич защитил докторскую диссертацию по географии, превращенную затем в трактат «Этногенез и биосфера Земли», но научную степень не утвердил ВАК. По словам С. Б. Лаврова, из ВАКа пришел отзыв «черного оппонента» с огромным количеством замечаний. Последовал вызов «на ковер» в Москву. Когда Лев Николаевич отправился на встречу с комиссией, коллеги по кафедре беспокоились, как бы он, с его взрывным характером, не стал спорить с коллегией ВАК. Опасения оправдались: Гумилев в ответ на вопрос: «А кто же Вы все-таки такой: историк или географ?» «наговорил много лишнего и был провален. В Ленинград вернулся смущенный и несколько виноватый; не столько из-за печального итога, сколько из-за того, что не выполнил обещания держаться «в рамках»…»[359]. В итоге решение ВАК основывалось на том, что Лев Гумилев все-таки историк, а не географ.

С 1974 года идеи Л. Н. Гумилева подвергаются критике в советской печати и со временем его работы все реже публикуют в ведущих журналах, а автора обвиняют в антимарксизме, ненаучности. Сложилась ситуация, когда и историки и географы по разным причинам и в разной степени не хотели его признавать. А тем временем среди читающей публики своим чередом складывался культ Гумилева[360]. В 1979 году он депонировал рукопись «Этногенез и биосфера Земли» во Всероссийский институт научной и технической информации РАН (ВИНИТИ). Сотрудники ВИНИТИ стали делать копии рукописи, которые продавались на черном рынке. Всего рукопись была скопирована более 2000 раз[361]. Популярности рукописи способствовали публичные лекции, которые Лев Николаевич начал

[357] Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева. М., 2013. С. 458.
[358] Там же. С. 459.
[359] Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2007. С. 352–353.
[360] Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. СПб., 2012. С. 72.
[361] Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева. М., 2013. С. 535.

читать, и на которые выстраивались громадные очереди. А. Н. Ямсков пишет: «в последние советские десятилетия в среде научно-технической интеллигенции вообще была распространена тяга к чтению научно-популярной и научной исторической и этнографической литературы. Именно в такой обстановке и рождалось увлечение работами Л. Н. Гумилева»[362]. Сам А. Н. Ямсков тоже был выпускником и сотрудником географического факультета МГУ и в начале 1980-х годов был увлечен построениями Л. Н. Гумилева после ознакомления с депонированной в ВИНИТИ рукописью «Этногенез и биосфера Земли». Он говорит, что причинами этого были:

1. Удивительно яркий и образный язык, который резко контрастирует с сухим и скучным изложением в работах академических исследований.

2. Отсутствие на тот момент других известных публике объяснений того, как и почему на Земле появились разные народы, что предопределяет их исторические судьбы и характер взаимодействий друг с другом.

3. Географам и биологам нравилось обращение Гумилева к вопросам взаимодействия природы и общества, к роли физико-географических факторов в истории, что тогда официально считалось отголосками географического детерминизма и поэтому не использовалось этнографами и историками.

4. Специалистам с естественнонаучным образованием казалось большим достоинством введение в работу количественных оценок: длительность фаз этногенеза и общего периода существования этноса, что создавало иллюзию точности и конкретности его работы и якобы выгодно отличало ее от обычных исследований этнологов и историков[363].

Л. Грэхэм приводит мнение Раисы Берг насчет популярности идей Л. Н. Гумилева среди молодых советских студентов 1970-х годов: вспоминая атмосферу дискуссии на факультете прикладной математики университета, в которой она принимала участие вместе с Л. Н. Гумилевым, Р. Берг пишет, что они чувствовали себя как в «оазисе среди пустыни декретированной науки». Вместе

[362] Ямсков А. Н. «Новые классики»: Л. Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 182.

[363] Там же.

с тем, она отмечает, что в интерпретациях Гумилева было «нечто от астрологии, нечто совершенно неприемлемое» для нее как биолога[364].

Л. А. Мосионжник говорит, что для него, в то время школьника, на фоне скучных, хотя и идейно выдержанных трудов большинства официальных историков, книги Гумилева ощущались глотком свежего воздуха, ворвавшимся в душную идейную атмосферу. В них была иная точка зрения на прошлое, более человеческая, чем школьный диамат, в них была поэзия и романтика. Оказалось, что история может быть увлекательной, что она допускает варианты[365]. Советская цензура помогла Л. Н. Гумилеву, пропустив «Степную трилогию», она оставила на полке «Этногенез…» и «Древнюю Русь…», тем самым способствовала формированию мифа Гумилева[366]. Но сейчас Л. А. Мосионжник рассматривает концепцию Гумилева как ненаучную: «академический мир не «замалчивал» творчество Л. Н. Гумилева, но проанализировал его идеи и довольно быстро выяснил, что эта историческая концепция находится за пределами науки»[367].

Однако с началом Перестройки положение стало меняться. В советской печати вновь появились стихи Николая Гумилева. Лев Николаевич помогал собирать материалы и даже сам читал произведения отца на публичных мероприятиях. Гласность увеличила тиражи книг и его самого. В последние советские годы были изданы многие его работы, в том числе «Этногенез и биосфера Земли» в 1989 году. В 1990 году Ленинградское телевидение записало 15 его лекций, его интервью постоянно публиковались в ведущих литературных журналах. Это была вершина прижизненной популярности и известности Гумилева, теперь он мог свободно донести свои идеи до читателей. Хотя академиком АН СССР Лев Николаевич не был избран, но на следующий год стал академиком созданной в 1990-м году общественной организации Российской академии естественных наук, и до конца своей жизни оставался научным сотрудником-консультантом географического факультета ЛГУ. Определение

---

[364] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 251.

[365] Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. СПб., 2012. С. 72.

[366] Там же. С. 73.

[367] Там же. С. 71.

того, что научно, а что нет, изменилось, и это подтверждает то, что научные критерии являются конвенциональными.

Л. Н. Гумилев не создал научной школы, и не стремился к этому. Немногих он сам мог назвать своими учениками, хотя с 1960-х годов сложился круг людей, считавших себя таковыми. Под его руководством было защищено две кандидатские диссертации: в 1975 году К. П. Иванов[368] («Эколого-географическое исследование сельскохозяйственного населения Нечерноземной зоны РСФСР»[369]) и в 1990 году В. Ю. Ермолаев («Этногенез и социальная география городов России»[370], научный руководитель Л. Н. Гумилев). Совместную работу с Гумилевым вели Д. М. Балашов, В. А. Мичурин. Были опубликованы совместные статьи с К. П. Ивановым[371], В. Ю. Ермолаевым[372], С. И. Руденко[373]. Есть также те, кто посещал его публичные лекции и считают себя его учениками, так как творчество и личность Л. Н. Гумилева сильно повлияли на их мировоззрение.

В июле 1992-го был основан Фонд Льва Гумилева, президентом которого стал академик А. Панченко. В 1998 году появился и до 2013 года обновлялся просветительский интернет-портал «Gumilevica», который, по определению С. Белякова, «остается самым интересным и самым информативным сайтом, посвященным Льву Гумилеву»[374].

Многих его последователей уже нет: А. М. Панченко, С. Б. Лаврова, В. А. Мичурина. Тем не менее, есть последователи, которые и сейчас придерживаются теории Л. Н. Гумилева и развивают ее: К. Б. Клоков, С. А. Хрущев, А. А. Музалев, К. В. Силаева, которые работают в Санкт-Петербурге. В 2016 году они опубликовали совместную статью «Этническое поле в этногеографических

---

[368] Иванов К. П. Эколого-географическое исследование сельскохозяйственного населения нечерноземной зоны РСФСР : автореф. дис. … канд. геогр. наук. Л., 1985. 19 с.

[369] К. П. Иванов, однако, снял упоминание о руководстве Льва Николаевича диссертацией.

[370] Ермолаев В. Ю. Этногенез и социальная география городов России : автореф. дис. … канд. геогр. наук : 11.00.03 [Электронный ресурс] // Gumilevica. Электрон. дан. [Б. м.], 1998. URL: http://gumilevica.kulichki.com/EVU/evu10.htm (дата обращения: 13.06.2018).

[371] Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этносфера и Космос // Космическая антропоэкология : техника и методы исследования : материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. Ленинград, 02–06 июня 1984 г. Л., 1988. С. 211–220.

[372] Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Горе от иллюзий // Вестник высшей школы (Alma Mater). 1992. № 7–9. С. 6–14.

[373] Гумилев Л. Н., Руденко С. И. Археологические исследования П.К. Козлова в аспекте исторической географии // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1966. № 3. С. 240–246.

[374] Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева. М., 2013. С. 697–698.

исследованиях: концептуализация и обоснование нового похода»[375], в которой на основе взглядов Л. Н. Гумилева предлагается новая модель информационной составляющей этнического поля, основанная на работах П. Бурдье и К. Левина.

Популярность теории Л. Н. Гумилева бесспорна, он стал значимым общественным феноменом еще при жизни, не будучи в представлении многих ученым. Американский историк науки Лорен Грэхэм считает, что популярность столь умозрительной, на его взгляд, и лишенной научного обоснования теории Л. Н. Гумилева среди советских интеллектуалов заключается именно в противопоставлении тоталитаризму[376]. Интересен тот факт, что в пользу данной точки зрения свидетельствуют высказывания некоторых оппонентов Гумилева. Вот, например, что Б. Кедров с соавторами пишет о выдвинутой ученым теории этнических химер: «Такие утверждения неверны и прямо и непосредственно противостоят линии нашей партии и социалистического государства на всемерное сближение наций и на перспективу (хотя и отдаленную) их слияния в едином социалистическом человечестве»[377]. Вся концепция, по их мнению, является антинаучной и антисоциальной[378]. Но при этом сами авторы оценивали работу Л. Н. Гумилева не по первоисточнику, а со слов статьи советского философа Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда»[379], которая, в свою очередь, основана на трехтомной рукописи Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», депонированной ВИНИТИ. Ю. М. Бородай анализирует рукопись, цитирует ее основные положения, поддерживает идею пассионарности и ее влияния на человеческие общества.

Статья Бородая вызвала реакцию Академии наук. Ее обсуждали на заседании Президиума 12 ноября 1981 года и осудили за вредность необоснованных идей. Разъяснение «широким кругам» о несостоятельности и вредоносности идей Л. Н. Гумилева (поскольку Бородаем эти идеи были

---

[375] Клоков К. Б. Этническое поле в этногеографических исследованиях: концептуализация и обоснование нового подхода // Вестник СПбГУ. Серия 7. 2016. Вып. 2. С. 76–84.

[376] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе : пер. с англ. ; послесл. В. С. Степина. М., 1991. С. 250–256.

[377] Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа, 1982. № 3. С. 92.

[378] Там же. С. 89.

[379] Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 9. С. 82–85.

заимствованы из рукописи Гумилева) должно было осуществиться посредством выхода разгромной статьи, подписанной Б. М. Кедровым, И. Р. Григулевичем и И. А. Крывелевым[380]. Поэтому важным для них было не столько ознакомиться с первоисточником, сколько подвергнуть теорию критике с точки зрения идеологии. Такой тип критики нельзя назвать научным. Ее авторы сами являлись приверженцами идей марксизма (Б. М. Кедров – член-корреспондент АН СССР, разрабатывающий идеи марксизма-ленинизма; И. А. Крывелев – профессор института этнографии АН СССР, занимался марксистской критикой Библии и пропагандировал научный атеизм; И. Р. Григулевич – профессиональный разведчик, изучавший латиноамериканских коммунистических лидеров).

Тем, что марксисты критически оценивали пассионарную теорию этногенеза, Л. Грэхэм не удивлен, так как Л. Н. Гумилев считал, что рассматривать исторический процесс в категориях экономики означает впадать в иллюзию вульгарного социализма, стремящегося всюду увидеть классовую борьбу[381]. Действительно, теория, которая была покрыта ореолом запрета, тайны, неизбежно привлекала внимание и вызывала желание ознакомиться с ней.

Однако и сам Л. Грэхэм почерпнул свои знания об «Этногенезе и биосфере Земли» не из самой книги, а из двух критических статей, опубликованных в официальных советских журналах, поскольку книга еще не была издана, а вариант «самиздата» был для него недоступен. Ограниченность доступа к рукописи тоже привлекала внимание к книге как к «секретному знанию», говорит Л. Грэхэм. Все это в совокупности придавало работе Л. Н. Гумилева образ нового взгляда на науку, априорно более высокого, нежели это принято в официальной науке.

Среди советских интеллектуалов в то время было распространено мнение, что всякие попытки биологических объяснений проблемы человеческого поведения автоматически означали их антисталинскую направленность, а в случае с Л. Н. Гумилевым эта связь еще более усиливалась, поскольку в глазах советских либералов (особенно представлявших литературные круги) он был,

---

[380] Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева. М. : АСТ, 2013. 797 с.

[381] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. ; послесл. В. С. Степина. М., 1991. С. 252.

прежде всего, сыном своих репрессированных родителей[382]. Сам факт того, кем были его родители, привлекал внимание общества к личности и работам Л. Н. Гумилева. К тому же, Л. Грэхэм считает, что его концепция отвечает политическим интересам различных диссидентов, а также имеет общий характер, поэтому каждый может увидеть в ней все что хочет. Основы же марксистской интерпретации она подрывает, ведь марксизм основывается на экономических подходах и недооценке роли отдельных индивидов[383].

В защиту Л. Н. Гумилева выступил Ю. М. Бородай, который доказывал, что концепция этногенеза сугубо марксистская. «Маркс многократно указывал на чрезвычайную важность исследования таких фундаментальных явлений, как естественно-сложившиеся общности – этносы, подчеркивал их маргинальную природу <…> Но он успел лишь указать на проблему»[384]. Эту проблему, по мнению Ю. М. Бородая, и изучил Л. Н. Гумилев, который предлагает оригинальную концепцию этногенеза. Конечно, Ю. М. Бородай понимал, что несоответствие идеям марксизма означало бы непризнание научности концепции, поэтому в любом случае эту преемственность нужно было найти и показать. Что и сам Лев Николаевич неоднократно делает, практикуя «ритуальное цитирование» Ф. Энгельса и К. Маркса в своих работах.

Например, в книге «Древняя Русь и Великая степь» встречаем ссылку на К. Маркса из «Хронологических выписок» Архива Маркса и Энгельса[385]. В «Этногенезе…» список ссылок на идеологов более обширен. При постановке проблемы научного синтеза Л. Н. Гумилев не может не показать свою преемственность: «По данному поводу К. Маркс выразился четко: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука». Ныне мы стоим на пороге создания такой науки»[386]. Также: «обязательное

---

[382] Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. ; послесл. В. С. Степина. М., 1991. С. 254.

[383] Там же. С. 255.

[384] Бородай Ю. М. В поисках этногенного фактора // Природа, 1981. № 4. С. 124.

[385] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 53.

[386] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 17.

приспособление к привычному, обжитому «вмещающему» ландшафту отмечено К. Марксом в статье «Вынужденная эмиграция»[387], или «как писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности»[388]. И далее по всему тексту можно встретить неоднократные цитирования и упоминания классиков марксизма[389].

Ю. М. Бородай делает акцент на том, что в теории этногенеза «наводится мост между гуманитарными и естественными науками: всемирная этническая история рассматривается как функция природного процесса, каковым является этногенез; показано взаимодействие социальных институтов с биосферой по принципу обратной связи», а история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга[390]. Акцентируя этими словами важность идей Гумилева, Бородай одновременно апеллирует к тому, что концепция этногенеза находится в русле марксистского понимания, поскольку Маркс также писал: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»[391].

Марксизм – концепция глобалистическая. В ответ на глобализм марксизма Л. Н. Гумилев предлагает свой взгляд на мировую историю, и этот взгляд находит отклик среди людей, которые ищут альтернативу официальной догме. Большое количество последователей тоже во многом объясняется тем, что марксизм стал уже не релевантен интеллектуальной среде, от него хотелось отказаться, но нужна была какая-то альтернатива. Г. С. Померанц отмечает, что Л. Н. Гумилев сам подчеркивает опору на марксизм и свою приверженность ему, но, тем не менее, в СССР теория этносов была отдушиной от категорий марксизма[392]. В непростое

---

[387] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 181.

[388] Там же. С. 264.

[389] В целом, ссылки на Маркса встречаются в книге «Этногенез и биосфера Земли» 9 раз, на Энгельса – 15 раз. Причем Энгельсу даже посвящен отдельный параграф, С. 266–268.

[390] Бородай Ю. М. В поисках этногенного фактора // Природа. 1981. № 4. С. 125.

[391] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1957. Т. 3. С.16.

[392] Померанц Г. С. Выход из транса. М., 1995. С. 356.

для свободомыслия время он создавал люфт для общественной мысли. Это одна из заслуг Льва Гумилева, но не столько в науке, сколько в развитии общественной мысли.

Теорию Л. Н. Гумилева многие критики считают обусловленной его жизненным опытом. Историк С. С. Беляков считает, что антизападническая позиция Гумилева обусловлена его жизненным опытом. В экспрессивно названной статье «Европа надоела до чертиков» автор вспоминает тот факт, что Лев Николаевич отправился на войну добровольцем именно в период похода Советской армии по Европе. Беляков пишет: «Разумеется, «антизападничество» Л. Н. Гумилева нуждается в специальном изучении, и свести его исключительно к негативным результатам первого непосредственного контакта с немцами ни в коем случае нельзя. Однако именно этот первый контакт стал отправной точкой его антизападничества. Не исключено, что на будущее мировоззрение Л. Н. Гумилева существенное влияние оказали антипатии, проявившиеся в сознании ученого именно в 1945 году»[393].

Также критиками отмечается влияние тюремного заключения. Лев Клейн пишет о Л. Н. Гумилеве: «Трижды, начиная с 17-летнего возраста, его научные поиски сменялись годами тюрьмы, лагеря и пыток. Это очень грустная, очень несправедливая истина, но такие вещи не проходят бесследно. Перерывы в профессиональной подготовке и в карьере исследователя, длительная изоляция нарушит нормальное развитие научных способностей и профессиональных качеств ученого. В условиях преследований и жестокой борьбы у него сложился психологический комплекс гонимого пророка, отнюдь не способствующий трезвому исследованию. Упрямство, ненужный азарт, страсть к эпатированию и в результате – новый догматизм. А бесчеловечность среды незаметно вошла в плоть и кровь его учения, сделала учение антигуманистическим»[394].

---

[393] Беляков С. С. «Европа надоела до чертиков»: Л. Н. Гумилев в Германии 1945 года [Электронный ресурс] // Россия и мир : междисциплинарный научный семинар по истории взаимовосприятия культур. Электрон. дан. [Б. м.], 2012–2018. URL: http://rosmir.iriran.ru/current.php?id=29 (дата обращения: 23.08.2018).

[394] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

Л. Н. Гумилев общался с сокамерниками, рассказывал им различные истории и свои идеи, а поскольку слушатели были весьма специфичны, то и рассказчику приходилось подбирать понятные слова, привычные для слушателей обороты, а также подстраиваться под психологию слушателей, под их представления о мире. Как отмечает Клейн, этот опыт отпечатался в его психике и сказался на творчестве. Так, например, Л. Клейн проводит ассоциацию с пассионариями и героями воровского фольклора: «личность, выбивающаяся из социальной системы, не признающая законов, оправдывающая свое поведение тем, что одним такая «пассионарная» судьба на роду написана, в отличие от других – серой массы»[395].

Также Л. Клейн писал о том, что для преступной среды характерно ощущение собственного рыцарства и антиэгоистической морали, хотя на деле – это исключительно жестокий и безжалостный мир. Презрение к богатым, к торгашам, недоверие к чужакам, к другим национальностям – все это Клейн находит и в теории этногенеза. Он отмечает: «теория этногенеза и пассионарности родилась как выражение психологии люмпенов, она льстит низшим слоям коллективного самосознания. А так как наше общество за семь последних десятилетий сильно люмпенизировалось, то в нем создалась база для быстрого и некритического восприятия проповедей Л. Н. Гумилева»[396].

Лев Николаевич также приводит примеры из личного лагерного опыта. Так, отстаивая идею о том, что человек видит себя всегда внутри какой-либо этнической общности, он делает вывод: «Конечно, пребывание в сибирском лагере можно назвать крайним случаем «уравниловки». На всех заключенных одинаковые шапки, ватники, брюки и валенки. Казалось бы, серая, безликая масса – и только. Но даже в этих условиях постоянно ощущалось этническое своеобразие каждого человека <…> Каждый на вопрос: «Кто ты?» – ответит: «русский», «француз», «латыш», «китаец», «грузин» и т. д., не задумавшись ни на минуту»[397].

---

[395] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[396] Там же.

[397] Корни нашего родства [Электронный ресурс] // Gumilevica. Электрон. дан. СПб, 1998. URL: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article79.htm (дата обращения: 21.01.2018).

А. Савченко также считает, что источником пополнения знаний Гумилева служил, в том числе, и ГУЛАГ. И этими знаниями он дополнял свою теорию. Гумилев встречался в лагере с представителями разных народов, разных религий (например, с буддийским монахом из Монголии, или с иранским юношей, или с тунгусским шаманом). Очевидно, что это общение с таким разными в этническом смысле людьми пополняли этнографические знания Гумилева.

Комплекс научных идей, которые Л. Н. Гумилев впоследствии развивал, сформировался во многом именно в лагерные годы. В дальнейшем эти идеи кардинально не менялись, так как оказались для автора жизненно значимыми. Он вы́носил их в лагере, именно они помогли, во многом, выжить там. И хотя в дальнейшем критики указывали Гумилеву на ошибки с высоты уже нового времени, ученый не соглашался с ними, так как был привязан к своим более ранним идеям, относящимся ко времени зарождения теории этногенеза. Это определенная специфика опыта, характерная для многих ученых, привязанных к своим идеям, усвоенным в юности. Но она не позволяет подчас найти компромисс с более молодым поколением ученых.

В период своей активной научной деятельности Л. Н. Гумилев находился в условиях советской действительности, и, хотя в Европе уже распространялись идеи, соотносимые с неклассическим и постнеклассическим периодами науки, у него же сохранялись жестко заданные государством рамки единственно верной истины. И коллеги-современники, критиковавшие его, тоже исходили именно из классических убеждений. Сейчас наука находится на другом этапе развития, который характеризуется менее жесткими рамками теорий, допускает различные интерпретации и свободу мышления. При таком ракурсе концепция Л. Н. Гумилева может быть рассмотрена принципиально иначе[398]. Однако все же идеи постнеклассики еще не доминируют в научном сообществе при определении научности теории, а являются одной из возможных интерпретаций.

[398] Подробнее об этом см.: Маслова Е. К. Теория этногенеза Л. Н. Гумилева в контексте концепции постнеклассической рациональности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 160–164.

Стоит еще раз отметить, что жизненный путь повлиял не только на развитие теории Л. Н. Гумилева, но и на его популярность. Трагичный жизненный опыт лишь подогревал интерес к его персоне. Как отмечает Л. Клейн, одна из причин его популярности кроется в его заслуженном нимбе страдальца и мученика, ветерана войны, сподвижника и фанатика идеи, ореола наследника любимых народом и гонимых властью поэтов[399].

Конечно, сейчас вряд ли кто-то скажет об абсолютной беспристрастности ученого, ее, по сути, невозможно достичь, и, возможно, говорить о специфике жизненного пути стоит не всегда. Но только не в случае с Л. Н. Гумилевым, когда привлечение биографических фактов дает возможность лучше понять авторскую концепцию. У Э. С. Кульпина, о котором пойдет речь в следующей главе, такой трагичной личной судьбы, способной кардинальным образом повлиять на его мировоззрение, не было.

Важную роль в признании теории играют и личные взаимоотношения ее автора. Он именовал себя гением, а, по мнению В. А. Шнирельмана, личные обиды на гуманитариев заставляли его уходить в глухую оппозицию и искать себе иную более благодарную аудиторию в лице естественнонаучной интеллигенции[400]. Вспоминая защиту своей первой диссертации, Лев Николаевич гордился: «Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избиение младенцев, играя при этом роль царя Ирода»[401].

Портило взаимоотношение с коллегами также то, что на критику в свой адрес Л. Н. Гумилев реагировал отрицательно, а подчас даже грубо. Не признавая ошибочность своих суждений, он редко отказывался от полюбившихся ему идей, даже если они противоречили фактам. На научном заседании Библиотеки Государственного Эрмитажа, посвященном обсуждению его книги «Хунну» и рецензии на нее К. В. Васильева, Л. Н. Гумилев утверждает, что рецензент

---

[399] Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] // Скепсис. Электрон. дан. М., [Б. г.]. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 12.08.2018).

[400] Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 9.

[401] Гумилев Л. Н. Автобиография. Воспоминания о родителях // Лев Гумилев: Судьба и идеи. М., 2003. С. 12.

проигнорировал мнения некоторых ученых, некритически отнесся к источнику, а поэтому «не понял текста» так, как понял его сам Л. Н. Гумилев[402]. Он сослался на справочник, по которому он писал транскрипцию имен собственных, согласился, что его теория расходится с некоторыми общепризнанными книгами и мнениями, защищал право историка использовать переводы как источник, особенно тогда, когда «дело идет не о нюансах, а о простой констатации фактов, подлежащих историческому анализу и синтезу»[403]. Как видно из этого высказывания, Лев Николаевич и здесь считал факты, которые он приводит, скорее, неопровержимыми, чем достойными критической проверки.

Лев Николаевич отстаивал свою концепцию и свои методы уверенно, аргументировано, иногда совсем не прислушиваясь к советам своих коллег. Он не сомневался в том, что теория верна, а тех, кто не признавал ее, считал непонимающими людьми, которые в силу различных обстоятельств не могут признать «очевидную истину». Ошибки за собой он не хотел признавать. Разве что в крайних случаях и в мелких деталях. Так, на вопрос интервьюера о том, приходилось ли ему ошибаться, он ответил: «Да, приходилось. Один раз я сделал неверный арифметический расчет поля боя гуннов с китайцами. Ошибся на ноль. Я плохо считаю. Был такой случай. Затем у меня произошла одна полуошибка, когда я не учел двух караванных переходов из Китая в Персию. Ориентировался на один, а мог быть и второй, но я о нем не сказал. Да, еще одну ошибку я допустил, на которую указал академик Рыбаков. Я однажды неточно написал дату, когда была сожжена Настасья – жена Ярослава»[404]. Однако эти ошибки не затрагивают его теорию непосредственно, саму теорию он не считал сколько-нибудь неточной.

М. А. Гурковский отметил, что за учеными, которые создают обобщающие работы, следуют «мелочеведы», которые исправляют частные ошибки, неизбежно возникающие, так как нельзя написать большую работу, вникнув во все мелочи[405]. Именно к таким обобщающим ученым можно отнести и Льва Гумилева. За ним

---

[402] Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 203.

[403] Там же.

[404] В. Огрызко вел беседу с Л. Н. Гумилевым // Советская литература. 1990. № 1. С. 76.

[405] Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 206.

исправляли ошибки и уточняли детали, его работа с источниками вызывала недопонимание, а критики обвиняли в необоснованности суждений и внутренней противоречивости концепции. Сторонники же, наоборот, говорили о его большом вкладе в науку. Пожалуй, единственное, в чем были солидарны и противники и сторонники Гумилева – это признание великолепного стиля и языка, которым пишет Лев Николаевич, его литературного таланта. Его подчас приписывали, скорее, к прозаикам и историческим романистам, нежели к ученым. Так, например, востоковед Ю. А. Заднепровский, который также участвовал в дискуссии вокруг «Хунну», охарактеризовал книгу Л. Н. Гумилева как «историческую повесть, имеющую не исследовательский, а беллетристический характер»[406], а М. П. Петров интересно характеризует описанное Л. Н. Гумилевым уничтожение хуннского этноса: «эта коллизия столь красочно описана <…>, что со страниц его книги словно текут потоки крови»[407].

Л. С. Васильев отмечает, что работы Л. Н. Гумилева интересны – «это, пожалуй, первое и важнейшее, что необходимо о них сказать и что по достоинству оценил читатель»[408]. Л. Н. Гумилев писал так осознанно, с конкретной целью: «Я не случайно стремлюсь писать свои книги таким же языком, которым мои студенты разговаривают на улице. Кстати, только благодаря этому я достигаю внимания слушателей и на своих лекциях. Я вполне могу говорить академическим жаргоном. Люди поспят, поспят да и уйдут. Я могу говорить классическим языком. Я достаточно образован. Но, простите, студентам будет очень скучно. Они не захотят слушать»[409]. А. Савченко называет Гумилева замечательным русским ученым и яркой человеческой индивидуальностью[410]. «Он жил в эпохах всем своим существом, был непосредственным участником всех давно прошедших событий и к каждой исторической персоне относился, как к своему современнику. Но не только история была его коньком. Во многих

[406]Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 209.

[407] Петров М. П. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения географа // Природа. 1976. № 4. С. 153.

[408] Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. № 4. С. 154.

[409] В. Огрызко вел беседу с Л. Н. Гумилевым // Советская литература. 1990. № 1. С. 74.

[410] Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 240.

других гуманитарных науках он тоже обладал фундаментальными познаниями. <…> Он был также поэтом, и очень сильным поэтом»[411].

Конечно, книги, статьи, лекции человека с таким литературным талантом привлекали еще больший интерес. Стоит признать невероятный вклад Л. Н. Гумилева в то, что научные исторические работы стали с интересом читаться и далекими от исторической науки людьми. Однако даже это литературное достоинство рассматривалось как нечто неуместное для научной работы[412]. Его язык не вписывался в «общепринятый» стиль научных исторических трудов. Один из объективных признаков научности – выраженность особым языком. Как пишет М. А. Бойцов, этот стиль начинает напоминать голоса дикторов советского радио, сложилось неверное убеждение, что «серьезное» историческое произведение обязательно должно быть скучным, а нескучное произведение – не может быть серьезным[413]. Но согласиться с этим утверждением нельзя.

Многие авторы считали, что на некоторые идеи Л. Н. Гумилева повлияли его антисемитские взгляды. Волну критики вызвали его работы по истории Хазарии, в которых он, в частности, утверждает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги, исповедовавшим иудейскую веру[414]. Тем не менее, он также пишет: «неверно думать, что хазары были обращены в иудейскую веру. В средние века это было невозможно, ибо иудаизм культ генотеистический, а не прозелитический и редкие новообращенные считались «проказой Израиля»»[415]. Он называет союз хазар и евреев симбиозом, при котором сын еврейки и хазарина сохранял права хазарского рода и мог также вступить в общину. Они и создали хазарскую иудейскую общину[416]. В целом, оценочных заявлений в работах Л. Н. Гумилева мало, тем не менее, в статье «Зигзаг истории» автор пишет, цитируя Н. В. Пигулевскую: «Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь,

---

[411] Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 242.

[412] Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 210.

[413] Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 37–38.

[414] Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Открытие Хазарии. М., 2001. С. 221–241.

[415] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 100.

[416] Там же.

персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их»[417]

В. А. Кореняко также считает, что иудаизация Хазарии не подтверждена: «Археологические памятники, которые можно связать с евреями и иудаизмом, обнаружены лишь на западной окраине каганата – в Крыму и на Таманском полуострове. На основной территории Хазарии их нет. Данное противоречие заставляет усомниться в том, что евреи или иные иудаисты играли в Хазарии ту видную и роковую роль, которую им отводит Л. Н. Гумилев»[418].

В личных взаимоотношениях Лев Николаевич, несмотря на репутацию антисемита, тем не менее, этого не проявлял. У него было много знакомых-евреев. Дольше и ближе всех Льва Николаевича знала литературовед Э. Г. Герштейн. Характер их отношений вполне откровенно обрисован в ее мемуарах «Лишняя любовь». И, по мнению В. А. Кореняко, лишь одно из высказываний Гумилева, приведенных Герштейн, можно определить как антисемитское, да и то весьма условно[419]. В. А. Шнирельман объясняет появление таких взглядов у Л. Н. Гумилева в том числе тем, что в ГУЛАГе, где тот провел молодые годы, антисемитские настроения не были редкостью[420].

Некоторые выводы Л. Н. Гумилева основываются на его симпатиях, более того, на чувстве идейного родства к евразийству – историко-культурной и социально-философской концепции, датой появления которой считают 1920 год, когда Н. С. Трубецкой написал книгу «Европа и человечество», где заявил, что европеизация является злом для не европейских народов[421]. А в 1921 году вышел сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Создателями евразийства считают филолога Н. С. Трубецкого (1890–1938), географа П. Н. Савицкого (1895–1968), историка Г. В. Вернадского (1877–1973)[422].

---

[417] Гумилев Л. Н. Зигзаг истории // Открытие Хазарии. М., 2001. С. 270.

[418] Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 23–24.

[419] Там же. С. 24.

[420] Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М., 2011. Т. I. С. 281.

[421] Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М., 2015. С. 113.

[422] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 7.

Эту связь отмечает В. А. Шнирельман, когда говорит, что понимание Л. Н. Гумилевым этноса как живого организма восходит не только к классикам евразийства, с их преклонением перед органической теорией, но и их германских предшественников, основывавших на ней свои исторические и социологические представления[423]. Хотя Л. Н. Гумилев, как утверждает В. А. Шнирельман, отрицал связь своих взглядов с органической теорией и настаивал на отличии этноса как от популяции, так и от расы, но фактически этнос он часто уподоблял популяциям. Из евразийства были заимствованы также идеи об этническом стереотипе поведения и концепция месторазвития П. Н. Савицкого.

Вопрос о том, насколько Л. Н. Гумилев относится к евразийцам ставился неоднократно: М. Ларюэль[424], Н. В. Трубникова[425], М. А. Киркин[426], А. Янов[427]. Ответить на этот вопрос пытался даже ученик Льва Николаевича В. Ю. Ермолаев. Он пишет, что, несмотря на симпатии идеям евразийства и даже личную переписку Л. Н. Гумилева с П. Н. Савицким (с 1956 года) и Г. В. Вернадским, все-таки он использовал другой подход и практически не обращался к их понятийному аппарату[428]. Но в своих интервью Гумилев ясно называл себя «последним евразийцем» и прямо заимствовал концепцию апологии монголов и интерпретации российской истории из творчества Савицкого.

По целому ряду оснований, из которых вновь очевидной становиться субъективная природа научной конвенции, Л. Н. Гумилева относят к евразийцам. Он похожим образом видел судьбу России, выступал против европоцентристской традиции рассмотрения татаро-монгольского ига, против идеи о вражде с кочевниками. Но, как пишет С. Б. Лавров: ««выход» на кочевниковедение, на

---

[423] Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8.

[424] Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого // Вестник Евразии. 2001. №. 4. С. 5–19.

[425] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. 134 с.

[426] Киркин М. А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2011. 191 с.

[427] Янов А. Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.

[428] Ермолаев В. Ю. Был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого? (по материалам писем Л. Н. Гумилева 1956–1961 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 205.

монгольскую тематику евразийцев и Л. Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо друг от друга: евразийцы не могли до 1950-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей»[429]. В конце жизни он «был полон желания нарисовать широкую панораму событий евразийской истории в одном очерке, основываясь при этом на созданной им теории этногенеза»[430]. Роднит их идеи также пристальное внимание к географической среде и ее влиянию на человеческое общество[431].

Сам Лев Николаевич в интервью говорит: «Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь. <…> Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен»[432].

На примере всего изложенного в данной главе мы приходим к выводам о том, что научность пассионарной теории этногенеза можно признать, но с оговорками. Фактам соответствуют наиболее общие тезисы, тогда как конкретные события ставятся под сомнение критиками Л. Н. Гумилева чаще. Звучали замечания в адрес недостоверности исторических данных. Недоказанной считается его теория пассионарности, которую даже сам Л. Н. Гумилев называл только гипотезой. В основном ее поддерживают только последователи автора, но многие другие ученые не считают научной концепцией. Сам Лев Николаевич отмечал: «не найдена мера, которой можно было бы мерить пассионарность»[433]. Следовательно, измерить пассионарность пока нельзя. Но сам он не считает это недостатком концепции, а ее особенностью, ведь отношение «больше» – «меньше» уже конструктивно и плодотворно. Если считать пассионарность удобной к применению гипотезой, то Л. Н. Гумилев не воспринимается столь

---

[429] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 12.

[430] Там же. С. 188.

[431] Дворниченко А. Ю. Евразийцы, Л. Н. Гумилев и проблема древнерусского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Спец. выпуск к 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. С. 108.

[432] Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 26.

[433] Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003. С. 15.

однозначно как «лжеученый». Н. В. Трубникова тоже отмечает: «гипотеза о внеземном происхождении пассионарности без участия биофизиков еще долго будет оставаться недоказуемым предположением, экстраполирующим открытия великого натуралиста о живом веществе биосферы на материал истории»[434].

Пассионарная теория этногенеза в эвристична только с позиций Л. Н. Гумилева и его последователей, так как она дает возможность применить ее к другому материалу, возможность предсказать дальнейшее развитие этносов. Однако с точки зрения многих критиков, как эвристичная теория она рассматриваться не может. Возможность фальсификации гипотезы автор не прописал. Но однозначно обвинить его в отсутствии поиска противоречий нельзя, он пытался встроить их в свою теорию. В итоге, вновь обозначается проблема: для одних теория эвристична, для других – нет. Нет общепринятого конвенционального решения. Эта концепция по формальным признакам неэвристична. Эвристичность в качестве определяющего критерия научности исторических исследований не может применяться к историческим теориям.

Концепция Л. Н. Гумилева иногда противоречит устоявшимся теориям. Идея межэтнических контактов, предусматривающая негативные формы взаимодействия этносов, расходится с уже сложившимся представлением в науке. Теория «химер» вызвала много гневных отзывов, иногда даже сравнений с расизмом. Определение этноса также расходится с некоторыми принятыми в науке, но единства в этом вопросе в научном сообществе нет.

Теория Л. Н. Гумилева соответствует критерию непротиворечивости устоявшимся методам частично. Использовались различные методы, в том числе биографический, высоко оценивалось влияние отдельной личности на исторический процесс. Но применялись не только исторические методы: Л. Н. Гумилева часто критиковали за вольное обращение с естественнонаучными терминами, за неправильное построение математических схем и графиков, объявление доказанным фактом недоказанных суждений.

---

[434] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. С. 127.

Но у Льва Николаевича имеется работа соответствующая стандартам социоестественного исследования – изучение усыхания/увлажнения степной зоны. Его идеи легли в основу современных исследований: о влиянии аридизации пишут В. А. Демкин, Т. С. Демкина[435], работы по истории хунну, древних тюрков используются Н. Н. Крадиным[436], С. А. Васютиным и П. К. Дашковским[437], У. Э. Эрдниевым[438].

Проверив системность в теории Л. Н. Гумилева, можно сделать вывод, что она конечно системна. Система доказательств строится на взаимосвязях, в том числе между человеком и природой. Этнос рассматривается как системообразующая и системная единица. Л. Н. Гумилев стремился сделать свою теорию более естественнонаучной и, следовательно, он четко ее систематизировал.

Многие ученые находят в пассионарной теории этногенеза логические противоречия и замкнутые круги. Например, пассионарность выступает в роли всеобъясняющего и незаменимого фактора, в итоге вместо поиска конкретных и зачатую уникальных причин происходящего, он вводит этот термин, который решает все проблемы.

Критерий логичности и системности недостаточный признак, поскольку теория может соответствовать ему, но при этом быть ненаучной. Примером системной и логичной, но ненаучной концепции можно считать астрологию. Если рассматривать ее внутри самой себя, то она вполне системна. Но если ученый исходит изначально из других предпосылок и мнений, то системность теории оказывается не столь важна.

Помимо формальных критериев научности теории играют важную роль и субъективные причины: в какое время жил и работал автор. Книги Л. Н. Гумилева не в пример скучным, идейно выдержанным трудам большинства официальных историков, ощущались глотком свежего воздуха. Они показывали непривычный

---

[435] Демкин В. А., Демкина Т. С. Степные курганы: уникальный историко-природный архив // Российская наука: грани творчества на грани веков. М., 2000. С. 419–427.

[436] Крадин Н. Н. Империя Хунну. М. : Логос, 2001. 312 с.

[437] Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. 400 с.

[438] Эрдниев У. Э., Максимов К. Н. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 2007. 428 с.

взгляд на историю, хотя и не считались научными с точки зрения господствующей идеологии. Но в период «перестройки» издается его основополагающий труд «Этногенез и биосфера Земли», что означало изменение понимания научности, а это, в свою очередь, подтверждает то, что научные критерии являются конвенциональными.

У Льва Николаевича и сейчас много последователей, хотя он не создал научной школы. Обращение ученых из разных научных дисциплин к категориям и понятиям Л. Н. Гумилева является важным результатом его работы[439]. Какие-то положения теории нуждаются в изменении, но это не означает необходимости полного отказа от нее. Например, Н. В. Трубникова указывает, что из-за непрерывного увеличения продолжительности жизни людей «сроки ныне идущих этногенезов и разделение их на фазы явно нуждаются в корректировке»[440]. Например, методы естествознания не всегда идеально ложатся на историческую почву. Они могут быть продуктивны, но не там, где «размышления автора соприкасаются с деликатными нюансами психологического и общественного сознания»[441]. Весьма удачно Н. В. Трубникова сравнивает теорию Л. Н. Гумилева с географической картой: обе требуют больших упрощений: «любая карта рано или поздно перестает соответствовать изменившемуся рельефу»[442], так и гипотеза требует корректировки, но это не означает полного отказа от нее.

Из субъективных причин, по которым Гумилева относили к лжеученым, можно отметить, что он грубо реагировал на критику, считал свою теорию непогрешимой, нарушал общепринятые каноны научной коммуникации.

---

[439] Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1998. С. 124.

[440] Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 1998. С. 126–127.

[441] Там же. С. 24.

[442] Там же. С. 31.

3 Социоестественная история в сравнении с пассионарной теорией этногенеза

СЕИ – научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук. Она вобрала в себя идеи многих научных направлений: социальной экологии, антропологии, социобиологии, синергетики, археологии, теории геодетерминированности исторических процессов и т.д. СЕИ исходит во многом из предпосылок, схожих с теорией Льва Гумилева, но не вызывает такого явного отторжения в среде научного сообщества. Тем самым, она подтверждает свое соответствие критериям научности. Данная глава посвящена объяснению того, в чем заключается принципиальное отличие СЕИ от построений Л. Н. Гумилева, и как на ее примере можно увидеть работу критериев научности.

3.1 Особенности методологии социоестественной истории

Социоестественная история (СЕИ) опирается на традиционную историю, она и есть, прежде всего, история, предмет, назначение которой – изучение взаимосвязей и взаимозависимости явлений, процессов и событий в жизни людей и в жизни природы, как в настоящем, так и в прошлом[443]. Наиболее известным представителем российской социоестественной истории является Эдуард Сальманович Кульпин (1939-2015) – кандидат экономических наук, доктор философских наук, профессор, занимавший в течение длительного времени должности главного научного сотрудника Института социологии и Института востоковедения РАН и заведующего кафедрой истории Московского физико-технического института.

СЕИ сформировалась в 1990-х годах. Связи между обществом и природой называются социоестественными, так как в этом названии отражена взаимозависимость человека и природы, а также подчеркивается междисциплинарность как основное условие изучения. По заявлению авторов СЕИ возникла вследствие необходимости разрешить те вопросы, на которые не

[443] Прусаков Д. Б. Природа и человек в Древнем Египте. М., 1999. С. 17.

удалось найти ответ в рамках традиционных научных дисциплин, не отказываясь от прежнего знания, а только добавив новое.

Для иностранных публикаций Эдуард Сальманович и его последователи используют термин «Social-Nature History». Хотя в западной историографии этот термин не является общепринятым, существуют работы по Nature and Technology in History, а также с 1970-х публиковался «Журнал междисциплинарной истории»[444], в котором затрагиваются темы по Nature and Technology in History. В этом журнале опубликовали обзор на уже упомянутую работу Дж. Даймонда, а именно главу «Естественные эксперименты в истории», в которой он изучает влияние бывшей работорговли на современную Африку, влияние британской колониальной политики землепользования на современную Индию, ход народонаселения и экономический рост в зарубежных европейских колониальных пограничных обществах и причины разной степени обезлесения на тихоокеанских островах, рассматриваются различные способы «проведения» естественных экспериментов в истории, а также подводные камни и практические проблемы, которые они представляют[445]. Подобные проблемы исследуются в СЕИ.

В западной науке Nature and Technology in History – уже сложившаяся отрасль, в рамках этого направления пишет работы также Теодор Шацки – профессор факультета философии Университета Кентукки (University of Kentucky). Он описывает роль природы и техники в истории, основываясь на положении о неразрывности природы и общества, и говорит о том, что человек влияет на природу посредством технологий: «До недавнего времени большинство сообщений об отношениях между обществом/историей и природой предполагали, что общество и история отделены от природы. На мой взгляд, природа является частью общества»[446]. Таким образом, нельзя сказать, что для западной науки подобные исследования являются новыми, они уже не набирают популярность, а давно и успешно утвердились.

---

[444] The Journal of Interdisciplinary History [Electronic resource] // Journals, primary sources, and books. Electron. data. 2000–2018. URL: http://www.jstor.org/journal/jintehist (access date: 17.04.2018).

[445] Tignor R. L. Review: Natural Experiments of History / by J. Diamond, J. A. Robinson // The Journal of Interdisciplinary History. 2011. Vol. 41, № 3. P. 436–438.

[446] Schatzki T. R. Nature and Technology in History // History and Theory. 2003. Them. is. 42. P. 82–93.

В основании СЕИ как нового научного направления были положены три подхода. Первым источником стала совокупность теорий эволюции биосферы, сформированных в естественных науках, а составной частью – модернизированная концепция Н. Н. Моисеева: «Приложение концепции Моисеева к конкретному историческому процессу показало, что с одной стороны, не все положения концепции оказались «работающими» в полной мере, с другой – для объяснения ряда фактов понадобилось дополнение концепции»[447]. Вторым источником явились методы исследования социологической школы Макса Вебера, третьим – школа «Анналов»[448].

Макс Вебер прямо выступал против установления жестких границ между социальными и естественными науками на том основании, что в задачу истории входит не только лишь описание событий, теоретическое знание в исторической науке является необходимой предпосылкой эмпирического исследования. Помимо этого он выявлял связи между идеологией и хозяйствованием[449]. А основанная в XX веке французская школа «Анналов» обосновывала междисциплинарный подход как важный принцип изучения исторической действительности, позволяющий синтезировать возможности разных дисциплин. Например, Ф. Бродель, как уже говорилось, обращал большое внимание на географические аспекты исторических процессов[450].

В понимании основоположников «Анналов» междисциплинарный подход отнюдь не означал механического сцепления в одном исследовании данных различных наук. Нужно было найти общее поле научной деятельности, на котором перерабатываются данные различных наук. И таким полем междисциплинарного синтеза явилась история, обеспечивающая научную плодотворность данного подхода. Однако в ходе своего расширительного движения последователи основоположников школы «Анналов» разделились по

---

[447] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 45.

[448] Там же.

[449] Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск, 2001. Вып. I : Кризис историзма. С. 66–71.

[450] Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002. Ч. I : Роль среды. 496 с.

новым отдельным дисциплинам. Комплексные исследования в целом были редкими. Историки не смогли стать не только естественниками, но во многих случаях – социологами, экономистами. Нужно было решить проблему междисциплинарных связей в рамках тесного взаимодействия с другими науками[451].

По всей видимости, эту проблему пытается решить СЕИ, организовывая коллективное творчество ученых из различных областей науки: проводятся конференции, чтобы представить и обсудить достигнутые результаты, а также помочь объединить ученых территориально далеких друг от друга. Эдуард Сальманович амбициозно заявлял, что когда наступил кризис журнала «Анналы: история, социальные науки», то ученые разошлись по разным научным дисциплинам и комплексные исследования прекратились, теперь им на смену пришел журнал «История и современность»[452].

СЕИ опирается на три основания: природу, технологии, общество (его ментальность, как движущую силу). Они, соответственно, являются объектами изучения СЕИ. Причем общество и природа являются самостоятельными элементами, а технология – тем звеном, которое их связывает, своеобразным правилом игры между ними.

Понятие ментальность в работах Э. С. Кульпина встречается часто, обозначая фундаментальные основы представлений людей о себе и о мире, целостную систему основных ценностей: «В европейской цивилизации существуют ценности 1-го порядка – личность и развитие, 2-го – свобода, равенство, солидарность, 3-го – труд, эквивалент (эквивалентный обмен), частная собственность, закон (право). В китайской ценности 1-го порядка – государство и стабильность, 2-го – мир, порядок, традиции, 3-го – иерархия, ритуал, прошлое конфуцианское знание»[453].

Ментальность связана, с точки зрения СЕИ, с природой и технологиями, технология показывает качественные изменения и особенности хозяйствования

---

[451] Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Томск, 2003. Вып. II : Становление «новой исторической науки». С. 28–34.

[452] Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций : курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум : открытая система электронного образования. Электрон. дан. [Б. м.], 2013–2017. URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

[453] Кульпин Э. С. Конфликт ментальностей в реформах России XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 133.

человека, она связана с природой, поскольку человек взаимодействует с ней посредством хозяйствования. Она также связана с системой основных ценностей и зависит от нее. Данная система прослеживается при изучении истории Китая, Египта, России.

Противопоставляя себя традиционной истории (истории людей), для которой природа – это географический фактор, влияющий на жизнь общества, но незначительно, ученые-социоестественники и в частности Э. С. Кульпин, считают, что для их истории «главное – не люди и не природа отдельно взятые, а природа и общество как единое целое»[454]. Центральной темой СЕИ является исследование неразрывной связи истории и пространства, их взаимовлияния. Окружающая среда сама выступает активным деятелем истории. Биосфера Земли – живой организм, где каждый элемент занимает определенное место. Задачей СЕИ является в соответствии с принципами естественных наук обратить внимание не на все факты в истории, а только на те, которые знаменуют собой поиск нового характера взаимодействия природы и общества.

Поскольку социоестественная история – это история взаимодействия человека и природы, конкретное рассмотрение должно отличаться от традиционного исторического. Э. С. Кульпин выделяет главных «действующих лиц» – представителей обеих сторон – человек хозяйствующий и вмещающий ландшафт[455], последнее понятие есть и у Л. Н. Гумилева. Взаимодействие осуществляется, главным образом, в хозяйственной деятельности. Именно в ней проявляются прямая и обратная связи – самое необходимое условие взаимодействия. Вмещающий ландшафт – часть природы, подвергнутая воздействию человека, т.е. уже не естественная, но антропогенизированная. Эта часть природы является, с одной стороны, сферой деятельности – жизненным пространством человека хозяйствующего, с другой – живым биологическим организмом.

---

[454] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 6.

[455] Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. Электрон. дан. [Б. м.], [Б. г.]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 21.11.2017).

В концепции СЕИ, как и в теории Л. Н. Гумилева, есть понятия «этнос» и «суперэтнос». Э. С. Кульпин выявляет «размеры» обоих действующих лиц путем сопоставления скорости процессов, идущих в «организме» общества и «организме» природы[456]. Со стороны общества это, прежде всего, суперэтнос. Общая судьба этносов определяется общими представлениями о мире и о себе. Иными словами, Человек хозяйствующий представлен в СЕИ на уровне суперэтноса и этноса. Суперэтнос с точки зрения Э. С. Кульпина – это «группа этносов, объединенных не только общей территорией (вмещающим ландшафтом), но и общей исторической судьбой»[457], что также вновь отсылает нас к работам Л. Н. Гумилева, который определял важность общности исторической судьбы. А процесс развития суперэтноса – это цивилизация. Цивилизация в СЕИ понимается как «процесс развития (жизненный путь) суперэтноса, протекающий в одном и том же канале эволюции»[458].

По замечанию Э. С. Кульпина, среди ученых нет твердой договоренности относительно понятия этноса: «отечественные ученые хорошо знают, прежде всего, два довольно разных определения этноса у Юлиана Бромлея и Льва Гумилева»[459]. В первом определении не выделяется какого-либо одного основного этнообразующего фактора, во втором – этим фактором выступает появление нового стереотипа поведения. «Как правило, при формулировании этнических характеристик берутся во внимание различия в религии, языке, государственном, национальном происхождении, наличие общих ценностей, особенности стиля жизни»[460]. Так определял этнос оказавший влияние на более поздние исследования этнограф начала XX века С. М. Широкогоров[461]. При этом разные исследователи делают упор на разные этнообразующие черты, например,

---

[456] Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. Электрон. дан. [Б. м.], [Б. г.]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 21.11.2017).

[457] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 87.

[458] Там же. С. 93.

[459] Там же. С. 88.

[460] Там же. С. 88.

[461] Филиппов В. Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 87.

на особенности психического склада (общие черты психики) (В. Н. Козлов[462]). В большинстве своем этнографы говорят о наличии самосознания и самоназвания (А. К. Агаев, С. Т. Калтахчян, П. М. Рогачев, М. А. Свердлин и др.[463]), или указывают на важное значение единства территории расселения этноса (В. Н. Козлов, П. И. Кушнер)[464].

СЕИ пытается дать свое определение этноса, которое, однако, не является устоявшимся: «этнос – это устойчивая во времени человеческая общность, возникшая в определенном вмещающем ландшафте и развивающаяся в определенном канале эволюции, состоящая из индивидов, имеющих ряд идентичных представлений о мире и о себе, сформированных в ходе совместной жизни многих поколений предков и позволяющих наиболее оптимально приближаться к конечной цели всех душевных стремлений – уравновешенности, безопасности, приспособлению, целостности, осуществлять самореализацию значимости личности в этнической системе ценностей»[465]. Это определение выглядит не менее сложным, чем определение этноса, данное Л. Н. Гумилевым. Важным в определении понятия «этнос» в том числе является стремление к душевной уравновешенности. Если же соотнести это с состоянием этноса на различных этапах процесса этногенеза, с точки зрения теории Гумилева, то едва ли для первых фаз этногенеза, например, «акматической фазы» будет характерно стремление к «душевной уравновешенности». Тогда как в инерционной фазе «после пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя»[466].

Обращаясь к определению понятия «этнос», Э. С. Кульпин отмечает, что оно должно быть согласовано с определениями предшественников, а также «возможны уточнения и некоторые изменения в значимости тех или иных

---

[462] Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 111.

[463] Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 105.

[464] Бромлей Ю. В. Теория этноса [Электронный ресурс] // Сибирское отделение Российской академии наук / Институт археологии и этнографии СО РАН / Сектор археологической теории и информатики. Электрон. дан. Новосибирск, 2006–2007. URL: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=show_text&lo=59&term=4 (дата обращения: 16.04.2015).

[465] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 94.

[466] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 214.

характеристик»[467]. Все определения этноса не были случайными, а поэтому каждое из них фиксировало важные черты, следовательно, по мнению Э. С. Кульпина, ни одно определение не должно быть отброшено. Но в СЕИ не заявлено «биологизаторских» черт этноса как популяции. Этнос как система связывается, с понятием цивилизации, но не уподобляется ей. Однако в «Истории и современность» в 2011 году А. С. Акопян пишет о человеке как о популяции, так же, как и Л. Н. Гумилев: «Плодовитость популяции зависит от доступности ресурсов и «плотности» социальной среды для каждого индивида в отдельности, реализуется через индивидуальные репродуктивные стратегии, опосредуемые сексуальным влечением и носящие универсальный характер. <…> Популяционный уровень итоговой рождаемости у человека не опускается ниже 0,7–0,8 детей на женщину, независимо от места и времени проживания, уровня обеспеченности, образованности, семейного положения, наличия достаточного числа мужчин брачного статуса и возможности формирования стабильной пары».[468]

Противоречащая общепринятым положениям теория межэтнических контактов Л. Н Гумилева наделала немало шума в научном сообществе. Ее сравнивали с расизмом. Э. С. Кульпин и другие представители школы СЕИ используют термин «межэтнические контакты», более того, отводят таким контактам большую роль в формировании новых этносов, но здесь они не используют оценочных суждений и не утверждают, что контакты между какими-то этносами могут быть губительными. Также критерием этноса Э. С. Кульпин называет то, что этнос – закрытая система (мы – не они, свой язык). Если выразить данное положение терминологией Л. Н. Гумилева, то оно отошлет нас снова к понятию комплиментарности. Однако нужно заметить, что Э. С. Кульпин не разделяет ее на положительную и отрицательную, не пишет о совместимых и несовместимых этносах.

Особый взгляд на формирование именно русского этноса тоже сближает обе концепции: «История России – это история не русского этноса, но в основе своей

---

[467] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 93.

[468] Акопян А. С. Человеческий капитал и биосоциальные детерминанты демографического роста // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 77.

славяно-тюркского суперэтноса, ответ нужно было искать не в истории татар, **как части**, но в истории России, **как целого**. Одновременно это было новой дополнительной проверкой гипотезы славяно-тюркского генезиса нашего отечества»[469]. Субэтносами России он называет: дворянско-городской и крестьянский: «Город жил по законам, деревня – по традициям (обычаям)»[470].

Процессом жизни суперэтноса является цивилизация. Кризис цивилизации (т.е. когда затрагиваются суперэтносы) – это совокупность хозяйственного, политического, культурно-идеологического кризисов. И такой кризис является бифуркацией – моментом выбора нового канала эволюции, то есть обществу необходимо изменить основные представления, создать новую систему ценностей. Происходит поиск новой системы хозяйствования, новых технологий.

Термин «бифуркация», как поясняет Э. С. Кульпин, был заимствован из концепции эволюции биосферы Н. Н. Моисеева, доктора физико-математических наук, и в математике означает раздвоение, но используют его в качестве понятия катастрофы. Прямая непрерывная линия меняет направление, прерывается в проекции, но на плоскости она остается непрерывной. Резкие повороты в проекции и назвали бифуркациями, катастрофами. Этот термин Эдуард Сальманович использует согласно концепции Н. Н. Моисеева и связывает его с изменениями биосферы: «движение идет по четко очерченным каналам и доходит до некоей точки, когда появляется ситуация выбора дальнейшего пути. Здесь происходит слом берегов этих каналов эволюции, и перед системой появляется возможность двигаться в разных направлениях»[471].

Но подобные кризисы, изменения в жизни этноса, происходят совсем по другим причинам, нежели это происходит у Л. Н. Гумилева. В СЕИ нет понятия пассионарности, а, следовательно, жизнь этноса не разделяется на этапы, зависящие от количества биогеохимической энергии. Кризисы в СЕИ возникают по определенной схеме: «Экспансия этносов, а также суперэтносов, протекающая вначале без изнурения вмещающих ландшафтов, при расширении ареалов

---

[469] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 331.

[470] Там же. С. 318.

[471] Там же. С. 44.

хозяйственной деятельности после исчерпания рекреационных потенций природных комплексов осуществляется за счет изнурения и деградации природных ландшафтов, что вызывает ряд явлений, связанных между собой <…> Сначала возникает хозяйственный, экономический кризис, провоцирующий политический. За ними следуют культурный и идеологический. Однако очередность кризисов довольно условна: элементы могут появляться почти одновременно, или порядок их может быть несколько иным»[472].

В качестве примера можно привести историю древнего Китая, которую подробно изучает Э. С. Кульпин в своих работах. Он пишет, что из-за похолодания и аридизации частично во II тыс. до н.э., но больше в Железном веке, возникла видовая бедность деревьев в Китае. До этого периода времени «Китай получал значительную часть видового богатства Юго-Восточной Азии, где аккумулируется треть мировых видов растений и животных. Видовая бедность вызвала в Древнем Китае упор на земледелие[473] – на выращивание зерна как основного источника пищи, а иногда даже единственного, если не брать во внимание овощи. Леса под пашню были вырублены почти полностью. «Во многих местах пашня не могла преобразоваться естественным путем в леса или пастбища. Возникла угроза превращения бывших лесов в практически бесплодные степи с растрескавшейся от летнего зноя и зимней стужи землей»[474].

Выходом из социально-экологического кризиса Китая стал упор на выращивание зерна, так как рельеф это позволял, был пригодный к распашке больших площадей. Было полностью распахано Лессовое плато. Это стимулировалось ростом населения и, в свою очередь, распашка плато стимулировала этот рост. В конечном итоге все это привело к тому, что ответственность за сохранение экологического равновесия была переложена на общество[475].

---

[472] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 95–96.

[473] Там же. С. 157.

[474] Там же. С. 157.

[475] Там же.

Э. С. Кульпин пишет о том, что освоение Лессового плато было спровоцировано мнимостью больших размеров природных ресурсов. «Уничтожение лесов и болот – естественных и единственных резервуаров влаги на ровном плато – привело к утрате значительной части освоенных земель из-за недостатка влаги»[476]. Колонизация осуществлялась силами народа и его социально-политических институтов, и закончилась кризисом. Рост населения и появление городов на новых землях, быстро потерявших способность кормить население, обусловил обнищание населения, обратную волну миграции, возрастание аграрной перенаселенности и, возможно, главное – утрату уверенности в том, что общество само может решить проблемы. «А если общество не может само решить проблемы, то оно делегирует право решения наверх – государству»[477].

Описанная кризисная ситуация привела к возрастанию роли государства и в организации земледелия. Э. С. Кульпин делает вывод о том, что объединение Древнекитайских царств в III в. до н.э. стало важным рубежом в истории, так как «в тех условиях гарантировать охрану и непрерывность процесса сельскохозяйственного производства, а, следовательно, нормальное существование общества могло только единое государство»[478]. «Единое государство в Китае стало необходимостью, наименьшим злом из возможных вариантов»[479].

Как видим на примере китайской истории, кризисные изменения в существовании этноса в СЕИ иные и им уделяется большее внимание, чем в работах Л. Н. Гумилева. Каждый кризис порождает определенный результат, сделанный этносом выбор, приводящий в дальнейшем к качественно новому уровню развития.

Методология СЕИ своеобразна, так как совмещает в себе работу различных научных дисциплин. В книге «Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю» Э. С. Кульпин пишет о том, что главный метод

---

[476] Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1998. С. 41.
[477] Там же.
[478] Там же. С. 52.
[479] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 159.

естественников – опыт, и «СЕИ раскрывает или открывает понятие решающего опыта, не используемого гуманитариями»[480], т.е. их методология приравнивается к методам естественных наук. Используя синтез знаний не только исторических, СЕИ вписывает историю людей в историю природы. Решающий опыт – самое главное обобщение, после него все остальные опыты окажутся ненужными. Постановка связей природа–технологии–ментальности в СЕИ и есть тот решающий опыт[481].

Э. С. Кульпин считает, что гуманитарные науки отстают от естественных с точки зрения методов анализа, поэтому первые смотрят на вторых сверху вниз. Только соединение их достижений будет способствовать решению проблем биосферы Земли. Для естественника важны только те факты, которые повторяются. В истории это может означать обобщение и построение вывода на основе повторяющихся фактов.

Однако встречается определенная проблема в том, что считать историческим фактом. Естественник называет фактом то, что можно увидеть и повторить, но историк воспринимает факт как событие прошлого, как следы, запечатленные в исторических источниках или даже как явления, существовавшие в прошлом. Одни и те же явления иногда воспринимаются и трактуются историками по-разному, и что для одного «факт», для другого таковым не является. Э. С. Кульпин также это отмечает: «Само понятие факта подразумевает его достоверность. Факт либо есть, либо его нет. Так бывает в жизни, но не в науке. В науке вообще и в истории, в частности, есть факты, которые нам неизвестны, сведения о процессах, явлениях и событиях, достоверность которых сомнительна»[482]. И когда имеется в виду интерпретация фактов, часто это не реальное прошлое, а его модель. Поэтому он избегал

---

[480] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 159. С. 28.

[481] Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций: курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум : открытая система электронного образования. Электрон. дан. [Б. м.], 2013–2017. URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

[482] Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. Электрон. дан. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 21.11.17).

нарративных источников именно из-за их субъективности, стараясь воспринимать факт как естественник, и подтверждая факты исторические сведениями из других областей.

Э. С. Кульпин признает тот факт, что из российских ученых обобщение использовал Л. Н. Гумилев, но не берет на себя решение вопроса о научности его концепции: «Я бы не хотел что-либо плохое говорить о Гумилеве, потому что это талантливый человек, он очень много сделал. И его «Этногенез и биосфера земли» <…> читалась всеми людьми и конспектировалась, потому что это было последнее слово науки, и не важно, какое это было слово: верное или неверное, оно было другим, как раз на базе научного обобщения»[483]. Как считает Э. С. Кульпин, в монографиях Л. Н. Гумилева, носящих энциклопедический характер, безусловно, рассматриваются не только проблемы этноса и государства, но и природная среда, однако, даже в этих работах природно-географические условия, хозяйственная жизнь даются скорее как фон общественной жизни[484]. СЕИ же ставит данные факторы в центр изучения. Также в списке использованной литературы значатся книги Л. Н. Гумилева: «Этногенез и биосфера земли», «Хунны в Китае», и статья «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии»[485], что в некотором роде показывает преемственность авторов.

Первое, что должен сделать ученый-социоестественник – определить границы своей компетентности, решить, относится ли предмет исследования к СЕИ, которая «выявляет взаимосвязи природы и общества не в частных, отдельных случаях, но по основным глобальным процессам, событиям и явлениям»[486]. Поступки отдельно взятого человека определяются его личными интересами, поэтому их оставляют на изучение традиционной истории. В теории Л. Н. Гумилева также есть глобальный процесс – этногенез, однако поступкам

---

[483] Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. Электрон. дан. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения: 21.11.17).

[484] Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 34.

[485] Там же. С. 226.

[486] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 106.

отдельно взятого человека уделяется большое внимание, автор подчеркивает роль отдельных личностей – пассионариев – которые своими действиями стимулируют процесс этногенеза. В связи с этим, СЕИ активно использует объективные, строгие данные естественнонаучных дисциплин, которые считает объективными и неизменными, вместо нарративных источников, которые считает субъективными.

После определения компетентности составляется синхронистическая таблица, в которой исследуемый отрезок времени должен быть рассмотрен как часть общей истории цивилизации. Л. Н. Гумилев также часто использовал такие таблицы. В них заносятся процессы трех сфер: в природе, в обществе и в сфере их взаимодействия. Процессы из первых двух сфер автономны и не являются предметом исследования СЕИ. Заполняя колонки процессов в обществе и природе, можно найти процессы, протекающие в едином времени. Э. С. Кульпин отмечает: «главные процессы природы и общества, как правило, оказываются взаимосвязанными»[487]. Взаимосвязанные процессы заносятся в отдельный столбец. Это дает возможность найти новые факты: «Когда мы стали делать синхронистические таблицы, многие вещи проявились сами собой естественно»[488].

Комплексность междисциплинарного изучения в СЕИ поддерживается командной работой людей из различных отраслей науки, изучающих разнообразные события из жизни общества и природы. Так, в научный совет по проблемам социоестественной истории в книге «Русь между Западом и Востоком» входили доктора исторических, философских, биологических, геолого-минералогических наук, кандидаты архитектуры, психологических, химических наук и т.д.[489] Некоторые совмещают в себе две области знаний, такие как Э. С. Кульпин и В. И. Пантин.

Считать ли ученых научного совета социоестественниками? На этот вопрос Э. С. Кульпин ответил в письме, что Социоестественник – это не что-то отличное от других направлений, так как предмет изучения один – общество, «но основные

---

[487] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 106.

[488] Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций : курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум: открытая система электронного образования. Электрон. дан. [Б. м.], 2013–2017. URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

[489] Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001. С. 214–215.

принципы (и они вовсе не противоречат традиционным гуманитарным) – это универсальные принципы естественных наук, **переосмысленные** (это слово очень важно) для гуманитарных» [490]. В СЕИ есть естественники, ставшие гуманитариями по интересам и знаниям и гуманитарии, ищущие новые методы исследования у естественников.

В сборниках «Социоестественная история» публикуются климатологи, культурологи, экологи, демографические исследователи, религиоведы, и, конечно же, историки, археологи и географы, а также, как это ни парадоксально, гендерные исследователи и историографы концепции роли личности. Последнее противоречит заявленному принципу оставлять поступки отдельных людей вне предмета изучения СЕИ, однако может означать лояльность и готовность принять знания, откуда бы они ни исходили, разумеется, в рамках научности.

Интересен тот факт, что концепцию Л. Н. Гумилева некоторые авторы считают «ответом» на «вызов» времени, применяя терминологию А. Тойнби. Об этом пишут А. Куркчи[491], С. Б. Лавров[492]. Э. С. Кульпин в своей книге «Бифуркация Запад-Восток» пишет о том, что СЕИ возникла как «ответ» на «вызов» времени: на необходимость решить проблемы, «которые не удалось и не удается разрешить в рамках традиционных научных дисциплин»[493]. В обоих случаях, и в СЕИ, и в работах про Л. Н. Гумилева, постулируется неслучайность появления их идей.

3.2 Социоестественная история с точки зрения критериев научности

Соответствие известным фактам

СЕИ явление молодое, поэтому обширной историографии не сформировалось. К тому же, возникает сложность в поиске подтверждения теории другими специалистами, поскольку социоестественные исследования проводятся

[490] Переписка с Э. С. Кульпиным, март 2014 // Материалы из личного архива автора.

[491] Куркчи А. Л. Н. Гумилев и его время [Электронный ресурс] // Gumilevica. Электрон. дан. СПб., 1998. URL: http://gumilevica.tripod.com/Matter/Article041.htm (дата обращения: 21.11.2017).

[492] Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. М. : Айрис-пресс, 2007. 608 с.

[493] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 6.

обширным кругом лиц. Э. С. Кульпин проводил ежегодную международную конференцию по проблемам СЕИ. В ней принимали участие его коллеги из Польши, Франции, Америки, Аргентины, а также из стран ближнего зарубежья. Их исследования в рамках СЕИ публиковались в сборниках статей к конференциям. Статьи самого Эдуарда Сальмановича публиковались в различных зарубежных изданиях на английском, итальянском, китайском языках. В журнале под редакцией Э. С. Кульпина «История и современность» публикуются специалисты различных областей науки из разных городов России и зарубежья, например, В. С. Голубев (Институт энергетической стратегии)[494], О. К. Шиманская (Нижегородский государственный лингвистический университет)[495], А. Р. Вяткин (Институт Востоковедения РАН)[496], И. Л. Измайлов (Институт истории АН РТ, Казань)[497], Б. М. Кондорский (НПФ «Синбас», Донецк)[498] и другие. Все эти авторы занимаются междисциплинарными исследованиями.

Однако, как пишет в своем письме Э. С. Кульпин, все развитие СЕИ, включая публикации сборников статей и монографий, проведение конференций осуществлялось не на государственные средства и не на гранты, и формализации СЕИ не происходит[499], она существует на базе Академии городской среды как общественная организация. Но, несмотря на это, как утверждает Эдуард Сальманович, изучение СЕИ как научного направления было включено в программы нескольких университетов (Высшая школа культурологии Московского государственного университета культуры и искусств (ВШК МГУКИ), Российский университет дружбы народов (РУДН), Московский физико-технический институт (МФТИ))[500].

Книги Э. С. Кульпина и сборники СЕИ, как и книги Л. Н. Гумилева, включены в предлагаемую студентам дополнительную литературу в некоторых вузах, в частности в Национальном исследовательском Томском государственном

---

[494] Человек и природа в пространстве и времени. М., 2012. Вып. XXXVI. С. 5–10.
[495] Там же. С. 10–15.
[496] Там же. С. 16–21.
[497] Там же. С. 26–46.
[498] Там же. С. 115–122.
[499] Переписка с Э. С. Кульпиным, март 2014 // Материалы из личного архива автора.
[500] Там же.

университете (программа курса «История стран Азии и Африки в средние века», методическое пособие по курсу «История Древнего Востока»). Монография «Человек и природа в Китае» получила первую премию на конкурсе работ ИВ РАН. В 1992 г. «право на жизнь» новой научной дисциплины было подтверждено Э. С. Кульпиным на защите диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук «Социоестественная история: понятие и проблемы» в Институте философии РАН. Подтверждением признания его теории является также тот факт, что сам Эдуард Сальманович заведовал кафедрой Московского физико-технического института и читал обязательный курс «Отечественная история» и спецкурс по выбору «Генетические коды цивилизаций». А читал он материал, написанный в русле школы социоестественной истории. Также он читал одноименный курс видеолекций, где подробно рассказывал о том, что такое СЕИ[501].

К своим предшественникам Э. С. Кульпин относится внимательно, упоминает их вклад в свою работу, подчеркивает влияние отдельных концепций на становление СЕИ, ссылается на различные книги и статьи. Изучая историю взаимоотношений человека и природы в Западной Европе, Э. С. Кульпин ссылается на Макса Вебера, используя его термин – «дух капитализма»; а воссоздавая картину жизни населения Руси XIV–XV веков, обращается к традиции школы «Анналов»[502]. В книге «Человек и природа в Китае» во введении прописывается историография с постраничными ссылками и методологией. Затем объясняется концепция, опять же, Макса Вебера, подход Е. Е. Яшнова, а также направление развития советского китаеведения на пути исследования социоестесственных процессов[503].

Говоря о своей идее семипоколенных циклов в жизни этноса, Э. С. Кульпин пишет: «Построена модель исторического процесса, не противоречащая (во всяком случае, на это надеется автор) всему известному ранее о предмете исследования»[504].

---

[501] Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций: курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум : открытая система электронного образования. Электрон. дан. [Б. м.], 2013–2017. URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

[502] Там же. С. 60, 82.

[503] Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 3–37.

[504] Кульпин-Губайдуллин Э. С. О временных единицах измерения жизни золотоордынского социума и проблеме универсальности семипоколенных циклов [Электронный ресурс] // Центр

Обращаясь к методологии исследования СЕИ, он также утверждает: «В конкретном анализе мы будем опираться на закономерности и свидетельства, с одной стороны, истории людей, с другой – природы, привлекая для этого *устоявшиеся* (курсив Э. С.) положения и обращаясь к наиболее авторитетным исследователям. Число таких исследователей должно быть минимальным. Лучше всего, как показал опыт, их должно быть не два (что соответствовало бы приведенному определению принципа дополнительности), а три»[505].

Концепция Л. Н. Гумилева, несмотря на ее неоднозначность, воспринимается толерантно, так же есть указание на преемственность. Это утверждает, например В. И. Пантин: «Разумеется, при создании социоестественной истории Эдуард Сальманович опирался на достижения и наработки предшественников – прежде всего французской исторической школы «Анналов», работы Л. Н. Гумилева, многих географов, специалистов по истории климата, биологов, почвоведов и др. В то же время он критически переосмысливал работы предшественников и многое видел по-новому»[506]. Сам Эдуард Сальманович участвовал во Вторых Гумилевских чтениях «Учение Л. Н. Гумилева: Опыт осмысления» (Москва, 02–04 июня 1998 г.), где упомянул влияние **гипотезы** (Э. С. называет ее именно так) этногенеза Гумилева на СЕИ, и это влияние хотя и «не столь явное, но чрезвычайно глубокое»[507].

О том, что прямые взаимосвязи культурных и природных феноменов не новая идея, что ряд этнологов, в том числе Л. Н. Гумилев изучали их, пишут и другие авторы, входящие в группу последователей СЕИ, и публикующиеся в журнале «История и современность»: Р. И. Якупов[508], А. В. Антипова и С. Костовска в статье приводит мнения о том, как рассматривался этнос разными

исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН. М., 2001–2009. Электрон дан. http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/2011-03-20-20-26-43.html (дата обращения: 21.12.2017).

[505] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 109.

[506] Пантин В. И. Роль личности в науке // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 201.

[507] Кульпин Э. С. Гипотеза этногенеза Гумилева и социоестественная история // Учение Л. Н. Гумилева: опыт осмысления : сборник статей. М., 1998. С. 17.

[508] Якупов Р. И. Социоестественная история: науковедческий анализ // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 11.

учеными, в том числе Л. Н. Гумилевым и Э. С. Кульпиным[509]. Е. А. Борисова ссылается на Л. Н. Гумилева[510]. Эти два подхода имеют также общие корни (М. Вебер, В. И. Вернадский).

В работах отечественных последователей СЕИ нет яркой оценочной критики Л. Н. Гумилева, поскольку любая оценка приведет к негативной реакции одной из сторон: последователей теории этногенеза или же ее критиков. Э. С. Кульпин занимал нейтральную позицию по отношению к такому спорному ученому, не причисляя себя ни к тем, «кто огульно негативно оценивает все труды ученого»[511], ни к тем, «кто готов принимать все созданное за божественное откровение, не подлежащее сомнению»[512]. Разделяя «человека» и «ученого», Кульпин говорит о том, что существуют как подтверждения правоты утверждений Гумилева, так и справедливая критика, но личностные симпатии и антипатии не должны при этом приниматься в расчет[513].

Можно найти некоторые упоминания о Л. Н. Гумилеве в одной из основных работ по СЕИ «Бифуркация Запад – Восток. Введение в социоестественную историю». Например, анализируя основные методы СЕИ, Э. С. Кульпин пишет о методе эмпирического обобщения и в связи с этим упоминает Л. Н. Гумилева: «Эмпирическое обобщение, равноценное реальному факту, впервые было предложено к использованию В. И. Вернадским, а использовалось как таковое, пожалуй, одним Л. Н. Гумилевым. Другими учеными эмпирическое обобщение <…> в гуманитарных науках еще не применяется»[514].

Несмотря на преемственность концепций, признание столь большого влияния Л. Н. Гумилева на становление школы СЕИ могло бы вызвать к ней массу вопросов относительно научности. Но все же сейчас можно говорить о том, что взгляды Гумилева оказали воздействие на большое количество ученых и

---

[509] Антипова А. В., Костовска С. Природно-исторические ситуации и менталитет россиян // История и современность. 2005. № 2. С. 145.

[510] Борисова Е. А. Эволюция взглядов на изменение климата в Центральной Азии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 114.

[511] Кульпин Э. С. Гипотеза этногенеза Гумилева и социоестественная история // Учение Л. Н. Гумилева: опыт осмысления : сборник статей. М., 1998. С. 19.

[512] Там же.

[513] Там же. С. 19–20.

[514] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 22.

появление новых концепций, в том числе и СЕИ, тем более что основу его гипотезы – пассионарность – в СЕИ не используют.

Научные выводы СЕИ легко укладываются в сложившуюся картину мира, причем социоестественники сами «укладывают» свои открытия в нее. В «Бифуркации…» приводится цитата Гейзенберга из книги «Физика и философия. Часть и целое»: «В науке хорошую и плодотворную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений, когда ограничиваемся, прежде всего, разрешением узкой, четко очерченной проблемы. Попытка отказаться от всех прежних вещей или изменить их по своему произволу ведет к чистой бессмыслице»[515], а также цитату Фейнмана: «Нам нужно найти новую точку зрения на мир, которая должна согласовываться со всем, что уже известно, но кое в чем расходится с нашими представлениями, иначе это будет неинтересно. И расхождения должны соответствовать тому, что происходит в природе»[516]. Эти цитаты иллюстрируют подход Э. С. Кульпина к предшественникам: необходимо согласовывать свою теорию с уже существующими.

Во второй главе «Бифуркации…» Э. С. Кульпин определяет место социоестественной истории в истории биосферы Планеты[517] и, таким образом, предпринимает попытку найти место для СЕИ в общей картине мира. Он говорит о том, что все выдающиеся историки, рассматривая историю человека, касались и истории природы, однако затрагивали этот вопрос поверхностно и тем более не рассматривали совместную историю человека и природы. Но время человека и время природы несоизмеримо. Самая малая единица измерения в жизни природы – эпоха. События в человеческой истории могут происходить за секунды, что для природы, с точки зрения Э. С. Кульпина, просто невероятно. Но, например, природные катастрофы могут привести к глобальным изменениям быстро. Если в Землю попадет большой метеорит (одна из версий гибели динозавров), то

[515] Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012 (дата обращения: 12.08.2018).

[516] Там же.

[517] Там же.

кардинальные изменения незамедлительно проявятся. Конечно, если речь идет об эволюции в целом, то временные процессы двух историй не совпадут. Это, во многом, и обеспечивает расхождение путей естественников и гуманитариев[518].

Но Э. С. Кульпин делает попытку соединить, казалось бы, несоединимое время: «Единое время во взаимодействии определяется активной стороной взаимодействия»[519], т.е. в бифуркационный период, в момент принятия решения, которое обычно очень скоротечно, активная сторона взаимодействия – это человек, и он может определять совместное время. «В ходе эволюции однажды произошло экстраординарное явление: закон природной эволюции был нарушен, его «нарушил» человек, нашел иной, свой путь развития. Иной путь развития заключался в асимметричном «ответе» на «вызов» природы – не генетическом, но информационном»[520]. И именно с этого начинается история человека и природы – социоестественная история.

Социоестественники сами приводят аргументы и контраргументы в поддержку и опровержение своих гипотез. В сборнике «История и современность», в статье Я. Г. Риера «Критика исследований исторической динамики климата»,[521] исследуются проблемы и возможности работ, подобных СЕИ, например, книга П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории».

Официальных опровержений теорий СЕИ не встречается. Э. С. Кульпин изучал источники на китайском языке. В списке литературы значатся оригинальные источники[522]. Это подтверждает и тот факт, что его статьи, как уже было сказано, публиковались в зарубежных изданиях, в том числе на китайском языке. Использовал он, как было отмечено выше, и работы самого Л. Н. Гумилева по этой теме.

---

[518] Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012 (дата обращения: 12.08.2018).

[519] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 57.

[520] Там же. С. 58.

[521] Риер Я. Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») // Природа и общество в эпоху перемен. М., 2014. Вып. XXXVIII. С. 221–253.

[522] Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М., 1990. С. 230–232.

Не встречается также критики того, что спорные факты выдаются за неопровержимые и доказанные. Наоборот, аккуратно обходятся все возможные острые углы. Однако в статье М. Г. Крамаровского есть упоминание, что критики усомнились в правомочности постановки вопроса о выделении золотоордынской цивилизации, которое сделал Э. С. Кульпин. Но автор пишет, что «в каждом из тезисов оппонентов очевидны полемические натяжки»[523]. «Оригинальным» называет Т. Ф. Столярова его рассмотрение истории Золотой Орды и тюркского влияния на становление российской государственности[524]. Идеи же берут начало в работах Л. Н. Гумилева. Оба автора уделяли большое внимание сюжету взаимоотношений Золотой Орды и Руси, на фоне которого еще более рельефно видны сходства и различия между их концепциями.

Согласно Л. Н. Гумилеву, Киевская Русь пыталась создать союз с Ордой против католической Европы. Данный тезис противоречит традиционной версии, согласно которой считается, что Русь в одиночку оборонялась и от Орды, и от католической Европы, поэтому подверглась разрушению Киевская Русь. Те же города, которые «вступили в переговоры с монголами – Ярославль, Ростов, Углич, Тверь – избежали разгрома»[525]. В целом, автор утверждает, что Русь не была ни подчинена, ни покорена[526].

Л. Н. Гумилев пересматривает и еще одну традиционную версию – разгром Мамая в 1380 г. Он заявляет, что не существовало войны против татар за освобождение Руси, так и единства татар к этому моменту уже не было[527]. Мамай враждовал с Тохтамышем. А поскольку Русь была союзницей Орды, следовательно, Тохтамыша, то западная Европа должна была искать союза с Мамаем. За Мамая в битве выступили литовские войска, а на помощь московскому князю Дмитрию пришел Тохтамыш. Однако Л. Н. Гумилев заявляет, что Мамая попросту использовали в своих корыстных целях. «Ему и в голову не приходило, что его

---

[523] Крамаровский М. Г. Три вечера с Эдуардом Кульпиным. Саратов // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 188.

[524] Столярова Т. Ф. Памяти большого ученого и замечательного человека // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 216.

[525] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 344.

[526] Там же.

[527] Там же. С. 391.

считали неполноценным, не любили, а использовали. И он стал жертвой контакта на суперэтническом уровне»[528].

С точки зрения Л. Н. Гумилева, в первой половине XV в. завершается процесс распада Орды. Распалась она не столько от ударов извне, сколько от внутренних столкновений и различий в политической ориентации, а также смене религиозной доминанты, по причине чего и происходило обособление этносов.

Россия же в это время перешла в акматическую фазу (когда этнос активнее, чем раньше). И к середине XV века на месте одного древнерусского этноса возникли не похожие на него новые этносы: великороссы, белорусы, украинцы. Москва, таким образом, возглавила обновленную Россию и вывела ее из состояния вассала Орды[529].

Э. С. Кульпин в первую очередь развенчивает миф о том, что Русь стала отставать от Западной Европы именно из-за монгольского нашествия, которое якобы отбросило развитие страны назад, по его мнению, «отставание Восточной Европы от Западной четко обозначилось еще до монгольского нашествия»[530].

В понимании единства ландшафта Руси и Орды, Э. С. Кульпин солидарен с Л. Н. Гумилевым: «В российской исторической колее для Золотой Орды места не было. Там Русь – сама по себе, Орда – сама по себе. В географической колее ситуация иная: был единый вмещающий ландшафт и для России и для Орды. До социально-экологического кризиса в лесах Северо-Восточной Руси имел место таковой в южнорусских степях»[531].

Информационный обмен, которому социоестественная история придает чрезвычайно большое значение, в Золотой Орде имел существенные отличия в сравнении с таковым в Западной Европе. В степной части Орды, в отличие от Европы, были хорошие дороги. И вовсе не потому, что их таковыми построили: здесь сама природа создала удобства для передвижения, как летом, так и зимой. Благодаря ровным пространствам и сухости весной, летом и осенью, малому

---

[528] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 391.
[529] Там же. С. 464.
[530] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 13–14.
[531] Там же. С. 7.

снежному покрову – зимой. Таким образом, заключает Э. С. Кульпин, Золотая Орда была мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и многих других видов обмена[532]. Такого понимания Орды нет у Л. Н. Гумилева. Для него Орда и Русь были союзниками против Запада, против католической Европы. И это был союз даже не всей объединенной Руси, а отдельных княжеств с Ордой. Если бы одно из русских княжеств отказалось от союза с татарами – оно окончательно стало бы жертвой поляков или литовцев. У Э. С. Кульпина же нет союзнических отношений между этими государствами, Русь именуется подданным Золотой Орды[533].

Э. С. Кульпин также считает, что впервые именно в это время церковь пошла в народ, она смогла преодолеть отчуждение простых людей от христианства. Верховная власть Орды тем самым способствовала формированию на Руси единого мировоззрения и, следовательно, этноса – русского этноса. У Л. Н. Гумилева же старый древнерусский этнос умирал, и Орда дала виток рождению нового этноса, в этом также большую роль сыграла церковь. Большую, но не основную. В этом и есть главное отличие концепций, которое проявляется и на конкретном историческом материале: у Л. Н. Гумилева главная роль отводится взрыву пассионарного напряжения, а у Э. С. Кульпина – формированию единого мировоззрения[534].

По Э. С. Кульпину, в XIV веке Орда вступила в социально-экологический кризис, «опирающийся на четко фиксируемые и не подвергаемые сомнению процессы в жизни природы и общества: продвижение кочевий на север, отступление на север границы лесов, миграция жителей южной степи на север и на юг, зимовки скота в зонах рискованного скотоводства, внутриполитическая борьба, закончившаяся развалом государства»[535]. Это и есть непосредственное применение методологии СЕИ, так как до сих пор каждый из названных

---

[532] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 24.

[533] Там же. С. 32.

[534] Подробнее о восприятии Л. Н. Гумилевым и Э. С. Кульпиным взаимоотношений Руси и Орды см.: Маслова Е. К. Взаимоотношения Руси и Великой Степи в свете концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина // Наука. Технологии. Инновации : материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. Новосибирск, 21–24 ноября 2013 г. Новосибирск, 2013. Ч. 9. С. 33–37.

[535] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 80.

процессов рассматривался отдельно и был предметом изучения разных научных дисциплин. Взятый по отдельности процесс не может рассматриваться как явное свидетельство кризиса. Поэтому, как утверждает Э. С. Кульпин, факт социально-экологического кризиса в степях Восточной Европы в исторической науке не был зафиксирован, никем не был замечен, никем не исследовался. Открытие его стало возможным лишь после того, как в соответствии с методологией СЕИ они были собраны в месте и рассмотрены во взаимосвязи друг с другом.

Совсем другой кризис описывает Л. Н. Гумилев, и заключается он в утрате пассионарности монгольского суперэтноса, который вступил в фазу надлома. Однако Л. Н. Гумилев приводит и совсем другие факты из географии, нежели Э. С. Кульпин. И при этом оба исследователя описывают один период из истории степей – XIV век. Вероятно, не только в истории можно выбирать факты в зависимости от теории, в чем обвиняли Э. С. Гумилева критики, но и в естественных науках.

Л. Н. Гумилев полагал, что Мамай враждовал с Тохтамышем и в Куликовской битве участвовал на одной стороне с литовцами. Совершенно иначе на события 1380 года смотрит Э. С. Кульпин: в связи с социально-экологическим кризисом в Степи сократились доходы Золотой Орды, затухала международная торговля, тридцатилетие 1351-1380 гг. отмечено климатологами как наиболее теплое во втором тысячелетии н. э., что означало сильные засухи в степях. Система вступила в период бифуркации – монголам пришлось выбирать, как жить дальше: становиться земледельцами или сохранить статус дружинников-воинов. Э. С. Кульпин полагает, что, вероятно, Мамай пожелал захватить великокняжеский престол Руси, чтобы обеспечить для господствующего слоя – его сподвижников – стабильное существование. «Мамай посягнул на власть, деньги и способ обретения того и другого на Руси»[536].

По-разному смотрят Э. С. Кульпин и Л. Н. Гумилев на события 1480 г. и становление Российского государства, что объясняется применением их теорий: Л. Н. Гумилев согласно теории пассионарности рассматривает создание

[536] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 103.

Российского государства с центром в Москве как результат притяжения пассионарной энергии, а свержение ига как противостояние политических союзов между государствами. Э. С. Кульпин, основываясь в первую очередь на взаимоотношениях человека и природы, говорит, что Русь к моменту формального падения Золотой Орды в 1480 г. находилась буквально на пороге экологического кризиса[537], и именно в этих условиях создавалось новое государство. Углубление экологического кризиса спровоцировало социально-экономический и как следствие его – политический кризис. В кризисной ситуации, когда общество не знало, что делать, оно делегировало право решения проблем государству, которое утвердилось и стало новым Российским государством.

Как было показано в этом примере, авторы пришли в конечном итоге к некоторым единым результатам – верховная власть Орды была не губительна для страны, но способствовала рождению русского этноса. Однако они по-разному смотрят на сам процесс формирования этноса, по-разному отвечают на вопросы «почему это произошло?» и «как это происходило?», что обусловливается различиями их теоретических построений, методологии, а, следовательно, и подборкой фактов, и проведением исследования, и расстановкой главных акцентов.

В целом, несмотря на спорное положение о существовании золотоордынской цивилизации, концепция СЕИ соответствует общепринятым научным положениям. Не встречается разгромная критика, как в случае с Л. Н. Гумилевым. В концепции нет ненаучных характеристик, а все спорные вопросы остаются спорными, а не априорными: не делается резких утверждений и шокирующих выводов.

Теперь перейдем к критерию **эвристичности**: возможность верификации/фальсификации, применимость теории, ее объяснительная и предсказательная сила.

Эдуард Сальманович допускает возможность фальсификации теории. Более того, он считает, что наука должна делать выводы, даже если не имеется

[537] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 113.

исчерпывающих данных, наука подразумевает право на ошибку: «но надо не искать ошибки, а искать способы их исправления»[538]. Существует точка зрения о том, что научная теория научна постольку, поскольку она может быть опровергнута. Он говорит, что для гуманитария это принять очень и очень сложно, и до сих пор традиция фальсификации скорее относится к естественным наукам.

Говоря об этносах, Э. С. Кульпин утверждает, что «этнос может существовать дольше государства. Длительность жизни этноса, по Л. Н. Гумилеву, – 1200 лет. Можно соглашаться или не соглашаться с Гумилевым, но ясно, что средний срок жизни этноса много больше среднего срока жизни государства»[539]. Он также пишет, что социоестественная история не стремится объять «все и вся»[540]. Однако Л. Н. Гумилев именно к этому и стремился, следовательно, можно сделать вывод, что в отличие от Льва Николаевича, представители СЕИ не претендуют на то, что их концепция может объяснить абсолютно все.

В СЕИ нет жесткой схемы, по которой живут все этносы, как это было у Л. Н. Гумилева. Но есть деление истории России на семипоколенные циклы, начиная с монгольского нашествия. Первый семипоколенный цикл завершается Смутой – Гражданской войной в Золотой Орде – Великой Замятней (1360). Второй – концом татаро-монгольского ига на Руси и созданием Московского государства (1483). Третий – снова Смутой (1606). Четвертый – завершением петровских реформ (1732) и созданием Российской империи. Пятый – преддверием Великих реформ (1862). Шестой – становлением социальной системы, параметры которой еще не совсем определены (2002). Эдуард Сальманович считает, что это не случайные совпадения, а автоматизм, присущий самоорганизующейся системе, здесь показано непосредственное применение синергетики на материале истории России.

---

[538] Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций : курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум : открытая система электронного образования. Электрон. дан. [Б. м.], 2013–2017. URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

[539] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 47.

[540] Там же. С. 63.

Если же брать начало русского этноса не от Батыева нашествия, а от 882 года, то все даты, кроме одной (1497 – принятие Судебника), крайне невыразительны событийно. Если брать начало от крещения Руси, то даты почти совпадают с первой классификацией, но поскольку до монгольского нашествия процесс христианизации лишь слегка коснулся русского населения, почти исключительно горожан, составлявших в то время не более 0,5% всего населения Руси, то Э. С. Кульпин не берет это за начало формирования нового этноса[541].

Но заранее узнать причины изменений этноса нельзя. «Каждый цикл – в известном смысле – черный ящик. Мы знаем, что было при входе и что получилось при выходе, но до вскрытия «ящика», нам не дано знать, как и почему произошла метаморфоза общества от «входа» до «выхода»»»[542]. Система функционирования данных циклов вполне ясна, однако выбор дат может показаться не всегда очевидным. Чтобы проследить изменения циклов, нужно найти переломные моменты истории.

Эвристичность концепции будет снижаться, если теория, предназначенная для объяснения жизни этносов, будет не работать на других этносах, кроме тех, к которым ее применяет автор. Идею семипоколенных циклов Э. С. Кульпин применяет, помимо русского этноса, к Золотой Орде[543].

Каждое из сменяющихся поколений в истории Золотой Орды имело отличные от предыдущих задачи, решало их по-своему, и при этом ментально само изменялось. Проблему исследования смен поколений, говорит Э. С. Кульпин, решали и другие ученые, например А. В. Коротаев[544]. Но срок демографической смены поколений не постоянен. «Этот срок растет с улучшением уровня и качества жизни с 15 лет в древности, 17 – в раннем средневековье до 20 во второй половине XX века»[545]. Универсальность

---

[541] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 342.

[542] Там же. С. 331.

[543] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: судьбы поколений. М. : ИНСАН, 2006. 124 с.

[544] Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М. : Восточная лит., 2006. 110 с.

[545] Кульпин-Губайдуллин Э. С. О временных единицах измерения жизни золотоордынского социума и проблеме универсальности семипоколенных циклов [Электронный ресурс] / Центр

и применимость данного метода для истории других эпох и народов, возможность понять не только прошлое, но и будущее Эдуард Сальманович не оценивает. Он говорит, что это можно определить «только путем «вскрытия» остальных «черных ящиков» – семипоколенных циклов в истории России и в истории других стран и народов»[546]. Его работа – не единственный и эталонный вариант методологии исследования этноса, а еще один из возможных.

Э. С. Кульпин утверждает, что «путь науки – это путь непрерывного опровержения ее положений и самоопровержения их творцами этих положений»[547]. По его мнению, девизом науки должно стать высказывание Бонди: «Теория представляется научной постольку, поскольку она может быть опровергнута»[548], «таков есть, был и будет путь естественных наук. Хотелось бы, чтобы и гуманитарных»[549]. Исходя из этого положения, можно сказать: Э. С. Кульпин считает, что для гуманитарных наук пока не свойствен этот фальсификационизм – поиск способов опровержения своей гипотезы. Склоняясь больше к эталону научности естествознания, он говорит о единственном пути в науке – пути опровержения самого себя. В целом, критерий эвристичности в истории сложно применим.

В статье «О природных, технологических и ментальных факторах модернизации России в начале VIII века» он пишет о мнении, не совпадающем с его собственным, и аргументирует верность своей точки зрения: «Трудно согласиться с Нефедовым, когда он пишет: «В действительности Россия давно имела «окно в Европу»»»[550]. Или, еще одним примером может быть уже упомянутое выше доказательство того, что данные новгородской летописи, опровергающие теорию автора, не могут быть верны[551].

исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН. М, 2001–2009. Электрон дан. http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/2011-03-20-20-26-43.html (дата обращения: 21.12.2017).

[546] Там же.

[547] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 17.

[548] Там же.

[549] Там же.

[550] Кульпин Э. С. О природных, технологических и ментальных факторах модернизации России в начале VIII века. // Человек и природа в пространстве и времени. М., 2012. С. 129.

[551] Клименко В. В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю. Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в северо-восточной Европе (VIII–XII в.) // Человек и природа в пространстве и времени. М., 2012. Вып. XXXVI. С. 52.

В статье «Производственные революции как важнейшие рубежи истории» другой автор серии СЕИ – Л. Е. Гринин – даже отстаивает идею, якобы противоречащую экспериментальным данным, о том, что только с железными орудиями смогло развиться эффективное земледелие в долине Ганга, хотя, исходя из эксперимента Шарма, уже медный топор втрое сокращал затраты труда на рубке деревьев. Л. Е. Гринин утверждает: «все же широкомасштабное распространение пашенного земледелия в зоне лесов могло начаться только с железным топором»[552]. Но противоречия с экспериментом здесь нет. Бронзовые орудия были весьма эффективны, но стоили они так дорого, что их массовое использование было невозможно. У крестьян просто не было для этого средств. Эпоха камня, кости и дерева продолжалась в деревне до наступления железного века.

Таким образом, можно сказать, что СЕИ стремиться искать не только подтверждающие факты, но и опровергающие, чтобы посредством споров и доказательств аргументировать верность своей теории, доказать ее научность.

Проверим эвристичность теории по критериям В. В. Ильина. СЕИ постулируется не как теория, описывающая всеобщие законы, через которые можно описывать все явления, а как дисциплина с особой методологией, которую можно применить к разным нерешенным историческим проблемам. Эта методология прописана и показана на многочисленных примерах, получила апробацию на конференциях по СЕИ, но научных законов, которые бы объясняли все явления, не существует.

Посмотрим, как применяется данная теория на практике, по статьям раздела «Природа и общество» журнала «История и современность». Проследим развитие тематики, использование междисциплинарного подхода, связи природы и общества начиная с первого выпуска журнала в 2005 году до последнего (на момент середины 2018 года) (приложение А). Анализ собранных данных показывает, что список дисциплин, которые привлечены для решения проблем СЕИ, обширный (рисунок 5). Большинство статей посвящены экологии. Как уже было сказано, Л. Н. Гумилев

[552] Гринин Л. Е. Производственные революции как важнейшие рубежи истории // Человек и природа: противостояние и гармония. М., 2011. С. 201.

называет, но не развивает экологическую проблему. Представители СЕИ занимаются решением этой проблемы. Далее идут климатология, почвоведение, география и ландшафтоведение. Есть также применение гелиобиологии – дисциплины появившейся благодаря А. Л. Чижевскому.

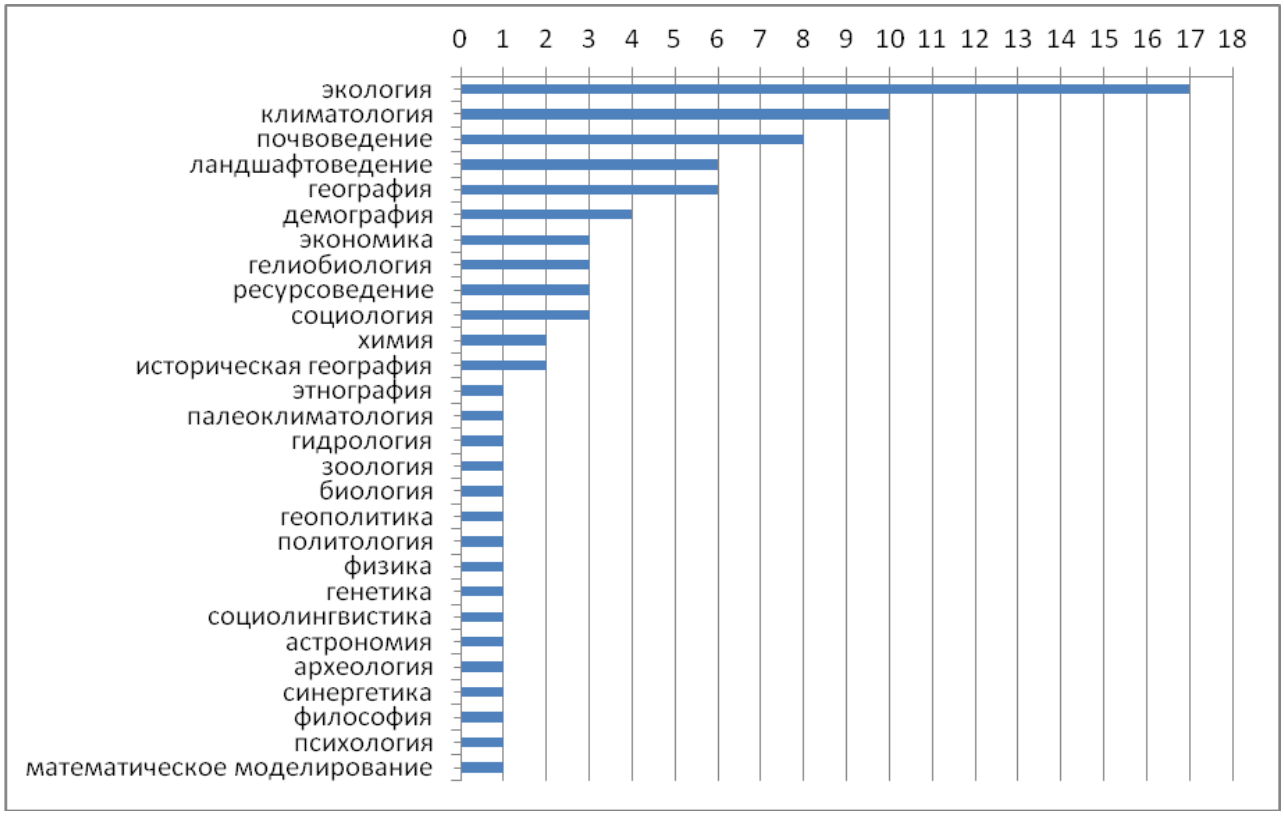

Рисунок 5 – Дисциплины, используемые в анализируемых статьях журнала «История и современность»

Анализ также показывает, что авторы исследуемых статей имеют самую различную специализацию: В. В. Клименко – доктор технических наук, Сильвия Костовска – доктор географических наук, Н. В. Ковалева – доктор биологических наук, Г. Ю. Орлов – кандидат архитектуры, Ю. В. Олейников – доктор философских наук, А. Н. Мещеряков – доктор исторических наук и многие другие. Также в журнале публикуется уже упоминаемый А. В. Коротаев[553] – доктор исторических наук, один из основоположников клиодинамики.

[553] Коротаев А. В. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 180–209.

Обобщив основные тенденции в статьях, можем прийти к выводу о том, что кардинального изменения тематики статей не наблюдается. Связь между обществом и природой – фундаментальное положение СЕИ – прослеживается не всегда, а в исключительных случаях ее вообще нет, либо же она просто не прописана. Но тот факт, что на протяжении длительного времени методы СЕИ находят свое отражения в работах различных исследователей, показывает ее практическую пользу.

Специфической силы в СЕИ, которая привела бы к неэвристичности концепции, не замечено, «абсолютное начало» Вселенной не постулируется, есть возможность построения вероятностных прогнозов. Такой прогноз можно встретить и в статьях «Истории и современности», например, Т. Ф. Столярова пишет: «Анализ тенденций современного мирового развития позволяет выдвинуть гипотезу о том, что начавшийся в связи с обострением нынешнего экологического кризиса глобальный процесс перехода к качественно новым формам государственной и социальной организации будет продолжительным и завершится в общих чертах не ранее середины XXI века»[554].

Последователи Л. Н. Гумилева касаются темы будущего России и близких нам народов. М. И. Коваленко видит будущее в совместных действиях России и других стран СНГ, обусловленных нашими различиями с западом. «Принципиальным положением нашей национально-государственной идеологии должно стать признание уникальности, самобытности Русского этногенеза»[555].

Много рассуждает и Э. С. Кульпин по поводу России и прогнозирует дальнейший ход событий. Как и Л. Н. Гумилев, он пытается найти близкие нам народы: «На вопрос: кто нам ближе ментально, культурно, духовно – американцы, европейцы или китайцы, однозначно ответить невозможно. Идея мессианства и интернационального общества, с которой идентифицируют себя

---

[554] Столярова Т. Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков. // История и современность. 2005. № 2. С. 133.

[555] Коваленко М. И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России. Международная конференция Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций [Электронный ресурс] // Наследие : информационно-аналитический портал. Электрон. дан. [Б. м.], 1999–2007. URL: http://old.nasledie.ru/ipravo/20_10/21_2/article.php?art=0 (дата обращения: 30.01.2019).

США, имеет глубокие корни и в прошлом нашей страны. С Китаем нас сближает примат государства над личностью. С Европой – давние связи и процесс вестернизации Российской империи»[556]. И дальше заглядывает вперед: «Что нас ждет в ближайшие 20-40 лет? Во-первых, общемировой резерв суши – Сибирь и Дальний Восток – останется малонаселенным и по природно-климатическим условиям малопригодным для жизни сколько-нибудь значительного населения. <…> Во-вторых, несмотря на разноголосицу мнений климатологов в вопросах прогнозов на столетие вперед, на ближайшие десятилетия все единодушно предсказывают продолжение процесса глобального потепления»[557].

Как пишет В. С. Голубев: «предметом изучения СЕИ являются не только прошлое и настоящее, но и будущее. <…> Опираясь на теоретический аппарат СЕИ, полезно исследовать возможные траектории дальнейшего социоприродного развития»[558]. В целом по критерию эвристичности концепция СЕИ соответствует нормам научности.

Непротиворечивость устоявшимся теориям и методам

Эдуард Сальманович акцентирует внимание на том, что СЕИ является частью истории эволюции биосферы, а, следовательно, методологически к ней применимы законы наук, изучающих биосферу, в частности Общая теория систем и синергетика[559]. И СЕИ базируется на общей теории систем, которая идет от целого к частному, от общего к конкретному. Целым в СЕИ является система из трех элементов: неживой, живой природы и общества. Каждая подсистема в свою очередь тоже является системой для ее составляющих элементов. Понять законы общества человек может только изнутри. Взгляд же со стороны природы позволяет увидеть общество извне.

Синергетика – это междисциплинарная отрасль науки, занимающаяся изучением систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы

---

[556] Кульпин Э. С. Альтернативы российской модернизации // Политические исследования. 2009. № 5. С. 161.

[557] Там же. С. 166.

[558] Голубев В. С. К проблеме теоретических основ СЕИ (с позиции естественно-гуманитарного синтеза) // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 35.

[559] Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001. С. 22.

(атомы, молекулы, клетки, животные и даже люди)[560], термин ввел в научный оборот Г. Хакен в 1978 году. Вклад в развитие синергетики внес российский академик Н. Н. Моисеев, чьи идеи универсального эволюционизма и коэволюции человека и природы[561] заимствованы в СЕИ, синергетический подход используется в клиодинамике А. В. Коротаевым, П. В. Турчиным, А. П. Назаретяном. Как уже говорилось, некоторые их работы неоднократно публиковались в журнале «История и современность», использует их и Э. С. Кульпин в работах по СЕИ.

Многие понятия синергетики активно используются Э. С. Кульпиным и его последователями: бифуркация[562], флуктуация[563], аттрактор[564], диссипация. Диссипация или принцип Онсагера – одно из важных понятий синергетики – закон минимума рассеяния энергии. Иными словами, если система стоит перед выбором решения, то из всех возможных, она примет то, которое обеспечивает наименьшие затраты энергии (для человека, например, сил, денег). В кризисной ситуации, пробуя применить разные варианты самоорганизации, общество осуществляет выбор по принципу минимума диссипации энергии на данный момент времени. Действие этого принципа в жизни общества на примере русской истории рассмотрено в работе Э. С. Кульпина «О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума»[565]. Второй принцип синергетики, который используется в СЕИ – это принцип Ле Шателье: «если на систему оказывается какое-то внешнее воздействие, то система находит в себе силы для сопротивления ему, при этом возможна внутренняя перестройка системы – структурная, функциональная»[566].

Одно из самых часто используемых терминов в СЕИ – «бифуркация» (выше было показано, что под ним подразумевается Э. С. Кульпиным) – даже

---

[560] Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 16.

[561] Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.

[562] Бифуркация – состояние системы, после которого возможно некоторое множество вариантов ее дальнейшего развития.

[563] Флуктуация – Любое случайное отклонение какой-либо величины.

[564] Аттрактор – такое состояние системы, в которое она стремится попасть из любого своего состояния.

[565] Кульпин Э. С. О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума // Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. М.,1996. С. 3–32.

[566] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 42.

используется в названии книги: «Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю». В ней рассматриваются некоторые узловые моменты самого значительного, по мнению Э. С. Кульпина, социально-экологического кризиса протоцивилизации Евразии и разделения ее на Запад и Восток: почему Греция и Китай избрали разные и необратимые дороги[567].

Аттрактор, с точки зрения СЕИ – это появление закономерности в случайности, некоторая совокупность условий, при которых выбор путей движения или эволюции разных систем происходит по сходящимся траекториям[568]. Э. С. Кульпин использует и мир-системный анализ, основы которого заложил, как считается, Ф. Бродель. В мире трех основополагающих систем: США, Европы и Китая, Эдуард Сальманович ищет место для России, ведь эти три системы, три **аттрактора** втягивают в себя остальные страны.[569]

В качестве источников исторических, представители школы СЕИ практически не используют нарративные документы, так как они субъективны по своей природе: что-то в этих свидетельствах замалчивается, что-то выдумывается, а главное – дается субъективная значимость событий. Поэтому, когда такие источники редки и их нельзя перепроверить другими, то они используются лишь как иллюстрации к фактам, полученным иным путем, и достоверность которых вне сомнений. Если же фактов нет, то нет и истории.

Если не искать факты в нарративных источниках, они могут быть получены иначе, как результат археологических раскопок, использованием данных истории природы (климата, геологии и т.д.), совместным, комплексным использованием данных естественных и гуманитарных наук[570]. Для Л. Н. Гумилева отдельная личность способна стать важнейшим фактором этногенеза. Поэтому он придает важное значение нарративным источникам, тогда как социоестественники считают,

---

[567] Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012 (дата обращения: 12.08.2018).

[568] Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1998. С. 44.

[569] Кульпин Э. С. Евразия на перекрестке трех дорог // Природа и общество: на пороге метаморфоз. М., 2010. С. 45.

[570] Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. Электрон. дан. [Б. м.], [Б. г.]. URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/ vizovi_vremeni.pdf (дата обращения 21.11.2017).

что «историк, работающий с нарративными документами, обречен иметь дело с неполной правдой. А, как известно, нет худшего вида лжи, чем полуправда»[571].

Работа с письменными и устными источниками, как уже говорилось, и есть исследование по-настоящему историческое. Это отмечали М. Блок[572], Дж. Тош[573], А. Про[574]. Поэтому междисциплинарный подход по большей части успешно используется, как было показано, для изучения дописьменных периодов истории или бесписьменных обществ. В изучении же событий не столь давних отвергать значимость письменных источников сложно. Поэтому в СЕИ, хотя и заявляется, что письменные источники – субъективны, тем не менее, с ними соотносят данные полученные иными способами, поскольку СЕИ лишь дополняет то, что уже известно и изучено в рамках других исторических подходов и школ.

Э. С. Кульпин пишет, что, исходя из значимости свидетельств естественных наук, СЕИ не изучает поступки отдельной личности. Л. Н. Гумилев же считал, что личность способна влиять на ход истории. Но по заявлениям представителей СЕИ, как и в случае с нарративными источниками, они не отрицают такое влияние, они просто не считают его предметом своего изучения, поскольку поступки отдельного человека не выявляют глобальной взаимосвязи между обществом и природой.

Однако есть несколько противоречий данному заявлению. В сентябре 2010 и в марте 2011 года в журнале под редакцией Э. С. Кульпина «История и современность» в разделе «Теоретические проблемы истории» было опубликовано две статьи Л. Е. Гринина: «Личность в истории: эволюция взглядов»[575] и «Личность в истории: современные подходы»[576]. В данных статьях доказывается, что в век глобализации существует серьезная необходимость уделить внимание исследованию этой проблемы. Конечно, в журнале есть сноска,

---

[571] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 19.

[572] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С 35.

[573] Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М. : Издательство «Весь Мир», 2000. 296 с.

[574] Про А. Двенадцать уроков истории. М., 2000. С. 72–73.

[575] Гринин Л. Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. № 2. С. 3–44.

[576] Там же. С. 3–41.

сообщающая о том, что публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции[577], однако редакция самостоятельно отбирает актуальные и подходящие под тематику[578] журнала статьи. Непосредственно в русле СЕИ действует только раздел «Природа и общество», в остальных же разделах публикуются общеисторические работы, где предоставляется место любому виду научного знания, если оно помогает открыть новые методы, показать лакуны уже имеющихся знаний и позволяет дать прирост новых.

Тем не менее, даже в разделе «Природа и общество» можно встретить статьи, посвященные роли личности. В статье Ю. В. Олейникова рассматривается то, каким образом конкретный человек становится субъектом действия, способного изменить эволюцию. В качестве примера берется угроза ядерной войны: «Несмотря на сложную систему принятия решений и практического осуществления, пуск ракет в конечном счете осуществляется отдельным конкретным человеком»[579]. К подобным катастрофическим результатам для природы и общества привели решения одного человека: «Ошибка или халатность персонала на Чернобыльской АЭС и авария на нефтедобывающей платформе в Мексиканском заливе показали, что от отдельного человека зависит не только функционирование сложного технического комплекса, но и экологическая ситуация в обширных регионах и в мире в целом»[580].

Еще одна статья: «Роль Г. В. Добровольского в развитии почвоведения» также показывает влияние конкретного человека, в данном случае ученого, на становление науки[581]. И даже сам Эдуард Сальманович приводил пример подобных личностей: при изучении культуры крымских татар он отвел важную роль Исмаилу Гаспринскому: «Он направил эволюцию этноса по «каналу» с четкими «берегами» и благодаря этому толчку этнос развивается до сих пор в том

---

[577] К сведению авторов // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 2.

[578] Основные темы журнала «История и современность»: история цивилизаций и народов, теоретические проблемы истории, основные проблемы современности, связь общества и природы.

[579] Олейников Ю. В. Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума модернизации // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 118.

[580] Там же. С. 119.

[581] Ковалева Н. О., Ковалев И. В. Роль Г. В. Добровольского в развитии почвоведения // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 155–161.

канале эволюции, который определил Гаспринский»[582]. Хотя СЕИ и использует макроподходы, по некоторым вопросам ее применение может быть результативным и в нетипичном для нее русле. Абсолютно отказаться от изучения роли личности у СЕИ не получилось.

И все-таки СЕИ активно использует строгие данные естественнонаучных дисциплин: характеристика климатических зон, точные географические измерения, такие как, например, широта и долгота, уровень воды мирового океана, градусы температур и т. п. Так например, Э. С. Кульпин, изучая «Осевое время», пишет: «За время, рассматриваемое Ясперсом – 7 тыс. лет – колебался уровень моря за счет движений земной коры и изменения соотношения воды, связанной в виде льда, и свободной – в жидком и газообразном, например, на Черном море по вертикали в пределах 7 метров. Соответственно, менялась береговая линия, динамика круговорота воды в природе и многое другое» [583].

В статье В. В. Клименко, В. В. Мацковского и Л. Ю. Пахомовой «Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в северо-восточной Европе (VIII–XII в.)» подробно рассматриваются данные, которые они используют при написании работы. Эти данные делятся на три группы: древесно-кольцевые данные, палинологические (спорово-пыльцевые) данные, исторические данные[584]. Однако в этой статье используется также и обращение к письменному источнику, а именно, к новгородской грамоте (Новгородская первая летопись. – М., 1951), но утверждается, что эти данные могут не соответствовать действительности[585].

Подобным образом СЕИ стремится приблизиться к естественнонаучному эталону научности. Особым для естественников является понимание важного положения в науке – понятие великого открытия. Существует ли нечто подобное

---

[582] Эмиров А. Р., Юнусов Л. М. Московский мечтатель с крымской душой // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 213.

[583] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 128.

[584] Клименко В. В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю. Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в северо-восточной Европе (VIII–XII в.) // Человек и природа в пространстве и времени. М., 2012. Вып. XXXVI. С. 52.

[585] Там же. С. 73.

у гуманитариев? Э. С. Кульпин отвечает: «Не знаю. <…> у гуманитариев великое действительно слишком велико. У естественников великое скромнее»[586]. При всем этом, он утверждает, что величие открытия не измеряется в том, насколько кардинально оно меняет представление о мире. «Я склонен думать – пусть это только мечта, – что и в истории человечества самые успешные революции те, в которых люди пытаются разрешать лишь ясно определенные проблемы и изменять как можно меньше»[587].

Естественники увязывают новые открытия со старыми представлениями о мире, ведь открытия не должны противоречить законам природы. В связи с этим Э. С. Кульпин приводит цитату Фейнмана: «Если вам удастся придумать точку зрения на мир, которая согласуется со всем тем, что уже выяснено, и приводит где-то к другим результатам в сомнительных областях, вы делаете великое открытие... Нам необыкновенно повезло, что мы живем в век, когда еще можно делать открытия...»[588].

Возвращаясь к проблемам обобщающих работ, стоит сказать, что уже упоминаемая глобалистика и глобальная история появилась во многом из-за необходимости построений всеохватывающих концепций, которые перестали быть целью научного знания. А мировая глобализация человечества подтолкнула к такому появлению. Концепции Л. Н. Гумилева или Э. С. Кульпина оказываются актуальны сейчас в силу необходимости создавать такие концепции. С другой стороны, идеологизация многих глобальных исследований привела к отрицанию их научного характера, как пишет М. А. Чешков, отождествлению глобалистики с утопией или мифом[589]. Но это отнюдь не означает отказа от таких концепций, а, наоборот, подтверждает их научную значимость.

Глобалистика связана с историей, и с теми направлениями, внимание которых обращено, в том числе на те параметры или факторы, которые действуют на всех этапах мировой истории, проходят сквозь ее структуру. Глобалистика

---

[586] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 20.

[587] Там же.

[588] Там же.

[589] Чешков М. А. Глобалистика как отрасль научного знания // Цивилизации. М., 2002. Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории. С. 55.

стимулирует исторические исследования на поиск единиц, не ограниченных привычными рамками государств, наций, хозяйственных систем, она дает стимул для союза с экологией, и как отмечает историк М. А. Чешков, способствует тем самым становлению новой дисциплины – социоестественной истории[590].

Обратимся к статье М. А. Бойцова, в которой он утверждал, что генерализирующие исследования становятся неактуальными в науке[591]. Его критики (А. Я. Гуревич, И. С. Свенцицкая) писали о том, что нельзя рассматривать часть без представления о целом[592]. Но дробление предметов изучения на все более и более узконаправленные приводит к тому, что специалист становится менее сведущ в изучении целого. Поэтому, чтобы составить генерализирующую картину, СЕИ привлекает различных специалистов, чтобы как раз и собрать из частей – целое. Тем более что междисциплинарное исследование требует знаний в разных отраслях науки. Если всеми нужными знаниями обладает исследователь, тогда он может один решить задачу. Такой вариант – не правило, а исключение, с точки зрения Э. С. Кульпина.

Л. Н. Гумилев являет собой упомянутое исключение, он сам пытался быть специалистом сразу в нескольких сферах, что и затрудняло его работу, а также оценку его работ. А. Савченко в своей статье пишет, что познания Л. Н. Гумилева были энциклопедическими, а память феноменальная, причем не только в истории, но и во многих других науках, в поэзии и даже в религиозной догматике[593].

Э. С. Кульпин тоже был человеком обширных знаний. Кандидат педагогических наук О. А. Машкина вспоминает: «Кажется, не существовало отраслей знаний, в которых он был бы несведущ, но при этом он с большим уважением относился к экспертному мнению других»[594]. Но социоестественное

---

[590] Чешков М. А. Глобалистика как отрасль научного знания // Цивилизации. М., 2002. Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории. С. 62.

[591] Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 17–41.

[592] Есть ли будущее у науки о прошлом? (дискуссия по поводу статьи М. Бойцова «Вперед, к Геродоту!») [Электронный ресурс] // Разница во времени / Радио «Свобода». Электрон. дан. [Б. м.], 1999. URL: http://archive.svoboda.org/programs/td/1999/td.030399.asp (дата обращения: 21.11.2017).

[593] Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым // Новый мир. 1996. № 2. С. 24.

[594] Машкина О. А. Мой друг и научный руководитель // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 205.

исследование все же является комплексным, и, как правило, требует коллектива разных специалистов. Задачу может поставить любой член коллектива, но руководитель или все участники коллектива должны определить, что требуется для решения задачи. Этот метод Э. С. Кульпин называет методом «Аполло», согласно которому делаться все должно подобно программе Аполлон – высадке человека на Луне. Поэтапно выясняется, какие проблемы должны быть решены, чтобы была решена поставленная задача. Далее, что нужно сделать для решения проблем, так сказать, первого яруса или выявление проблем второго яруса. Затем, если необходимо, третьего и дальнейшего ярусов. Так определяется круг проблем, а, следовательно, и круг специалистов, порядок работы. Это позволяет привлекать узких специалистов для создания единой концепции, а, следовательно, минимизировать риски ошибок из-за недостаточности знаний ученого в какой либо из областей.

Междисциплинарный коллектив как групповой субъект познавательного процесса отличается от научной школы тем, что включает ученых с различной подготовкой и различными теоретическими убеждениями и интересами. На современной стадии развития науки говорят о возникновении так называемых гибридных форм организации деятельности ученых (термин П. Вайнгарта), смысл которых в переключении научных работников с одного типа деятельности на другой[595]. Примером такого коллектива и является СЕИ.

Использование Л. Н. Гумилевым терминов из неисторических сфер часто критиковалось его оппонентами. Используя термины из естественных наук, он превращал социокультурные явления в явления физические. Напротив, Э. С. Кульпин, пишет о том, что понятия пограничных научных дисциплин могут использоваться только в тех случаях, когда возникает необходимость в более точных (узких) дефинициях, если же такой необходимости нет: «социоестественник должен руководствоваться принципом: не создавать без нужны новые сущности»[596]. Как правило, научная дисциплина использует особый

[595] Философия науки. Ростов н/Д, 2006. Разд. II. С. 283–284.

[596] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 63.

научный язык, но междисциплинарность порождает особую проблему: нужно сохранить языки тех наук, на стыке которых появилась новая. А это означает, что необходимо овладеть терминологиями таких далеких друг от друга гуманитарных и естественных наук.

Историк М. А. Игошева в диссертации «Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева» упоминает СЕИ, называя ее последовательницей концепции Л. Н. Гумилева. М. А. Игошева также отмечает, что прямых ссылок на его идеи авторы не дают, но некоторые положения теории этногенеза прочно вошли в обиход СЕИ: об этносе как биосоциальном явлении; о глобальности пространственно-временного подхода к истории; о предопределении этногенеза сочетанием исторического и ландшафтного факторов; о синтезе данных истории с идеями и методологией естественных наук, но все эти тезисы в новой теории «получили свое доказательное обоснование, серьезную разработку и четкие формулировки»[597].

В СЕИ, в отличие от концепции Л. Н. Гумилева четко прописана и проработана методология, что позволяет избежать механического соединения множества отдельных факторов (географических, биологических и т. п.). То же мнение выразила и Т. Ф. Столярова в докладе на III конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории»[598]. В частности автор наделяет особым значением применение методологии и данных естественных наук: в СЕИ используются характеристики климатических зон, точные географические измерения, уровень воды мирового океана, градусы температур и т. п. Например, в книге «Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства» приводятся данные максимальных значений температур во время распада Золотой Орды: в Причерноморье -6 градусов по Цельсию против -35 градусов в Восточном Казахстане, а также длительность безморозного периода (260 дней против 193)

[597] Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Ростов-на-Дону, 1998. С. 124.

[598] Столярова Т. Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века [Электронный ресурс]. // Социоестественная история (СЕИ). Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=471 (дата обращения: 12.08.2018).

и сумму годовых осадков (330 мм против 235)[599]. С помощью этих данных автор показывает, что массовая экспансия степняков Золотой Орды в лучшие земли была невозможна, они уже занимали наиболее комфортные территории. А в условиях эпидемии продолжаются кризисные демографические явления, и начинается смута.

Основные термины СЕИ, например, «бифуркация», «суперэтнос», «цивилизация» и т. д. общеизвестны, и также употребляются Львом Гумилевым. Естественнонаучные термины же, действительно используются редко и в необходимом контексте, например «динамика показывает стабильность условий климатического оптимума»[600] или «соотношение сил факторов «выталкивания – притяжения» <…> показывают, что не только внутренние пружины развития этноса <…>, но и внешние обусловили массовое переселение»[601].

Но в тоже время не все понятия прижились в науке. Так, например, понятие социально-экологического кризиса, введенное Э. С. Кульпиным, как утверждает политолог В. И. Пантин, пока еще не укоренилось ни в традиционной истории, ни в других гуманитарных и общественных науках[602].

Сам язык написания работ Э. С. Кульпина сложно назвать завораживающим, в отличие от стиля языка Л. Н. Гумилева, однако содержательность и информативность текста не отменяет его стилистическую красоту и читательский интерес. Отсутствие шокирующих метафор не будет лишний раз смущать критиков и ставить под сомнение научность текста, что как раз и случилось с работами Л. Н. Гумилева.

Однако есть удивительный пример того, как социоестественное исследование может превратиться в красивую сказку, а точнее – в детектив. С. И. Блюмхен строит свою статью как художественное произведение, нечто наподобие детективного сюжета: «В нем есть все что положено: цветущий главный герой, по непонятной причине погибший и сгинувший в глубине веков,

---

[599] Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. М., 2006. С. 92.
[600] Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком. М., 2001. С. 44.
[601] Там же. С. 52.
[602] Пантин В. И. Роль личности в науке // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 202

его неизвестно откуда взявшиеся наследники, загадочный убийца и передававшиеся столетиями рассказы о странных и таинственных событиях седой старины»[603]. Он описывает жертву – цветущая цивилизация, и пытается ответить на вопрос: что же ее убило? Проведя расследование, он называет виновника – часть кометы Хейла-Боппа. Если вспомнить, как строится повествование в книге «Этногенез и биосфера Земли», то легко можно провести параллели.

Как уже говорилось, Лев Гумилев использовал недоказанную гипотезу о пассионарности в качестве доказанной концепции. Любопытно, что в сборнике СЕИ также встречается статья, где автор оперирует понятием «пассионарность»: Б. М. Кондорский (г. Донецк) пишет о Крыме как периферии цивилизационных ойкумен[604]. Он утверждает, что энергетической основой существования биосферы является поток солнечной энергии, в случае ойкумены мы имеем в качестве «энергетического источника» пассионарность. Однако автор сразу же оговаривает принципиальные отличия его теории от взглядов Л. Н. Гумилева: «Принципиальные различия <…> на это явление заключается в неприятии космического излучения как причины появления пассионарности, передачи ее наследственным путем и изменения уровня пассионарности в процессе развития общества»[605]. Иными словами, это несогласие с Гумилевым должно заранее убрать все вопросы относительно сравнения его с автором статьи. Однако Б. М. Кондорский не оговаривает свое понимание термина, из-за чего не происходит однозначного восприятия статьи и затрудняется сравнение двух теорий пассионарности. Возможно, что он оперирует «пассионарностью» в ее психологическом понимании, так как утверждает, что это постоянная величина, соотносящаяся с «законом пяти процентов» (В психологии «Закон пяти процентов», или стадное чувство, гласит, что когда какая-то часть толпы начинает выполнять синхронно какие-то движения, рано или поздно к ним присоединится и

[603] Блюмхен С. И. «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня // История и современность. 2007. № 1. С. 138.

[604] Кондорский Б. М. Крым как периферия цивилизационных ойкумен // Человек и природа в пространстве и времени. М., 2012. Вып. XXXVI. С. 115–122.

[605] Там же. С. 118.

остальная толпа, при этом процент людей из толпы, начинающих действия, должен быть не менее пяти).

Как уже говорилось, стремясь приблизится к естественнонаучному эталону научности, СЕИ использует как можно более объективные данные, подтвержденные другими специалистами и соотносимые с существующей картиной мира. Междисциплинарные методы в этом случае должны работать на эту цель. Рабочие методы СЕИ сравнимы с методами, которые использовал Л. Н. Гумилев в работе «Открытие Хазарии»: градусы температур, уровень моря, климатические изменения в разные периоды, доказанные, логически и математически простроенные схемы[606].

Основным в исследовании для СЕИ является междисциплинарный подход. И в первую очередь, это не означает прямого перенесения методов исследования из естественных наук, изучающих живую и неживую природу, в область гуманитарных наук, изучающих общество – гораздо более сложную систему. Наоборот, на основании естественнонаучных подходов разрабатывается новая методология.

Большинство из подобных методов использует и Л. Н. Гумилев: «Изучая этногенез, исследователь применяет методы географии»[607]. Так, например, при изучении истории Хазарии он большое внимание уделяет уровню Каспийского моря в разные исторические периоды. По его данным в XX веке этот уровень состоял на отметке минус 28 м, в X веке на отметке минус 28,5–29,5 м[608]. Гумилев отмечает, что это практически современный уровень, или немного ниже[609].

Одним из главных принципов анализа в СЕИ является принцип дополнительности, который заключается в следующем: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью

---

[606] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М. : Айрис-пресс Рольф, 2001. 411 с.
[607] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002. С. 178–179.
[608] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 27.
[609] Там же. С. 93.

исчерпывает наглядную суть явлений»[610]. Принцип разработан физиками Н. Бором, Б. Паули и В. Гейзенбергом. Но Э. С. Кульпин не просто копирует метод, он перерабатывает его под свой предмет исследования: в анализе с одной стороны используется закономерности из истории людей, а с другой – истории природы.

Л. Н. Гумилев в качестве основного вида доказательства использует приведение всевозможных фактов, Э. С. Кульпин считает, что принцип, принятый у гуманитариев, – приведение большого количества фактов и остановка перед выведением общего правила до тех пор, пока накопленное количество фактов не покажет их всеобщность – не рационален[611]. Главное, сделать вывод, что делает и Л. Н. Гумилев.

Еще одним методом СЕИ является составление синхронистической таблицы. Разумеется, она не может заменить текста, в котором события изложены подробно, а связи между ними обоснованы. Но таблица на это и не претендует, она лишь дополняет текст и служит фундаментом. Синхронистическая таблица выявляет значимость процессов, а значит, и направления – объекты конкретных исследований. Она же показывает «узкие места» – те, где известных фактов для понимания процессов недостаточно и необходимо либо дополнительное специальное исследование, либо, если таковое невозможно, искусственная реконструкция – моделирование[612]. В сборниках СЕИ[613] всегда печатаются синхронистические таблицы, есть они и в книгах Л. Н. Гумилева[614].

Как видно из синхронистической таблицы (приложение Б), Э. С. Кульпин заносит в нее огромные временные отрезки. Это особая макроистория, иная, чем в марксизме. У Л. Н. Гумилева (приложение В) более традиционная для марксизма периодизация, принятая в исторической науке длительное время: эллинизм, Рим и т. д. К тому же Э. С. Кульпин делает акцент на археологическую периодизацию:

---

[610] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 108.

[611] Там же. С. 19.

[612] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 117.

[613] Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М. : Московский лицей, 1998. 272 с.

[614] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 467–506.

неолит, энеолит и т. д., а Л. Н. Гумилев ставит в центре исследования этнос, и именно поэтому его таблица построена по культурно-историческим общностям, тогда как Э. С. Кульпин не разделяет культуры, основа его таблиц – типология событий.

В таблице Л. Н. Гумилева основной упор делается на политические события, природный фактор представлен гораздо меньше: увлажнение-усыхание, климатический оптимум и уровень моря, плюс он относит к климатическому фактору пассионарный толчок. В таблице Э. С. Кульпина же есть и климатический оптимум, и похолодание, и смена гидрорежима, и эрозия почв, и влажность, и температура, но большее внимание уделяется экологическому кризису.

Графики и схемы в книгах СЕИ, в отличие от некоторых графиков у Л. Н. Гумилева, содержат необходимые для анализа данные. В книге Д. Б. Прусакова «Древний Египет: почва цивилизации» представлен один из графиков по В. В. Клименко (рисунок 6)[615].

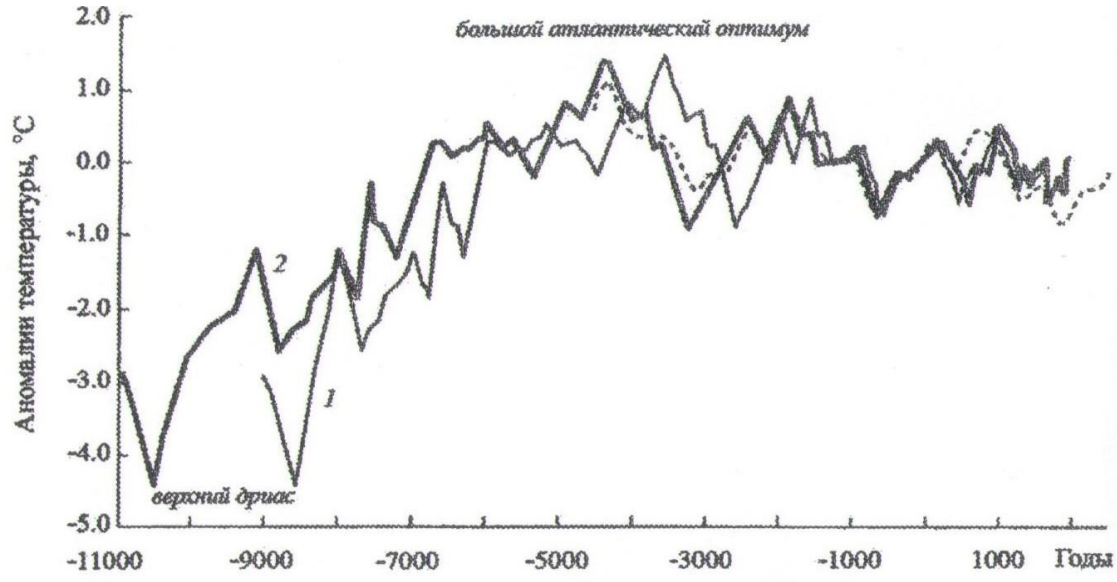

Рисунок 6 – График аномалий среднегодовой температуры Северного полушария в голоцене по В. В. Клименко [из кн.: Прусаков, 2010]

В отличие от некоторых представленных в предыдущей главе графиков из книги Л. Н. Гумилева, на данном графике по осям отложены измеримые величины: на оси абсцисс – время в годах, на оси ординат – температуры

[615] Прусаков Д. Б. Древний Египет: почва цивилизации (Этюд о неолитической революции). М., 2010. С. 26.

в градусах по Цельсию. Кривые построены исходя из вычисленных обозначений: 1 – радиоуглеродные даты, 2 – календарные даты. Показательно, что Д. Б. Прусаков, будучи доктором исторических наук, не берется самостоятельно простраивать график аномалий температур, а берет его у В. В. Клименко – доктора технических наук[616].

В совместной статье В. В. Клименко с А. М. Слепцовым представлено множество различных графиков и таблиц (аномалии среднегодовой температуры и осадков по торфяному разрезу болота Усвятский Мох за последние 5000 лет[617]; отклонения средней годовой температуры воздуха от современных значений для территории Русской равнины (осреднение по 10-летиям)[618]; отклонения температуры зимы (осреднение по 10-летиям) от современных значений для территории Русской равнины (обобщенные данные)[619]). Все они простроены по измеряемым величинам: года, градусы температур, количество осадков и т.д. (рисунок 7).

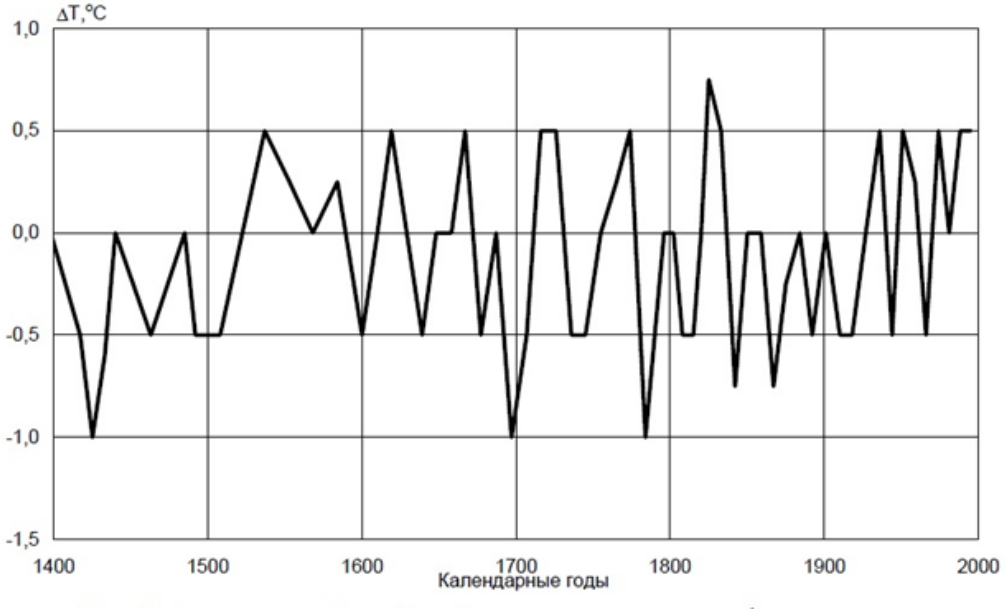

Рисунок 7 – Аномалии среднегодовой температуры по торфяному разрезу болота Усвятский Мох за последние 600 лет[620]

[616] Сравнительный обзор использования авторами таблиц и графиков впервые опубликован в: Маслова Е. К. Сравнительный анализ методологических подходов социоестественной истории на примере Э. С. Кульпина и Л. Н. Гумилева // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 101–106.

[617] Слепцов А. М., Клименко В. В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. 2005. № 1. С. 122.

[618] Там же. С. 125.

[619] Там же. С. 128.

[620] Там же. С. 122.

Я. Г. Риер пишет, что естественники обратили свой взор на исследование общественных процессов, и «это, в принципе, логично. Бурные социальные преобразования последнего времени касаются всех и кому, как не интеллектуальной элите, разбираться в глубинных основаниях и трендах происходящего» [621]. Но гуманитарии все же не находят однозначных ответов, не могут прийти к общему мнению, и лишь «отвечая на одни вопросы, ставят новые»[622]. А ведь есть еще и манипулирование фактами. «Особенно это относится к идеологизированным обществам, в которых манипулирование прошлым позволяет решать текущие политические задачи. Подобные упреки историкам часто приходится слышать от представителей *естественных* (курсив Я. Г.) наук»[623].

Как пишет Я. Г. Риер, те ученые из естественнонаучной и математической среды, которые «озабочены общественными проблемами и склонен к гуманитарному дискурсу, сами обратились к анализу исторических процессов»[624]. Возможно, желая показать историкам, как «правильно» заниматься историей, но, как пишет Я. Г. Риер, в итоге получается больше социология[625]. В междисциплинарных исследованиях нельзя «объять необъятное», заключает автор, но в том случае, если труд не коллективный, в котором участвуют профессионалы разных направлений и наук, автору следует быть предельно внимательным к границам собственной компетенции. Ибо неточности и ошибки даже в мелочах не только способны исказить получаемые результаты, но и вызвать недоверие к общим выводам»[626].

С точки зрения Я. Г. Риера лучше, если сами историки владеют математическим аппаратом и прибегают к соответствующим методам (например, уже упоминаемые работы по клиодинамике А. В. Коротаева, Н. Н. Крадина, П. В. Турчина). Еще лучше, когда объединяются соответствующие специалисты в интердисциплинарных исследованиях (например, В. В. Клименко,

---

[621] Риер Я. Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») // Природа и общество в эпоху перемен. М., 2014. Вып. XXXVIII. С. 222.

[622] Там же.

[623] Там же. С. 222–223.

[624] Там же. С. 223.

[625] Там же.

[626] Там же. С. 224.

В. В. Мацковский, Л. Ю. Пахомова, А. В. Коротаев, Д. Б. Прусаков). «Но обращаться к истории один на один «технарю», с его точки зрения, означает проявлять излишнюю самонадеянность[627]. Не нужно игнорировать возможности математики в исторических исследованиях. Нужно, однако, привнесенные извне методы встраивать в общую логику и контекст исторических процессов, чтобы математика – не «нависала» над историей, а использовалась исключительно в прикладных целях[628]. То же можно сказать и о методах других неисторических дисциплин, используемых для изучения исторических процессов. Но математику в истории применяли и задолго до появления СЕИ.

В целом методология СЕИ является не новой в науке, она признана во многих областях знаний, в том числе и в истории. Можно встретить подобное в геоархеологии, социальной антропологии, социобиологии, социальной экологии и т.д. Еще в 1920-е гг. была разработана программа функционального исследования археологического материала с применением методов естественных наук, большое значение стали придавать показаниям четвертичной геологии и палеоботаники[629]. Российские авторы, разрабатывающие подобные теории, например, А. В. Коротаев и Н. Н. Крадин (представители отечественного неоэволюционизма)[630] активно публикуются в сборниках СЕИ. Социоестественники используют свою методологию и на недавних периодах истории, а в центре внимания СЕИ феномен этноса, в частности ментальность этноса и ее формирование.

Системность и логичность

Как уже было сказано, СЕИ базируется на общей теории систем (Лео фон Берталанфи[631]), которая идет от целого к частному, от общего к конкретному. Целым в СЕИ является система из трех элементов: неживой, живой природы и

627 Риер Я. Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») // Природа и общество в эпоху перемен. М., 2014. Вып. XXXVIII. С. 250.

628 Там же. С. 251.

629 Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989. С. 38.

630 Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Неоэволюционизм // Теория и методология истории : учебник. Волгоград, 2014. С. 90–106.

631 Фон Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969, С. 23–82.

общества. Каждая подсистема, в свою очередь, тоже является системой для ее составляющих элементов.

В теории СЕИ неоднократно рассматриваются отдельные виды систем – биосфера, этнос – используются положения из синергетики.

«Биосфера – совокупность живых организмов, причем относительно Земли, это очень малая ее часть, всего лишь небольшая прослойка поверхности твердого тела Земли и малая часть атмосферы»[632]. Это сложная система, действующая как единый организм, т.е. как система, обладающая «не только определенными целями, но способностью следовать этим целям»[633].

Этнос рассматривается как закрытая система, характеризующаяся пластичностью, «состоящая из индивидуумов, не только осознающих свою принадлежность к системе, но и неосознанно непременно принадлежащих ей»[634]. Если рассматривать российский суперэтнос как систему, то, как считает Э. С. Кульпин, «она имеет цель, которую мы еще, видимо, не поняли (не случайно, умом Россию не понять). Но вне зависимости от того, поняли мы или нет, система «Россия» достигает своих целей»[635].

В целом, можно сказать, что критики относительно нарушения системности и логичности СЕИ не встречается, что выгодно отличает ее от теории Л. Н. Гумилева. Не вызывает данный аспект в общем построении концепции СЕИ каких бы то ни было серьезных замечаний и автора диссертации.

Методология СЕИ традиционна, она, конечно, соответствует тем тенденциям науки, которые сейчас общеприняты, поэтому и не существует негативной критики, в отличие от критики в адрес теории Л. Н. Гумилева.

---

[632] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 38.

[633] Там же. С. 76.

[634] Там же. С. 94.

[635] Там же. С. 76.

3.3 Влияние субъективных факторов на признание теории Э. С. Кульпина

Обратимся к жизни и научной деятельности Эдуарда Сальмановича Кульпина. Он родился в семье биологов и перенял многие знания родителей. Так, например, изучал работы и биографию одного из основоположников научного почвоведения – Василия Докучаева: «Родившись в семье биологов, я слышал о Докучаеве с детства»[636]. А ведь именно этот ученый рассматривается как предшественник синергетики и учения В. И. Вернадского о биосфере. Мать Эдуарда Сальмановича, Елена Иосифовна Кульпина, была ботаником. Отец и дед являлись учеными: дед – Газиз Салихович Губайдуллин – был ученым-тюркологом, профессором, деканом восточного факультета Азербайджанского государственного университета, а также татарским публицистом и писателем. Газиз Салихович был расстрелян в 1937-м году[637]. Отец – Сальман Газизович Губайдуллин – почвовед, мелиоратор, кандидат биологических наук. Эдуард Сальманович перенял научные интересы деда и отца, причем ему удалось совместить воедино оба направления: историю и биологию. Он являлся членом КПСС, работал с 1970-х годов в Институте Международного движения АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию по экономике в 1975 году.

Лев Николаевич подвергался гонениям и арестам, Эдуард Сальманович же пишет: «Напрямую запрещен не был и получал приличную по тем временам зарплату старшего научного сотрудника»[638], но вторую часть кандидатской диссертации не приняли к печати, также как и статьи по ней. Публиковался он под псевдонимом. В 1984 г. рукопись монографии «Человек и природа в Китае» (история за 3 тыс. лет) была обсуждена в Институте востоковедения и рекомендована одновременно и к печати, и защите докторской. Но не печатались ни книга, ни статьи, следовательно, и докторскую диссертацию было не защитить.

---

[636]Кульпин-Губайдуллин Э. С. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 104.

[637] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Эпоха и жизнь Газиза Губайдуллина // Бюллетень Общества востоковедов. 2012. Приложение 7 : Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920–1930 гг. : материалы конференции. Москва, 28–29 июня 2012 г. М., 2012. С. 59.

[638] Переписка с Э. С. Кульпиным, 23.01.2014 // Материалы из личного архива автора.

Лишь с 1987 г. статьи стали публиковаться в «Народах Азии и Африки» и других журналах. Но книга, рекомендованная и принятая к печати, так и не выходила. «Предлагали «исправить» ее: чтобы в основе был К. Маркс, а не Макс Вебер. Не соглашался. Когда заявил, что по примеру Гумилева, депонирую, издали в 1990 г. Разошлась в 2 недели, сразу став библиографической редкостью. Защищал уже не ее, а новую научную дисциплину»[639]. В некоторой степени Э. С. Кульпин напрямую отождествляет себя с Гумилевым.

Путь Эдуарда Сальмановича не был беспрепятственным, его идеи были необычными для марксистской традиции, хотя и явно не противоречили им. У него были сложности с признанием, но в отличие от Л. Н. Гумилева он не попал в лагерь и стал признанным ученым. Однако уже наступали другие времена. В 1991 г. он перешел на работу в Институт востоковедения РАН. В 1992 году получил степень доктора философских наук за диссертацию «Социоестественная история: понятие и проблемы», стал организатором ежегодной международной конференции в Крыму, сумел создать свою научную школу, в дальнейшем стал заведующим кафедрой истории Московского физико-технического института. При этом нельзя не отметить, что Эдуарду Сальмановичу были присущи волевые черты руководителя. Особо ярко и остро это проявилось в 2014 г., когда ему необходимо было организовать и провести очередную конференцию в Крыму. Тогда многие из коллег осудили Э. С. Кульпина. Но он оставался непреклонен, сумел провести конференцию в непростой политической ситуации[640].

В книге «Выход из транса» Г. С. Померанц заявляет, что на Западе теория пассионарности воспринимается как парафраз теории харизмы Макса Вебера, а именно на него и опирается СЕИ. Г. Померанц находит важное отличие теории Вебера от теории Л. Н. Гумилева: каждая модель Вебера – это инструмент, приспособленный к решению определенной задачи, логическая схема одного аспекта истории, а не всей истории. А концепция Гумилева – это объяснение

[639] Переписка с Э. С. Кульпиным, 23.01.2014 // Материалы из личного архива автора.

[640] Анализ реализации методологического синтеза Э. С. Кульпиным впервые опубликован в: Маслова Е. К., Хазанов О. В. Социоестественная история как попытка реализации стратегии методологического синтеза // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 117–121.

«всех», «всей» и «всего». Вебер увлекал только ученых, а интерес к теории этносов – массовый идеологический интерес[641]. Именно поэтому Л. Н. Гумилев и стремился к созданию детерминистической теории – чтобы противопоставить ее марксизму, а Э. С. Кульпину не нужно было противопоставлять свою теорию ни марксизму, ни чему-то другому. С точки зрения научности, это еще один факт в пользу теории Э. С. Кульпина, поскольку для науки необходимы пределы концепции, историческая теория всегда по поводу чего-то конкретного, и Л. Н. Гумилев, стал подвергаться жесткой критике со стороны научного сообщества именно тогда, когда вывел теорию пассионарности, которая объясняла практически все. Поэтому сводить причины критики теории Л. Н. Гумилева только к «субъективному» фактору нельзя. У этой критики были и совершенно очевидные «объективные» параметры.

Как уже говорилось, Лев Гумилев во многом получил популярность благодаря неординарности его идей для людей того времени, ограниченных рамками одной государственной идеологии. Р. И. Якупов говорит про концепцию СЕИ то же самое: «Тогда, в начале 1990-х гг., в раннем постсоветском пространстве всякое нестандартное явление и всякая новая тенденция в развитии гуманитарных наук (впрочем, и в других областях общественной жизни) воспринимались как нечто экстраординарное и ни на что не похожее, были для нас глотком «свежего воздуха перемен»[642].

Немаловажную роль в признании теории играют и личностные взаимоотношения ее автора. Например, Л. Н. Гумилев тяжело переживал критику, не соглашался с высказанными замечаниями, не стремился сгладить острые углы и т. д. Такая негативная реакция на критику и признание самого себя «гениальным ученым», безусловно, убавили количество голосов в его поддержку. Э. С. Кульпин, действуя в русле в том числе и западной науки, определил для себя «границы компетентности», не претендуя на объяснение всего. Спорные вопросы,

---

[641] Померанц Г. С. Выход из транса. М., 1995. С. 354–358.

[642] Якупов Р. И. Социоестественная история: науковедческий анализ // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 9.

которые присутствуют и которые могли бы бросить тень на СЕИ, признаются спорными, а не априорными.

Эдуард Сальманович благожелательно принимал критику и старался найти компромисс не только между гуманитариями и естественниками, но и с людьми с иной, отличной от его, точкой зрения. Можно найти некоторые упоминания о тех моментах, когда с ним не соглашались. И сам Э. С. Кульпин это показывает: «Я хотел бы вспомнить свой давний разговор с А. А. Бокщаниным. Он говорил, что я рассматриваю почти двухтысячелетний период истории Китая очень глобально, как подчиняющийся одним и тем же закономерностям. Но ведь для меня, – говорил Бокщанин, – например, Хань и Тан – это разные страны, разные этносы, разные люди»[643]. Но тут он согласен с критиком: «Система не помнит своего прошлого. Действительно, вроде бы почти все элементы остаются, но в целом это уже другой этнос, и тут Бокщанин прав»[644]. Т. Ф. Столярова вспоминает, что Эдуард Сальманович «был открыт для любой критики и часто даже просил ее. Всегда был терпелив и благожелателен, даже по отношению к авторам непозитивных наскоков»[645], а в научной полемике «всегда был корректен, спокоен и убедителен, проявляя обширные и разнообразные знания»[646].

А. П. Назаретян также отмечает его умение принимать чужое мнение: «Он умел так искренне уважать чужие мнения, с добрым юмором относиться к людским недостаткам, настолько возвышался над финансовыми, национальными, религиозными и прочими мелочными амбициями, что невозможно даже представить себе, чтобы Эдуард на кого-то «обиделся», испытывал к кому-либо личную или идеологическую вражду»[647]. Такая толерантность не позволяла разгореться критике в его адрес. При этом, достигая компромисса, он никогда не отходил от положений своей теории, он не умалял значимость своей теории СЕИ,

---

[643] Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград, 2014. С. 45.

[644] Там же. С. 45.

[645] Столярова Т. Ф. Памяти большого ученого и замечательного человека // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 215.

[646] Там же. С. 216.

[647] Назаретян А. П. Памяти Эдуарда Сальмановича Кульпина // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 206.

а наоборот, активно ее продвигал как новое, с его точки зрения, направление в науке, как поле деятельности, способное стать самостоятельной дисциплиной. Ради ее продвижения он устраивал конференции, читал лекции в различных городах (в частности, приезжал в Томск), словом, активно распространял свои идеи. Но в отличие от Л. Н. Гумилева он всегда подстраховывался, чтобы не навлечь на себя лишних вопросов.

Один из объективных признаков научности – выраженность особым языком. П. Бурдье говорит, что наука утверждала себя через оппозицию легковесности и фривольности светского языка. В итоге историк часто вынужден выбирать: писать или слишком хорошо, что может обеспечить литературные прибыли, но поставит под угрозу эффект научности, или писать плохо, что может произвести эффект строгости и глубины, но в ущерб светскому успеху[648]. Э. С. Кульпин выбрал написание научных текстов формализованным и общепринятым научным стилем.

Проблема научности ставит вопрос о ее критериях, но они не универсальны, они подвижны и меняются в зависимости от времени. Часто важными в признании научной или ненаучной той или иной концепции оказываются субъективные подходы ученых, составляющих современное автору концепции научное сообщество, чье конвенциональное мнение в итоге и определяет признание либо непризнание его теории в качестве научной. Л. Н. Гумилев жил в эпоху марксизма, и его теория сразу получила статус «антимарксистской», что приводило к трудностям в признании его ученым, но, в то же время, как и трагическая судьба автора, привлекло к нему внимание и сделало общественным феноменом. Э. С. Кульпин создал свою концепцию СЕИ уже в постсоветское время, когда не нужно было бороться за признание с довлеющей идеологией и основания научности изменились, однако, возможно, поэтому и столь огромного внимания и неоднозначных оценок не вызвала. К тому же методология СЕИ традиционна и соответствует общепринятым тенденциям науки.

[648] Бурдье П. Homo academicus. М., 2018. С. 61.

Заключение

Критерии научности не постоянны, они изменялись в зависимости от стадии развития науки или политической ситуации. На каждом этапе ученое сообщество решало, какие концепции определить как научные, а какие – нет. Данный процесс показывает конвенциональную природу научного знания и одновременно нестабильность научной конвенции.

Рассмотрев разные варианты построения критериев научности, можно сделать вывод о том, что они оказываются весьма схожими. Важными в большинстве рассмотренных случаях выделяют и используют для проверки теории на научность следующие критерии:

1. Соответствие известным фактам.

2. Эвристичность, возможность верификации/фальсификации, применимость теории, ее объяснительная и предсказательная сила.

3. Непротиворечивость устоявшимся теориям и методам.

4. Системность и логичность.

Их условно можно назвать «объективными», то есть конвенционально одобренными научным сообществом и применяемыми к научным теориям с целью проверки их на научность. Эти критерии не зависят от личности автора, а исключительно от самого содержания теории.

Также существуют еще «субъективные» признаки научности теории, которые влияют на решение вопроса о научности. При этом, само научное сообщество может не осознавать, а иногда даже скрывать свой субъективизм. Важнее оказывается не то, что и как написано, а то, **кто** это написал и **как** он себя позиционирует в общении с коллегами. На результат восприятия научной теории могут влиять и эмоциональные пристрастия вовлеченных в обсуждение ученых.

Поэтому в любом случае важным будет оставаться то время, в котором живет ученый – автор теории, поскольку именно оно определяет особенности научной жизни, присущие тому или иному периоду. Выделенные аспекты научности помогли в выявлении тех оснований, по которым ученые определяли

научность или ненаучность теории Л. Н. Гумилева, и по которым его теорию оценивали иначе, чем теорию Э. С. Кульпина.

Применив к теории Л. Н. Гумилева критерий **соответствия известным фактам**, делаем вывод, что фактам соответствуют наиболее общие тезисы теории этногенеза, тогда как конкретные события ставятся под сомнение критиками Гумилева чаще. Множество замечаний от различных ученых звучало в адрес недостоверности исторических данных. Отдельным недоказанным его открытием является теория пассионарности, которую Л. Н. Гумилев сам называл гипотезой. Ее поддерживают, в основном, только его последователи, но многие другие ученые не считают научной концепцией. Измерить пассионарность до сих пор нельзя. Если считать пассионарность удобной и применимой гипотезой, то Лев Гумилев не воспринимается столь однозначно как «лжеученый».

Пассионарная теория этногенеза по формальным признакам **неэвристична.** Возможность фальсификации гипотезы Лев Николаевич не прописал. Однако однозначно обвинить его в отсутствии поиска противоречий нельзя, он пытался встроить их в свою теорию. Но вновь обозначается проблема: для одних ученых (в основном его последователей) теория эвристична, для других – нет. Конвенционального общепринятого решения нет. Таким образом, эвристичность в качестве определяющего критерия научности исторических исследований может работать не всегда.

Проверив концепцию на **непротиворечивость устоявшимся теориям**, можем сделать вывод, что идея межэтнических контактов, предусматривающая в том числе негативные формы взаимодействия этносов, расходится с уже сложившимся представлением в науке. Описанное Л. Н. Гумилевым этническое поле воспринимается как этническая близость или, наоборот, чуждость. Его теория «химер» получила много неодобрительных отзывов и нелестных сравнений. Определение термина «этнос» также расходилось с некоторыми принятыми в науке, но единства в вопросе определения природы этноса в научном сообществе до сих пор нет.

Если говорить о соответствии теории критерию **непротиворечивости устоявшимся методам**, то Л. Н. Гумилев заявлял использование различных методов в своей работе, в том числе не сугубо исторических. В то же время, он использовал и биографический метод, высоко оценивая влияние отдельной личности на исторический процесс. Л. Н. Гумилева часто критиковали за вольное обращение с терминами, за неправильное построение схем и графиков, объявление «историческим фактом» недоказанных суждений. Но есть у Гумилева и работа соответствующая стандартам социоестественного исследования – изучение усыхания/увлажнения степной зоны. Как было показано, многие авторы исследуют влияние аридизации, климатических и ландшафтных перестроек, привлекают в своих работах книги и статьи Льва Николаевича по истории хунну, древних тюрков.

Проверив **системность** в концепции Л. Н. Гумилева, можно сделать вывод, что она там, безусловно, есть. Система доказательств автора строится на взаимосвязях, одной из которых является связь человека и природы. Само понятие этноса рассматривается Л. Н. Гумилевым как системообразующая и системная единица. Л. Н. Гумилев стремился сделать свою теорию более естественнонаучной и, следовательно, он должен был четко ее систематизировать.

Присутствуют в пассионарной теории этногенеза **логические противоречия** и замкнутые круги. Например, пассионарность является незаменимой для концепции Гумилева, и все нерешенные вопросы внутри теории он объясняет именно через пассионарность.

В итоге можем сделать вывод, что критерий логичности и системности недостаточный признак. Теория может быть логична и стройна, но это не означает, что она научна. Выводы должны быть приняты ученым сообществом, близким по теме исследования.

Теория Л. Н. Гумилева соответствует общепринятым фактам не целиком. Она системна и внутренне логична, но не эвристична, не верифицируема и не фальсифицируема средствами современной науки. Не противоречит устоявшимся методам, но применяются они не всегда корректно, не противоречит устоявшимся теориям. Она является результатом большой обобщающей работы по мировой

истории и, несмотря на многие ошибки, недоказанные факты, она подводила итоги предшествующим знаниям и ставила некоторые новые проблемы и вопросы, которые ранее у исследователей не возникали. А термин «пассионарность», который так и не получил убедительного и полноценного доказательства, вошел не только в публицистический, но и в научный дискурс, отражая специфику неравномерной динамики исторического процесса. Так, в социологии и этнологии, он стал обозначать свойство сообщества увеличивать свою численность и расширять ареал обитания, то есть способность увеличивать репродуктивные и территориальные ресурсы[649].

Наряду с формальными аспектами научности теории всегда существуют и другие субъективные причины признания или непризнания ее научной. Поэтому, важно помнить, где и в какое время жил и работал Л. Н. Гумилев. На фоне скучных, хотя и идейно выдержанных трудов большинства официальных историков, книги Гумилева ощущались глотком свежего воздуха, ворвавшимся в душную идейную атмосферу. В них был иной взгляд на прошлое. Но его идеи не считались научными с точки зрения господствующей идеологии. В последние же советские годы были изданы многие его работы, в том числе «Этногенез и биосфера Земли». Определение того, что научно, а что нет, изменилось, и это подтверждает то, что научные критерии являются конвенциональными.

Помимо погрешностей внутри самой теории, есть много и субъективных причин, по которым Гумилева относили к лжеученым. Коллеги, на суд которых, в конце концов, отдается любая новая теория, принимали свое решение, не только ознакомившись с текстом работы (который многим был недоступен), но и в общении с самим автором. Он резко и грубо реагировал на критику, считал свою теорию абсолютной и непогрешимой, делал эпатажные заявления, нарушая общепринятые каноны научной коммуникации.

Л. Н. Гумилев не создал научной школы, но у него много последователей и сейчас. Некоторые положения теории нуждаются в дополнении и изменении, но это не означает необходимости полностью от нее отказаться.

---

[649] Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 1. С. 168–177.

Популярность теории Л. Н. Гумилева бесспорна, он стал значимым общественным феноменом еще при жизни, не будучи в представлении многих ученым. Этому поспособствовала и его непростая судьба. Трагичный жизненный опыт лишь подогревал интерес к его персоне. Критиками отмечается влияние тюремного заключения.

В период своей активной научной деятельности Л. Н. Гумилев находился в условиях советской действительности, и, хотя в Европе уже распространялись идеи, относимые к неклассическим и постнеклассическим периодам науки, у него же сохранялись жестко заданные государством рамки единственно верной истины. И коллеги-современники, критиковавшие его, тоже исходили именно из классических убеждений. Сейчас наука находится на другом этапе развития, который характеризуется менее жесткими рамками теорий, допускает различные интерпретации и свободу мышления. При таком ракурсе концепция Л. Н. Гумилева может быть рассмотрена принципиально иначе. Однако все же идеи постнеклассики еще не доминируют в научном сообществе при определении научности теории, а являются одной из возможных интерпретаций.

Применив к СЕИ критерии научности делаем вывод, что она **соответствует известным фактам**. СЕИ использует в основном устоявшиеся мнения, идеи, указывает преемственность, в том числе и небольшое влияние гипотезы Л. Н. Гумилева, хотя признание большой роли Л. Н. Гумилева в становлении СЕИ могло бы вызвать к ней вопрос относительно научности. Сейчас можно говорить о том, что взгляды Гумилева оказали воздействие на большое количество ученых и появление новых идей, в том числе и СЕИ, тем более что основу его гипотезы и самый спорный постулат – пассионарность – в СЕИ не используют.

Научные выводы СЕИ соотносятся со сложившейся картиной мира. Официальных опровержений теорий СЕИ не встречается. Не встречается критики за необоснованное использование недоказанных фактов в качестве неопровержимых. Наоборот, аккуратно обходятся все возможные недоказанные положения. В концепции не присутствуют ненаучные характеристики, а все спорные вопросы остаются спорными, а не априорными: не делается резких утверждений и шокирующих выводов.

Близкими оказываются у Э. С. Кульпина и Л. Н. Гумилева понимания взаимоотношений Руси и Золотой Орды. Особый взгляд на формирование именно русского этноса тоже сближает обе концепции: История России – это история не русского этноса, но в основе своей славяно-тюркского суперэтноса.

Несмотря на спорное мнение о существовании золотоордынской цивилизации, концепция СЕИ соответствует общепринятым научным положениям. Не встречается разгромной критики, в отличие от Л. Н. Гумилева.

СЕИ **эвристична**, стремиться искать не только подтверждающие факты, но и опровергающие, чтобы посредством споров и доказательств аргументировать верность своей теории, доказать ее научность. Методы СЕИ применяется при изучении различных научных проблем. Авторы СЕИ имеют самую разную специализацию. Признаков, которые указывали бы на неэвристичность концепции, не замечено, есть возможность построения вероятностных прогнозов. В целом по критерию эвристичности концепция СЕИ соответствует нормам научности.

Что касается **непротиворечивости устоявшимся теориям и методам**, то междисциплинарный подход успешно используется, как было показано, но по большей части для изучения бесписьменных обществ. В изучении событий не столь давних важность письменных источников бесспорна. В СЕИ, заявляется, что письменные источники – субъективны, тем не менее, с ними соотносят данные полученные иными способами, поскольку СЕИ лишь дополняет то, что уже известно и изучено в других исторических подходах.

Отдельным моментом выступает заявление Э. С. Кульпина о том, что, исходя из значимости свидетельств естественных наук, СЕИ не изучает поступки отдельной личности. Л. Н. Гумилев же писал, что личность способна влиять на историю, хоть и не в основном ее течении. В СЕИ, как и в случае с нарративными источниками, не отрицается такое влияние, но оно просто не изучается, поскольку поступки отдельного человека не выявляют глобальной взаимосвязи между обществом и природой. Но полностью отказаться от изучения роли личности у СЕИ не получилось, так как работы на эту тему встречаются.

Э. С. Кульпин, как и Л. Н. Гумилев, был человеком обширных знаний, но основу его метода можно считать своеобразное разделение труда: руководство коллективным творчеством различных специалистов, для решения научных проблем. Э. С. Кульпин при создании теории СЕИ действовал в рамках общепринятых теорий и методов и в ситуации допустимости плюрализма концептуальных оснований. Комплексное исследование помогает не разгореться критике со стороны узких специалистов, так как именно такие специалисты и участвуют в работе СЕИ. В отличие от теории Л. Н. Гумилева критики и обвинений СЕИ в лженаучности не встречается. Не вызывает в общем построении концепция СЕИ каких бы то ни было серьезных замечаний и автора диссертации.

Основные термины СЕИ, например, «бифуркация», «суперэтнос», «цивилизация» и т. д. общеизвестны, и также употребляются Львом Гумилевым. Но в тоже время не все понятия прижились в науке. Так, например, понятие социально-экологического кризиса, введенное Э. С. Кульпиным, как утверждает политолог В. И. Пантин, пока еще не укоренилось ни в традиционной истории, ни в других гуманитарных и общественных науках[650].

Графики и схемы точны и измеримы, и в целом методология СЕИ является не новой в науке, она признана во многих областях знаний, в том числе и в истории. Можно встретить подобное в геоархеологии, социальной антропологии, социобиологии, социальной экологии и т.д. Еще в 1920-е гг. была разработана программа функционального исследования археологического материала с применением методов естественных наук, большое значение стали придавать показаниям четвертичной геологии и палеоботаники[651]. Российские авторы, разрабатывающие подобные теории, например, А. В. Коротаев и Н. Н. Крадин (представители отечественного неоэволюционизма)[652] активно публикуются в сборниках СЕИ. Социоестественники используют свою методологию и на недавних периодах истории, а в центре внимания СЕИ феномен этноса, в частности ментальность этноса и ее формирование.

---

[650] Пантин В. И. Роль личности в науке // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 202.

[651] Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989. С. 38.

[652] Коротаев А. В, Крадин Н. Н. Неоэволюционизм // Теория и методология истории : учебник. Волгоград, 2014. С. 90–106.

Относительно нарушения **системности и логичности** СЕИ критики не встречается, что выгодно отличает ее от теории Л. Н. Гумилева. Не вызывает данный аспект в общем построении концепции СЕИ каких бы то ни было серьезных замечаний и автора диссертации.

В целом, методология СЕИ традиционна, она, конечно, соответствует тем тенденциям науки, которые сейчас общеприняты, поэтому и не существует негативной критики, в отличие от критики в адрес теории Л. Н. Гумилева. Социоестественная история для западной науки не является новым явлением, подобные исследования уже не набирают популярность, а давно и успешно утвердились. В западной науке Nature and Technology in History – уже сложившаяся отрасль.

Жизненный путь Эдуарда Сальмановича не был беспрепятственным, его идеи были необычными для марксистской традиции, хотя и явно не противоречили им. У него были сложности с признанием, но в отличие от Л. Н. Гумилева он не попал в лагерь и стал признанным ученым. Э. С. Кульпин, действуя в русле в том числе и западной науки, определил для себя «границы компетентности», не претендуя на объяснение всего. Спорные вопросы, которые присутствуют и которые могли бы бросить тень на СЕИ, признаются спорными, а не априорными. Эдуард Сальманович благожелательно принимал критику и старался найти компромисс не только между гуманитариями и естественниками, но и с людьми с иной, отличной от его, точкой зрения.

Э. С. Кульпин выбрал написание научных текстов формализованным и общепринятым научным стилем. Отсутствие шокирующих метафор не будет лишний раз смущать критиков и ставить под сомнение научность текста, что как раз и случилось с работами Л. Н. Гумилева.

Часто важными в признании научной или ненаучной той или иной концепции оказываются субъективные подходы ученых, составляющих современное автору концепции научное сообщество, чье конвенциональное мнение в итоге и определяет признание либо непризнание его теории в качестве научной. Л. Н. Гумилев жил в эпоху марксизма, и его теория сразу получила

статус «антимарксистской», что приводило к трудностям в признании его ученым, но, в то же время, как и трагическая судьба автора, привлекло к нему внимание и сделало общественным феноменом.

Методология СЕИ соответствует тем тенденциям науки, которые сейчас общеприняты, междисциплинарность прочно вошла в научные исследования. Э. С. Кульпин системно использует ее на своем материале, на своих источниках. Ничего идеологического в его теории не было, каких-либо этнических предубеждений в его текстах и выступлениях не обнаруживалось, на абсолютное объяснение всех событий в истории он не претендовал. К тому же Э. С. Кульпин создал свою концепцию СЕИ уже в постсоветское время, когда не нужно было бороться за признание с довлеющей идеологией и основания научности изменились, однако, возможно, поэтому и столь огромного внимания она не вызвала.

В конце концов, принять или не принять теорию решает научное сообщество. И чем больше теория глобальная и неортодоксальная, тем больше к ней возникает вопросов относительно научности. По-прежнему есть спорные фигуры, как Л. Н. Гумилев, и в рамках одних и тех же критериев кто-то считает его лжеученым, кто-то нет. Судьба Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина показывает, что в зависимости от того, в каком положении находятся представления о научности в целом, реакция научного сообщества на теорию может быть разной.

По мнению автора диссертации, ни Л. Н. Гумилев, ни Э. С. Кульпин не относятся к лженауке. Они не отрицали все, что создано учеными до них, они не подтасовывали факты, не маскировались под науку, а жили ей. Поэтому в данной работе демаркация проводится не между наукой – лженаукой, а скорее между научным и ненаучным внутри научного сообщества в соответствии с тем, какими этому сообществу видятся в данный момент критерии «научности». А критерии этого деления в любом случае не абсолютны, а конвенциональны.

В целом, несмотря на то, что существуют постмодерн и постпостмодерн, для ученых-практиков, непосредственно работающих с источниками, критерии все же остаются классические. И сейчас есть авторы, которые писали и пишут в

классическом понимании научности, оно составляет основу их репутации, а «мягкие» и «субъективные» критерии лишь усиливают эффект. И это показала сама практика оценки работ Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина. Реакция научного сообщества исходила именно из классических аспектов, и это была конвенция.

Сейчас конвенция меняется, то, что в эпоху СССР могло бросить тень на концепцию СЕИ, Э. С. Кульпин опубликовал только в 1990-е годы, а теперь, когда о многом можно говорить открыто, пассионарная теория этногенеза уже не всегда воспринимается как образец ненаучности, и тем более, «лженаучности». Если бы Лев Николаевич писал сейчас, то писал бы по-другому и реакция, скорее всего, была бы другой. Время как главный критерий проверяет и научные теории, и сами критерии.

Перспективным направлением дальнейших научных исследований представляется поиск в области применения критериев научности к междисциплинарным исследованиям.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрение [Электронный ресурс] // Gumilevica. – Электрон. дан. – СПб., 1998. – URL: http://gumilevica.kulichki.net/ (дата обращения 13.06.2018).

2. Акопян А. С. Человеческий капитал и биосоциальные детерминанты демографического роста / А. С. Акопян // История и современность. – 2011. – № 1 (13). – С. 68–92.

3. Аксенова О. В. Иллюзия экологической модернизации / О. В. Аксенова // История и современность. – 2011. – № 2 (14). – С. 103–113.

4. Аксенова О. В. Магистральный газопровод в приграничном районе (Местная политика добывающей корпорации и согласование интересов социальных групп) / О. В. Аксенова // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 73–92.

5. Александровская Е. И. Антропохимический фактор в эволюции европейской цивилизации / Е. И. Александровская, А. Л. Александровский // История и современность. – 2010. – № 1 (11). – С. 148–177.

6. Алпатов В. М. Японская природа и японский язык / В. М. Алпатов // История и современность. – 2007. – № 2. – С. 219–230.

7. Антипова А. В. Природно-исторические ситуации и менталитет россиян / А. В. Антипова, С. Костовска // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 144–166.

8. Блюмхен С. И. «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня / С. И. Блюхмен // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 138–145.

9. Боринская С. А. Влияние факторов природной и антропогенной среды на популяционно-генетические характеристики человека / С. А. Боринская // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 142–153.

10. Борисова Е. А. Особенности водного кризиса в Центральной Азии / Е. А. Борисова // История и современность. – 2012. – № 1(15). – С. 140–148.

11. Борисова Е. А. Споры вокруг Рогунской ГЭС / Е. А. Борисова // История и современность. – 2011. – № 1 (13). – С. 93–106.

12. Борисова Е. А. Эволюция взглядов на изменение климата в Центральной Азии / Е. А. Борисова // История и современность. – 2013. – № 1 (17). – С. 110–124.

13. В. Огрызко вел беседу с Л. Н. Гумилевым // Советская литература. – 1990. – № 1. – С. 72–76.

14. Владимирский Б. М. Солнечно-биосферные связи. Полвека спустя после А. Л. Чижевского / Б. М. Владимирский // История и современность. – 2009. – № 2(10). – С. 119–131.

15. Гирусов Э. В. Система «общество–природа» / Э. В. Гирусов. – М. : Изд-во МГУ, 1976. – 167 с.

16. Голубев В. С. К проблеме теоретических основ СЕИ (с позиции естественно-гуманитарного синтеза) / В. С. Голубев // История и современность. – 2016. – № 2 (24). – С. 21–40.

17. Гринин Л. Е. Личность в истории: эволюция взглядов / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2010. – № 2. – С. 3–44.

18. Гринин Л. Е. Личность в истории: современные подходы / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2011. – № 1 (13). – С. 3–41.

19. Гринин Л. Е. Производственные революции как важнейшие рубежи истории / Л. Е. Гринин // Человек и природа: противостояние и гармония / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина. – М., 2011. – С. 191–221. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XXIX).

20. Гумилев Л. Н. Автобиография. Воспоминания о родителях / Л. Н. Гумилев // Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М., 2003. – С. 7–16.

21. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – СПб. : изд-во «Арбис», 1994. – 383 с.

22. Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос – 5) / Л. Н. Гумилев // Вестник ЛГУ. – 1966. – № 18. – С. 81–90.

23. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. – М. : Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992. – 520 с.

24. Гумилев Л. Н. Горе от иллюзий / Л. Н. Гумилев, В. Ю. Ермолаев // Вестник высшей школы (Alma Mater) – 1992. – № 7–9. – С. 6–14.

25. Гумилев Л. Н. Зигзаг истории / Л. Н. Гумилев // Открытие Хазарии. – М. : Айрис-пресс Рольф, 2001. – С. 251–362.

26. Гумилев Л. Н. Этносфера и Космос / Л. Н. Гумилев, К. П. Иванов // Космическая антропоэкология : техника и методы исследования : материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии. Ленинград, 02–06 июня 1984 г. Л., 1988. С. 211–220.

27. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрение. – Электрон. дан. – СПб, 1998. – URL: http://gumilevica.kulichki.net/EAB/index.html (дата обращения 21.12.2017).

28. Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем / Л. Н. Гумилев // Наш современник. – 1991. – № 1. – С. 62–70.

29. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс Рольф, 2001. – 411 с.

30. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев ; послесловие С. Б. Лаврова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 320 с.

31. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев ; предислов. С. Б. Лаврова. – М. : Экопрос, 1993 . – 576 с.

32. Гумилев Л. Н. Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии / Л. Н. Гумилев, С. И. Руденко // Известия Всесоюзного географического общества. – 1966. – № 3. – С. 240–246.

33. Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) / Л. Н. Гумилев // Открытие Хазарии. – М. : Айрис-пресс Рольф, 2001. – С. 221–241.

34. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 384 с.

35. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2002. – 560 с.

36. Гундаров И. А. Новая стратегия повышения рождаемости / И. А. Гундаров // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 115–129.

37. Давыдова С. И. Лидеры и сети современных экологических движений / С. И. Давыдова, И. Б. Мардарь, О. А. Усачева // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 117–127.

38. Дубовицкий В. В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу / В. В. Дубовицкий // История и современность. – 2010. – № 2 (12). – С. 86–111.

39. Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) / В. Л. Дьячков // История и современность. – 2014. – № 1 (19). – С. 128–141.

40. Емельянов В. В. Евразийство и пассионарная теория как диагноз [Электронный ресурс] // Живой Журнал. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: https://ibigdan.livejournal.com/22630964.html (дата обращения 10.10.2018).

41. Енгоян О. З. Сотрудничество научной и экологической общественности в процессе формирования гражданского общества / О. З. Енгоян // История и современность. – 2009. – № 2 (10). – С. 132–139.

42. Ермолаев В. Ю. Был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого? (по материалам писем Л. Н. Гумилева 1956–1961 гг.) / В. Ю. Ермолаев // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – № 1 (21). – С. 205–212.

43. Ермолаев В. Ю. Этногенез и социальная география городов России: автореф. дис. … канд. геогр. наук : 11.00.03 / Ермолаев Вячеслав Юрьевич [Электронный ресурс] // Gumilevica. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1998. – URL: http://gumilevica.kulichki.com/EVU/evu10.htm (дата обращения 13.06.2018).

44. Зинькина Ю. В. Влияние природы на политические и экономические процессы (на примере Ливана и Сирии) / Ю. В. Зинькина // История и современность. – 2007. – № 2. – С. 231–233.

45. Зубаков В. А. Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога: ипостаси глобализации и императивы выживания / В. А. Зубаков // История и современность. – 2006. – № 2. – С. 103–153.

46. Иванов Д. П. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг. / Д. П. Иванов, В. В. Канищев // История и современность. – 2010. – № 2 (12). – С. 112–125.

47. Иванов К. П. Эколого-географическое исследование сельскохозяйственного населения нечерноземной зоны РСФСР : автореф. дис. … канд. геогр. наук / Иванов Константин Павлович. – Л., 1985. – 19 с.

48. Канищев В. В. Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни) / В. В. Канищев, Е. В. Баранова, Н. А. Жиров // История и современность. – 2014. – № 2 (20). – С. 92–111.

49. Карпачевский Л. О. Особенности формирования Среднерусской полосы / Л. О. Карпачевский // История и современность. – 2012. – № 1 (15). – С. 149–156.

50. Карпачевский Л. О. Почвы и переселения народов / Л. О. Карпачевский, Т. А. Зубкова // История и современность. – 2011. – № 1 (13). – С. 107–113.

51. Карпачевский Л. О. Советская цивилизация и утопия: мысли естественника / Л. О. Карпачевский // История и современность. – 2010. – № 1 (11). – С. 132–147.

52. Клименко В. В. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века / В. В. Клименко, В. В. Мацковский, Л. Ю. Пахомова // История и современность. – 2012. – № 2 (16). – С. 130–163.

53. Клименко В. В. Миллиард тонн топлива для России – меньше, чем необходимо / В. В. Клименко, А. Г. Терешин // История и современность. – 2015. – № 1 (21). – С. 127–141.

54. Клименко В. В. Мировая энергетика и климат планеты в XXI веке человека / В. В. Клименко, А. Г. Терешин // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 87–94.

55. Клименко В. В. Мировая энергетика после парижской климатической конференции 2015 года: quo vadis? / В. В. Клименко, О. В. Микушина, А. Г. Терешин // История и современность. – 2016. – № 2 (24). – С. 162–173.

56. Клименко В. В. Необычная динамика глобальной температуры в начале XXI в.: естественные факторы против антропогенных / В. В. Клименко, О. В. Микушина // История и современность. – 2011. – № 2 (14). – С. 93–102.

57. Клименко В. В. Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в северо-восточной Европе (VIII–XII в.) / В. В. Клименко, В. В. Мацковский, Л. Ю. Пахомова // Человек и природа в пространстве и времени / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина, соредактор Е. А. Борисова. – М., 2012. – С. 47–87. (Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России», вып. XXXVI).

58. Клименко В. В. Сланцевый газ – энергетическое чудо или климатическая катастрофа? / В. В. Клименко, А. Г. Терешин // История и современность. – 2013. – № 2 (18). – С. 136–155.

59. Ковалев И. В. Эколого-функциональная роль почв в развитии цивилизации / И. В. Ковалев, Н. О. Ковалева // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 93–114.

60. Ковалева Н. О. Культурный слой усадеб – носитель информации о взаимодействии природы и общества / Н. О. Ковалева, Е. М. Столпникова, И. В. Ковалев // История и современность. – 2013. – № 1 (17). – С. 125–132.

61. Ковалева Н. О. Оригинальные технологии водоснабжения средневековых городов в Крыму / Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев, Е. М. Столпникова // История и современность. – 2015. – № 1 (21). – С. 142–155.

62. Ковалева Н. О. Роль Г. В. Добровольского в развитии почвоведения / Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев // История и современность. – 2013. – № 2 (18). – С. 155–161.

63. Ковалева Н. О. Усадебное строительство в России как новый способ освоения окружающей природной среды и элемент ландшафтной политики / Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев // История и современность. – 2010. – № 2 (12). – С. 126–139.

64. Коваленко М. И. Учение Л. Н. Гумилева и пути развития России. Международная конференция Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций [Электронный ресурс] // Наследие :информационно-аналитический портал. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1999–2007. – URL: http://old.nasledie.ru/ipravo/20_10/21_2/article.php?art=0 дата обращения 30.01.2019).

65. Кондорский Б. М. Крым как периферия цивилизационных ойкумен / Б. М. Кондорский // Человек и природа в пространстве и времени / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина, соредактор Е. А. Борисова. – М., 2012. – С. 115–122. (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XXXVI).

66. Королева Е. В. Экополитика как взаимодействие науки и общественности: интерактивный подход / Е. В. Королева // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 167–176.

67. Коротаев А. В. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации / А. В. Коротаев, С. Э. Билюга, С. Ю. Малков, Д. А. Осипов // История и современность. – 2016. – № 2 (24). – С. 180–209.

68. Костовска С. К. Чума рогатого скота как причина экономического неблагополучия в центрально-черноземных районах России в XVIII–XIX вв. / С. К. Костовска, В. О. Стулышапку // История и современность. – 2016. – № 2 (24). – С. 174–179.

69. Костовска С. К. Экотонизация пространства / С. К. Костовска, А. В. Антипова // История и современность. – 2013. – № 1 (17). – С. 133–139.

70. К сведению авторов // История и современность. – 2011. – № 1 (13). – С. 2.

71. Крамаровский М. Г. Три вечера с Эдуардом Кульпиным. Саратов / М. Г. Крамаровский // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 187–189.

72. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России / Э. С. Кульпин-Губайдуллин // Общественные науки и современность. – 2010. – № 2. – С. 103–113.

73. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: судьбы поколений / Э. С. Кульпин-Губайдуллин. – М. : ИНСАН, 2006. – 124 с. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XXVIII).

74. Кульпин-Губайдуллин Э. С. О временных единицах измерения жизни золотоордынского социума и проблеме универсальности семипоколенных циклов

[Электронный ресурс] // Центр исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН. – М., 2001–2009. – Электрон дан. – http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/2011-03-20-20-26-43.html (дата обращения 21.12.2017).

75. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике / Э. С. Кульпин-Губайдуллин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 336 с.

76. Кульпин-Губайдуллин Э. С. Эпоха и жизнь Газиза Губайдуллина / Э. С. Кульпин-Губайдуллин // Бюллетень Общества востоковедов. – 2012. – Приложение 7 : Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920–1930 гг. : материалы конференции. Москва, 28–29июня 2012 г. – С. 42–59.

77. Кульпин Э. С. Альтернативы российской модернизации / Э. С. Кульпин // Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 158–169.

78. Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=101, 20012 (дата обращения 12.08.2018).

79. Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке / Э. С. Кульпин. – М. : Московский лицей, 1998. – 272 с. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XII).

80. Кульпин Э. С. Генетические коды цивилизаций: курс видеолекций [Электронный ресурс] // Универсариум : открытая система электронного образования. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2013–2017. – URL: https://universarium.org/course/439 (дата обращения: 21.11.2017).

81. Кульпин Э. С. Гипотеза этногенеза Гумилева и социоестественная история / Э. С. Кульпин // Учение Л. Н. Гумилева: опыт осмысления : сборник статей. – М., 1998. – С. 17–20.

82. Кульпин Э. С. Евразия на перекрестке трех дорог / Э. С. Кульпин // Природа и общество: на пороге метаморфоз / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина. – М., 2010. – С. 45–53. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XXXIV).

83. Кульпин Э. С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства / Э. С. Кульпин. – Изд. 2-е, испр. – М. : КомКнига, 2006. – 176 с.

84. Кульпин Э. С. Конфликт ментальностей в реформах России XIX – начала XX века / Э. С. Кульпин // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 2. – С. 132–148.

85. Кульпин Э. С. О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума / Э. С. Кульпин // Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. – М., 1996. – С. 3–32.

86. Кульпин Э. С. О природных, технологических и ментальных факторах модернизации России в начале VIII века. / Э. С. Кульпин // Человек и природа в пространстве и времени / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина, соредактор Е. А. Борисова. – М., 2012. – С. 123–137. (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России, вып. XXXVI).

87. Кульпин Э. С. Русь между Западом и Востоком / Э. С. Кульпин. – М. : Институт востоковедения РАН, 2001. – 232 с. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в Росси, вып. XVIII).

88. Кульпин Э. С. СЕИ – как ответ на вызов времени [Электронный ресурс] // Соционауки. Научная периодика. Книги. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: http://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2008_1/vizovi_vremeni.pdf (дата обращения 21.11.2017).

89. Кульпин Э. С. Современный локальный социально-экологический кризис / Э. С. Кульпин // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 146–158.

90. Кульпин Э. С. Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая / Э. С. Кульпин; АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. – Москва : Наука, 1975. – 199 с.

91. Кульпин Э. С. Феномен России в системе координат социоестественной истории [Электронный ресурс] / Э. С. Кульпин // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1995. – URL: http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm (дата обращения: 12.08.2018).

92. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае / Э. С. Кульпин. – М. : Наука, 1990. – 245 с.

93. Л. Антипова вела беседу Л. Н. Гумилева и Д. М. Балашова [Электронный ресурс] // Жизнь и творческое наследие Л. Н. Гумилева. – Электрон. дан. – СПб., [Б. г.]. – URL: http://www.levgumilev.spbu.ru/node/78 (дата обращения 02.03.2014).

94. Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории / А. В. Маргулис // Вопросы философии. – 1981. – № 12 – С. 76–81.

95. Мещеряков А. Н. Самая красивая: природа Японии в интерпретации Сига Сигэтака / А. Н. Мещеряков // История и современность. – 2012. – № 1 (15). – С. 113–139.

96. Миронов Б. Н. История в цифрах / Б. Н. Миронов. – М. : Наука. – 1991. – 168 с.

97. Миронова Л. П. Социально-экологические проблемы Восточного Крыма в прошлом и настоящем: причины возникновения, пути решения / Л. П. Миронова // История и современность. – 2017. – № 1 (25). – С. 79–106.

98. Миронова Л. П. Социально-экологические проблемы природных зон Юго-Восточного Крыма / Л. П. Миронова // История и современность. – 2012. – № 2 (16). – С. 164–177.

99. Научная жизнь в Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. – 1962. – № 3. – С. 202–210.

100. Олейников Ю. В. Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума модернизации / Ю. В. Олейников // История и современность. – 2011. – № 2 (14). – С. 114–130.

101. Олейников Ю. В. Влияние природной среды на развитие человека / Ю. В. Олейников // История и современность. – 2013. – № 2 (18). – С. 162–181.

102. Орешкина Т. А. Экологическое сознание населения в деятельности местного самоуправления (на примере старопромышленных городов Урала) / Т. А. Орешкина // История и современность. – 2014. – № 2 (20). – С. 112–126.

103. Орлов Г. Ю. Дворянские усадьбы / Г. Ю. Орлов // История и современность. – 2013. – № 1 (17). – С. 140–149.

104. Пантин В. И. Роль личности в науке / В. И. Пантин // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 201–203.

105. Пассионарность, пассионарная энергия, пассионарные толчки : аудиозапись лекции Л. Н. Гумилева на Географическом факультете ЛГУ [Электронный ресурс] // Жизнь и творческое наследие Л. Н. Гумилева. – Электрон. дан. – СПб., [Б. г.]. – URL: http://www.levgumilev.spbu.ru/node/334 (дата обращения: 04.03.2015).

106. Переписка с Э. С. Кульпиным, 23.01.2014 // Материалы из личного архива автора.

107. Поляков В. Е. Биоценоз как фактор партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг. / В. Е. Поляков // История и современность. – 2012. – № 1 (15). – С. 157–165.

108. Портяков В. Я. Природа и общество в современном мире / В. Я. Портяков // История и современность. – 2006. – № 1. – С. 147–155.

109. Прусаков Д. Б. Древний Египет: почва цивилизации (Этюд о неолитической революции) / Д. Б. Прусаков, отв. ред. Э. С. Кульпин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с.

110. Прусаков Д. Б. Природа и человек в Древнем Египте / Д. Б. Прусаков. – М. : Московский лицей, 1999. – 240 с.

111. Слепцов А. М. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет / В. В. Клименко, В. В. Мацковский, Л. Ю. Пахомова // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 118–135.

112. Соколов И. А. Почвы и религия / И. А. Соколов, Л. О. Карпачевский // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 133–141.

113. Социоестественная история (СЕИ) : научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук [Электронный ресурс] // Социоестественная история (СЕИ). – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://www.kulpin.ru/ (дата обращения: 12.09.2018).

114. Столярова Т. Ф. Памяти большого ученого и замечательного человека / Т. Ф. Столярова // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 215–216.

115. Столярова Т. Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков / Т. Ф. Столярова // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 131–143.

116. Сыртыпова С. Д. Структурообразующие элементы природно-культурного ландшафта Трансбайкалья / С. Д. Сыртыпова // История и современность. – 2009. – № 2 (10). – С. 140–169.

117. Ушницкий В. В. Роль ландшафта в формировании якутского этноса / В. В. Ушницкий // История и современность. – 2011. – № 2(14). – С. 131–137.

118. Ушницкий В. В. Таежные тюрки Сибири: культура жизнеобеспечения и материальная культура / В. В. Ушницкий // История и современность. – 2015. – № 1 (21). – С. 156–164.

119. Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов / И. А. Халий // История и современность. – 2011. – № 2 (14). – С. 138–149.

120. Худяков Ю. С. Поиск закономерностей в истории природных аномалий в Центральной и Восточной Азии в средневековье / Ю. С. Худяков // История и современность. – 2007. – № 1. – С. 159–177.

121. Худяков Ю. С. Стихийные бедствия, вызванные аномальными климатическими явлениями, происходившими на территории государства Когуре в древности и раннем Средневековье / Ю. С. Худяков // История и современность. – 2014. – № 1 (19). – С. 142–150.

122. Шквыря М. Г. Человек и волк в Украине / М. Г. Шквыря, И. Ю. Парникоза, В. Е. Борейко // История и современность. – 2014. – № 2 (20). – С. 127–134.

123. Эмиров А. Р. Московский мечтатель с крымской душой / А. Р. Эмиров, Л. М. Юнусов // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 212–214.

124. Якупов Р. И. Социоестественная история: науковедческий анализ / Р. И. Якупов // История и современность. – 2016. – № 2 (24). – С. 8–20.

125. Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики / О. Н. Яницкий // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 136–161.

126. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения / О. Н. Яницкий // История и современность. – 2008. – № 2. – С. 95–116.

Исследовательская литература

127. Альберт Х. Трактат о критическом разуме : пер. с нем. / Х. Альберт ; вступ. ст. и примеч. И. З. Шишкова. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 264 с.

128. Бажанов В. А. О классификации подходов к определению псевдонауки: традиции и новации / В. А. Бажанов, А. М. Конопкин // Эпистемология и философия науки. –2012. – Т. 31, № 1. – С. 174–191.

129. Баяндин А. В. К проблеме критериев научности [Электронный ресурс] / А. В. Баяндин // Всероссийская база полнотекстовых научных публикаций. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2006–2015. – URL: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/print.php?subaction=showfull&id=1107179908&archive=1208465572&start_from=&ucat=1& (дата обращения 01.02.2016).

130. Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: биография Льва Гумилева / С. С. Беляков. – М. : АСТ, 2013. – 797 с.

131. Беляков С. С. «Европа надоела до чертиков»: Л. Н. Гумилев в Германии 1945 года [Электронный ресурс] / С. С. Беляков // Россия и мир : междисциплинарный научный семинар по истории взаимовосприятия культур. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2012–2018. – URL: http://rosmir.iriran.ru/current.php?id=29 (дата обращения 23.08.2018).

132. Блок М. Апология истории или Ремесло историка : пер. Е. М. Лысенко / М. Блок. – М. : Наука, 1973. – 234 с. – (Памятники исторической мысли).

133. Блур Д. Сильная программа в социологии знания : пер. С. Гавриленко под ред. А. Толстова / Д. Блур // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 1–24.

134. Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту! / М. А. Бойцов // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории : альманах. – 1999. – Вып. 2. – С. 17–41.

135. Бородай Ю. М. В поисках этногенного фактора / Ю. М. Бородай // Природа. – 1981. – № 4. – С. 124–126.

136. Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда / Ю. М. Бородай // Природа. – 1981. – № 9. – С. 82–85.

137. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Ф. Бродель. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – Ч. I : Роль среды. – 496 с.

138. Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса [Электронный ресурс] // Скепсис. – Электрон. дан. – М., [Б. г.]. – URL: http://scepsis.ru/library/id_836.html (дата обращения 04.09.2018).

139. Бромлей Ю. В. Теория этноса [Электронный ресурс] // Сибирское отделение Российской академии наук / Институт археологии и этнографии СО РАН / Сектор археологической теории и информатики. – Электрон. дан. – Новосибирск, 2006–2007. – URL: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_p/term.html?act=show_text&lo=59&term=4 (дата обращения 16.04.2015).

140. Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе / Ю. В. Бромлей // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 16–28.

141. Бурдье П. Homo academicus : пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлева, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой / П. Бурдье ; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. – М. : Издательство Института Гайдара, 2018. – 464 с.

142. Бурдье П. Поле науки / П. Бурдье // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах / Институт социологии РАН / Российско-французский центр социологии и философии. – М., 2005. – С. 15–56.

143. Бутенко Н. А. Специфика и взаимосвязь естественного, социального и гуманитарного типов знания / Н. А. Бутенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (77), ч. 2. – С. 32–34.

144. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы : пер. с англ. А. В. Беркова / С. Вайнберг. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 253 с.

145. Вальковская В. В. Экологическое сознание как самосознание цивилизации : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11 / Вальковская Виктория Викторовна. – СПб., 2000. – 371 с.

146. Васильев К. В. Рецензия: Л. Н. Гумилев, Хунну, Срединная Азия в древние времена. М. : ИВЛ, 1960. 291 с. / К. В. Васильев // Вестник древней истории. – 1961. – № 2. – С. 120–124.

147. Васильев Л. С. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога / Л. С. Васильев // Природа. – 1976. – № 4. – С. 154–156.

148. Васютин С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования) / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.

149. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 345–415.

150. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-пресс, 2012. – 573 с.

151. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М. : Наука, 2001. – С. 338–344.

152. Вешкин Н. Л. О пассионарной модели этногенеза Л. Н. Гумилева / Н. Л. Вешкин. – Пущино : Фотон-век, 2008. – 24 с.

153. Викторова В. Д. Научный поиск в археологии / В. Д. Викторова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с.

154. Виндельбанд В. История и естествознание / В. Виндельбанд // Прелюдии. – М., 2007. – С. 333–352.

155. Вигасин А. А. История Древнего Востока : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / А. А. Вигасин, М. А. Дандамаев, М. В. Крюков [и др.] ; под ред. В. И. Кузищина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Выс. шк., 2005. – 460 с.

156. Волков П. В. Методика технологического исследования и типологии галечных артефактов : учебно-методическое пособие / П. В. Волков. – Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2009. – 76 с.

157. Гердер И. Г. Избранные сочинения / И. Г. Гердер – М. : Гослитиздат, 1959. – 391 с.

158. Гомбожапов А. Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л. Н. Гумилева : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / Гомбожапов Александр Дмитриевич. – Улан-Удэ, 2008. – 180 с.

159. Горелов А. А. Социальная экология / А. А. Горелов. – М. : ИФ РАН, 1998. – 262 с.

160. Готнога А. В. Синергетика и нелинейные теории социальных изменений / А. В. Готнога // Философия и общество.– 2010. – № 2. – С. 105–115.

161. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе : пер. с англ. В. С. Степина / Л. Р. Грэхэм ; послесл. В. С. Степина. – М. : Политиздат, 1991. – 480 с.

162. Естественные эксперименты в истории / под ред. Дж. Даймонд, Дж. Робинсон. – М. : АСТ, 2018. – 352 с.

163. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Дж. Даймонд. – М. : АСТ, 2009. – 752 с.

164. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И. Н. Данилевский. – М. : Аспет-пресс, 1999. – С. 289–314.

165. Дворниченко А. Ю. Евразийцы, Л. Н. Гумилев и проблема древнерусского государства / А. Ю. Дворниченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Спец. выпуск к 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. – С. 108–119.

166. Демиденко Э. С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова. – Брянск : БГТУ; М. : Всемирная информ-энциклопедия, 2011. – 388 с.

167. Демкин В. А. Степные курганы: уникальный историко-природный архив / В. А. Демкин, Т. С. Демкина // Российская наука: грани творчества на грани веков : сборник научно-популярных статей. – М., 2000. – С. 419–427.

168. Дильтей В. Собрание сочинений : пер. с нем. : в 6 т. / В. Дильтей; под общ. ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М. : Три квадрата, 2004 – Т. 3. – 418 с.

169. Докучаев В. В. Итоги о русском черноземе / В. В. Докучаев // Труды / Вольн. эконом. об-во. – 1877. – Т. 1, вып. 4. – С. 415–432.

170. Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.) / Ю. И. Дробышев; отв. ред. Д. Д. Васильев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2014. – 608 с.

171. Дьяконов И. М. «Огненный дьявол»: по поводу работ Л. Н. Гумилева / И. М. Дьяконов // Нева. – 1992. – № 4. – С. 225–228.

172. Есть ли будущее у науки о прошлом? (дискуссия по поводу статьи М. Бойцова «Вперед, к Геродоту!») [Электронный ресурс] // Разница во времени / Радио «Свобода». – Электрон. дан. – [Б. м.], 1999. – URL: http://archive.svoboda.org/programs/td/1999/td.030399.asp (дата обращения 21.11.2017).

173. Жарчинская К. А. Славяно-арийский миф в историческом сознании российских традиционалистов : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / Жарчинская Ксения Александровна. – Томск, 2015. – 151 с.

174. Жук Е. И. Теоретическое основание для анализа демографической ситуации в России / Е. И. Жук // Вестник РГГУ. – 2015. – № 7 (150). – С. 116–122.

175. Загоскин Д. В. Проблема формирования западноевропейской цивилизации в свете историко-теоретического подхода Л. Н. Гумилева : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Загоскин Денис Владимирович. – Томск, 1998. – 206 с.

176. Зайков В. В. Основы геоархеологии / В. В. Зайков, А. М. Юминов, Е. В. Зайкова, А. Д. Таиров / под ред. В. В. Масленникова. – Миасс : Институт минералогии УрО РАН, 2012. – 263 с.

177. Зимина И. Теория пассионарности и ее использование в психологии [Электронный ресурс] // «FB». – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://fb.ru/article/43414/teoriya-passionarnosti-i-ee-ispolzovanie-v-psihologii (дата обращения 12.08.2018).

178. Иванов С. А. Лев Гумилев как феномен пассионарности / С. А. Иванов // Неприкосновенный запас. – 1998. – № 1. – С. 4–10.

179. Иггерс Г. Глобальная история современной историографии : пер. с англ. О. Воробьевой / Г. Иггерс, Э. Ван ; при участии С. Мукерджи / науч. ред. М. Кукарцева. – М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 432 с.

180. Игошева М. А. Культурологический статус концепции этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 24.00.01 / Игошева Марина Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 1998. – 163 с.

181. Ильин В. В. Критерии научности знания / В. В. Ильин. – М. : Высшая школа, 1989. – 128 с.

182. Ильин В. В. Философия : учебник : в 2 т. / В. В. Ильин. – Ростов н/Д. : «Феникс», 2006. – Т. 1. – 832 с.

183. Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение / Ф. Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 1. – С. 168–177.

184. Ищенко Е. Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / Ищенко Елена Николаевна. – Иркутск, 2004. – 220 с.

185. Казютинский В. В. Космизм А. Л. Чижевского / В. В. Казютинский // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века : в 3 т. – М. : Международный Центр Рерихов, 2004. – Т. 3. – С. 175–193.

186. Катаева О. В. Проблема критериев научности социально-гуманитарных наук / О. В. Катаева // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Социально-гуманитарные науки. – 2015. – Т. 6, № 1 (23). – С. 74–77.

187. Кедров Б. М. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда» / Б. М. Кедров, И. Р. Григулевич, И. А. Крывелев // Природа. – 1982. – № 3. – С. 88–91.

188. Киркин М. А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева : дис. … канд. филос. наук : 09.00.03 / Киркин Михаил Александрович. – М., 2011. – 191 с.

189. Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева [Электронный ресурс] / Л. Клейн // Скепсис. – Электрон. дан. – М., [Б. г.]. – URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения 12.08.2018).

190. Клесов А. А. Занимательная ДНК-генеалогия: Новая наука дает ответы / А. А. Клесов. – М. : Вече, 2013. – 168 с.

191. Клинова Н. В. Значение понятия «пассионарность» этногенетической концепции Л. Н. Гумилева / Н. В. Клинова // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 78–84.

192. Клоков К. Б. Этническое поле в этногеографических исследованиях: концептуализация и обоснование нового подхода / К. Б. Клоков, С. А. Музалев, С. А. Хрущев, К. В. Силаева // Вестник СПбГУ. Серия 7. – 2016. – Вып. 2. – С. 76–84.

193. Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях / И. Д. Ковальченко // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы : сборник статей. – М., 1969. – С. 115–133.

194. Козлов В. И. О понятии этнической общности / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1967. – № 2. – С. 100–111.

195. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) : пер. с фр. И. А. Шапиро / О. Конт. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 256 с.

196. Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева / В. А. Кореняко // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 22–35.

197. Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) / В. П. Корзун // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 16 (270) ; История. – Вып. 51. – С. 99–109.

198. Корни нашего родства [Электронный ресурс] // Gumilevica. – Беседа с Л. Гумилевым / А. Сабиров. – Электрон. дан. – СПб., 1998. – URL: http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article79.htm (дата обращения 21.01.2018).

199. Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции / А. В. Коротаев; Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. – Москва : Восточная лит., 2006. – 110 с.

200. Коротаев А. В. Неоэволюционизм / А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин // Теория и методология истории : учебник. – Волгоград, 2014. – С. 90–106.

201. Крадин Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2001. – 312 с.

202. Криворученко В. К. О количественных методах в исторических исследованиях / В. К. Криворученко // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 96–105.

203. Кун Т. С. Структура научных революций [Электронный ресурс] / Т.С. Кун // bookz.ru : электронная библиотека. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2003–2018. – URL: https://bookz.ru/authors/tomas-kun/struktur_030/1-struktur_030.html (дата обращения 10.10.2018).

204. Кун Т. С. Структура научных революций. Приложение. Объективность, ценностные суждения и выбор теории [Электронный ресурс] / Т. С. Кун // Гуманитарные технологии : аналитический портал. – Электрон. дан. – М., 2002–2018. – URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3811/6447 (дата обращения 10.10.2018).

205. Куркчи А. Л. Н. Гумилев и его время [Электронный ресурс] / А. Куркчи // Gumilevica. – Электрон. дан. – СПб., 1998. – URL: http://gumilevica.tripod.com/Matter/Article041.htm (дата обращения 06.05.2017).

206. Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи / С. Б. Лавров. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 2-е изд., испр. и доп. – 608 с.

207. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. – М. : Медиум, 1995. – 235 с.

208. Ларионова И. Л. Историческое образование в техническом университете: синтезный подход как оптимальная историософская парадигма / И. Л. Ларионова // Теоретические и методологические проблемы современного образования : материалы VI международной научно-практической конференции. Москва, 28–29 сентября 2011 г. – М., 2011. – С. 144–147.

209. Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого / М. Ларюэль // Вестник Евразии. – 2001. – № 4. – С. 5–19.

210. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Академический проект, 2008. – 303 с.

211. Лубский А. В. История как строгая наука vs нарративная логика историописания / А. В. Лубский // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 44.– С. 53–61.

212. Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева [Электронный ресурс] / Я. С. Лурье // Скепсис. – Электрон. дан. – М., [Б. г.]. – URL: http://scepsis.net/library/id_87.html (дата обращения 06.05.2017).

213. Малиновский Б. К. Научная теория культуры : пер. с англ. И. В. Утехина / Б. К. Малиновский; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – М. : ОГИ, 2005. – 184 с.

214. Малков С. Ю. Математическое моделирование в истории и социальных науках: надежды и успехи / С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике : труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 12–14 мая 2006 г. – М., 2008. – С. 343–362.

215. Марков А. В. Лженаука [Электронный ресурс] / А. В. Марков // Эволюция: наука против креационизма. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: http://evolutio.narod.ru/lzhenauka.htm (дата обращения 12.08.2018).

216. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2. – М. : Государственное издание политической литературы, 1957. – Т. 3. – 630 с.

217. Мартишина Н. И. Тема «Наука и вненаучное знание» в курсе философии науки / Н. И. Мартишина // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. VI, № 4. – С. 100–117.

218. Машкина О. А. Мой друг и научный руководитель / О. А. Машкина // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 204–205.

219. Мегилл А. Историческая эпистемология : пер. В. Катаева, В. Тимонина / А. Мегилл. – М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

220. Медведев Н. В. Герменевтическая философия Поля Рикера / Н. В. Медведев // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 10 (114). – С. 252–256.

221. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / А. В. Бочаров [и др.] ; под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. – Томск : изд-во Томского ун-та, 2002. – 202 с.

222. Мечников И. И. Академическое собрание сочинений / И. И. Мечников. – М. : [Б. и.], 1956. – Т. 11. – 265 с.

223. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX в.в.) : материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. – М., 1996. – С. 40–56.

224. Миронов Б. Н. История в цифрах / Б. Н. Миронов. – М. : Наука, 1991. – 168 с.

225. Митюков Н. В. Клиодинамика: проблемы и перспективы / Н. В. Митюков // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2013. – № 40. – С. 129–132.

226. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – Вып. I : Кризис историзма. – 206 с.

227. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. II : Становление «новой исторической науки». – 178 с.

228. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века : курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – Вып. III : Историографическая революция. – 554 с.

229. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. – М. : Мол. гвардия, 1990. – 351 с.

230. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / Ш. Л. Монтескье. – М. : Госполитиздат, 1955. – 800 с.

231. Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа / Л. А. Мосионжник ; отв. ред. С. Е. Эрлих. – СПб. : Нестор-История, 2012. – 404 с.

232. Музыка О. А. Бифуркация и конфликт: многообразие взглядов и современные подходы / О. А. Музыка // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2014. – № 2. – С. 305–309.

233. Мучник В. М. От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли / В. М. Мучник, И. Ю. Николаева // К новому пониманию человека в истории / под ред. Б. Г. Могильницкого. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – Гл. I. – С. 5–52.

234. Назаретян А. П. Памяти Эдуарда Сальмановича Кульпина / А. П. Назаретян // История и современность. – 2015. – № 2 (22). – С. 206.

235. Найдыш В. М. Наука и квазинаука / В. М. Найдыш, Е. Н. Гнатик, В. Н. Данилов [и др.]. – М. : Альфа-М, 2008. – 318 с.

236. Невеев А. Признаки лженауки [Электронный ресурс] / А. Невеев // Александр Невеев : личный сайт. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: http://neveev.ru/content/priznaki-lzhenauki (дата обращения 12.08.2018).

237. Никольский С. А. Социобиология – биосоциология человека? [Электронный ресурс] / С. А. Никольский // Этология.Ру. – Электрон. дан. – 2003–2012. – URL: http:// http://ethology.ru/library/?id=166):
<br%20/>ПЕРВЫЙ (дата обращения: 08.10.2018).

238. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Институт философии Российской академии наук. – Электрон. дан. – Москва, 2007–2014. – URL: http://iph.ras.ru/enc.htm (дата обращения 21.11.2017).

239. о'Брайен П. О. Статус государства и будущее универсальной истории / П. О. о'Брайен // Цивилизации. – М., 2002. – Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории. – С. 10–27.

240. Петров М. П. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения географа / М. П. Петров // Природа. – 1976. – № 4. – С. 152–154.

241. Писарчик Л. Ю. Методология социального познания М. Вебера / Л. Ю. Писарчик // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2009. – № 7 (101). – С. 93–102.

242. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.

243. Полухин А. Н. Концепция месторазвития П. Н. Савицкого в исторической науке / А. Н. Полухин // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300/3. – С. 61–62.

244. Полухин А. Н. Историческая концепция П. Н. Савицкого: теоретико-методологический аспект : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / Полухин Андрей Николаевич. – Томск, 2007. – С. 237.

245. Померанц Г. С. Выход из транса / Г. С. Померанц. – М. : Юрист, 1995. – 575 с.

246. Померанц Г. С. Пророки и лжепророки [Электронный ресурс] / Г. С. Померанц // Журнальный зал. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1996–2017. – URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/25/po18.html (дата обращения 08.08.2018).

247. Поппер К. Р. Нищета историцизма : пер. с англ. С. А. Кудриной / К. Р. Поппер. – М. : Прогресс, 1993. – 187 с.

248. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания : пер. с англ / К. Р. Поппер. – М. : ООО «Издательство АСТ » : ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 638 с.

249. Про А. Двенадцать уроков истории : пер. с фр. Ю. В. Ткаченко / А. Про. – М. : РГГУ, 2000. – 336 с.

250. Псевдонаучное знание в современной культуре: материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 14–15.

251. Расписные истины Анатолия Фоменко : эксклюзивное интервью автора «Новой хронологии» [Электронный ресурс] // ER-portal.ru. – Электрон. дан. – [Б. м.], [Б. г.]. – URL: http://www.74rif.ru/Fomenko.html (дата обращения 20.06.2015).

252. Риер Я. Г. Клиометрия и история: некоторые комментарии междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории») / Я. Г. Риер // Природа и общество в эпоху перемен / отв. ред. Э. С. Кульпин-Губайдуллин, соредактор Е. А. Борисова. – М. : ИД-Энергия, 2014. – С. 221–253. – (Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России; вып. XXXVIII).

253. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – М. : АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. – 160 с.

254. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Культурология XX век. Антология. – М., 1995. – С. 69–101.

255. Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения / Ж. Ж. Руссо. – М. : Гослитиздат, 1961. – Т. 3. – 727 с.

256. Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана [Электронный ресурс] / Б.А. Рыбаков // Скепсис. – Электрон. дан. – М., [Б. г.]. – URL: http://scepsis.ru/library/id_69.html (дата обращения 21.11.2017).

257. Савицкий П. Н. Географический обзор России–Евразии / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.

258. Савченко А. Семь лет рядом со Львом Гумилевым / А. Савченко // Новый мир. – 1996. – № 2. – С. 240–250.

259. Стебаков Д. А. Эволюция представлений об истинности знания в науке и технике : дис. … канд. филос. наук : 09.00.08 / Стебаков Дмитрий Александрович. – Москва, 2009. – 124 с.

260. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

261. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс] / В. С. Степин // Цифровая библиотека по философии. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2001–2017. – URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/ (дата обращения 13.08.2018).

262. Степин В. С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

263. Столярова Т. Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века [Электронный ресурс] / Т. Ф. Столярова // Социоестественная история (СЕИ). – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://www.kulpin.ru/?page_id=471 (дата обращения 12.08.2018).

264. Сторожук А. Ю. Пределы науки / А. Ю. Сторожук. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т , 2005. – 239 с.

265. Сторожук А. Ю. Проблема построения критерия определения научности гипотезы [Электронный ресурс] / А. Ю. Сторожук // Всероссийская база полнотекстовых научных публикаций. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2006–2015. – URL: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1107017840&archive=1129708655&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 21.11.2017).

266. Тарасенко Ф. П. Прикладной системный анализ (Наука и искусство решения проблем) / Ф. П. Тарасенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 186 с.

267. Тош Дж. Стремление к истине: как овладеть мастерством историка : пер. с англ. / Дж. Тош. – М. : Издательство «Весь Мир», 2000. – 296 с.

268. Трубецкой Н. С. Европа и человечество / Н. С. Трубецкой. – М. : Directmedia, 2015. – 113 с.

269. Трубникова Н. В. Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации (на примере Североамериканского этногенеза) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Трубникова Наталья Валерьевна. – Томск, 1998. – 134 с.

270. Трубникова Н. В. Становление французской квантитативной истории: методы исследований, тематические области, институциональные рамки / Н. В. Трубникова // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312, № 6. – С. 102–106.

271. Тычкин П. Б. Эвристический потенциал мифа в контексте постнеклассического образа науки : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.08 / Тычкин Павел Борисович. – Томск, 2013. – 24 с.

272. Тулмин С. Человеческое понимание / С. Тулмин. – М. : Прогресс, 1984. – 328 с.

273. Тураев Б. А. Древний Египет: учебное пособие / Б. А. Тураев ; сост., предисловие, коммент., биограф. очерк О. В. Томашевич. – М. : Выс. шк., 2007. – 519 с.

274. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры : пер. с англ. О. Р. Газизова [и др.] / Л. Уайт. – М. : РОССПЭН, 2004. – 639 с.

275. Уильямсон С. История клиометрики в США : пер. А. Н. Полевой / С. Уильямсон // Экономическая история. Обозрение / под ред. В. И. Бовыкина, Л. И. Бородкина. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 75–107.

276. Фаган Б. М. Археология. В начале / Б. М. Фраган, К. Р. ДеКорс. – М. : Техносфера, 2007. – 59 с.

277. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки : пер. с англ. и нем. / П. Фейерабенд ; общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.

278. Филиппов В. Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса / В. Р. Филиппов // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 86–93.

279. Философские проблемы социально-гуманитарных наук // Философия науки : учебное пособие для аспирантов и соискателей / отв. ред. Т. П. Матяш. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – Разд. II. –С. 254–451.

280. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // Логос. – 2005. – № 4. – С. 116–124.

281. фон Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем : сборник переводов / общ. ред.и вступит. ст. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М., 1969. – С. 23–82.

282. Хакен Г. Синергетика : перев. с англ. В. И. Емельянова / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.

283. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества пер. с англ. Л. Сумм / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2016. – 520 с.

284. Хюбнер К. Истина мифа пер. И. Т. Касавин / К. Хюбнер. – М. : Республика, 1996. – 448 с.

285. Цветков В. Ж. Перспективы применения математических методов при изучении экономических вопросов в историческом образовании / В. Ж. Цветков, Е. А. Цветкова // Наука и школа. – 2015. – № 6. – С. 7–13.

286. Цивилизации. – М. : Наука, 2002. – Вып. 5 : Проблемы глобалистики и глобальной истории / отв. ред. А. О. Чубарьян ; Институт всеобщей истории. – 239 с.

287. Чемерисская М. И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие / М. И. Чемерисская // Восток. – 1993. – № 3. – С. 165–181.

288. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых / Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1967. – № 4. – С. 94–110.

289. Чешков М. А. Глобалистика как отрасль научного знания / М. А. Чешков // Цивилизации. – М., 2002. – Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории. – С. 50–62.

290. Шестова Т. Л. Истоки и перспективы глобальной истории / Т. Л. Шестова // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2011. – № 1–2. – С. 134–140.

291. Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» / В. А. Шнирельман // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 8–21.

292. Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма / В. А. Шнирельман. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – Т. I. – 552 с.

293. Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки / В. А. Шнирельман. – М. : Иерусалим : Мосты культуры, Гешарим, 2012. – 312 с.

294. Щеглов Б. С. Постнеклассическая рациональность в социально-философском контексте : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.11 / Щеглов Борис Сергеевич. – Таганрог, 2005. – 348 с.

295. Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки / К. Э. Эрдниев, К. Н. Максимов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 2007. – 428 с.

296. Эриксен Т. Х. Что такое антропология? перев. с англ. А. И. Карасевой, под ред. Ж. В. Корминой / Т. Х. Эриксен. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 238 с.

297. Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Яблоков Илья Александрович. – Томск, 2010. – 222 с.

298. Ямсков А. Н. «Новые классики»: Л. Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах / А. Н. Ямсков // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии : сборник статей / отв. ред. С. В. Чешко. – М. : Изд. «Оргсервис-2000», 2006. – С. 176–199.

299. Янов А. Веймарская Россия / А. Янов // Нева. – 1994. – № 5–6. – С. 256–268.

300. Янов А. Л. Учение Льва Гумилева / А. Янов // Свободная мысль. – 1992. – № 17. – С. 104–116.

301. Bassin M. Nurture Is Nature: Lev Gumilev and the Ecology of Ethnicity M. Bassin // Slavic Review: American quarterly of Russian, Eurasian and East European studies. – 2009. – Vol. 68, № 4. – P. 872–897.

302. Bloor D. Knowledge and social imagery [Electronic resource] / D. Bloor // Book reader. – Electronic date. – [S. I.], 2018. – URL: http://bookre.org/reader?file=1441908 (access date: 08.06.2018).

303. Boston Seminar on Environmental History [Electronic resource] // Massachusetts Historical Society. – Electronic date. – Boston, 2019. – URL: chttps://www.masshist.org/2012/calendar/seminars/environmental-history (access date: 25.04.2019).

304. Fogel R. W. A Quantitative Approach to the Study of Railroads in American Economic Growth: A Report of Some Preliminary Findings / R. W. Fogel // Journal of Economic History. – 1962. – № 22. – P. 163–197.

305. Hansson S. O. Science and Pseudo-Science [Electronic resource] / S. O. Hansson // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / princ. ed. E. N. Zalta. – Stanford : Stanford University ; Center for the Study of Language and Information, 2017. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/pseudo-science/ (access date: 01.02.2017).

306. Harris M. Mother Cow / M. Harris // Cows, Pigs, Wars and Witches: The Riddles of Culture. – London, 1975. – P. 11–32.

307. Imre Lakatos [Electronic resource] // Fact Index. – Электрон. дан. – [S. I.], [S. a.]. – URL: http://www.fact-index.com/i/im/imre_lakatos.html (access date: 18.05.2017).

308. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s–1990s Victor Shnirelman / J. Klier // The Slavonic and East European Review. – 2005. – Vol. 83, № 4. – P. 779–781.

309. Lakatos I. Demarcation problem / I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini / For and Against Method: Including Lakatos's Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence. – Chicago, 1999. – P. 20–29.

310. Russian Eurasianism An Ideology of Empire / M. Laruelle. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 2008. – 144 p.

311. Muscolino M. S. Fishing Wars and Environmental Change in Late Imperial and Modern China / M. S. Muscolino. – Cambridge, Mass. : Harvard University Asia Center, 2009. – 286 p. – (Harvard East Asian Monograph, № 325).

312. North D. C. Quantitative Research in American Economic History / D. C. North // American Economic Review. – 1963. – № 53. – P. 128–130.

313. Rappaport R. A. Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People / R. A. Rappaport. – Long Grove: Waverland Press, Inc. – 1984. – 502 p.

314. Schatzki T. R. Nature and Technology in History / T. R. Schatzki // History and Theory. – 2003. – Them. is. 42. – P. 82–93.

315. Shermer M. Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience [Electronic resource] / M. Shermer // Michael Shermer. – Altadena, 2018. – Electronic date. – [S. I.], 2018. – Pt. 1. – URL: https://michaelshermer.com/2001/11/baloney-detection/ (access date: 08.06.2018).

316. Shermer M. More Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience. [Electronic resource] / M. Shermer // Michael Shermer. – Electronic date. – [S. I.], 2018. – Pt. 2. – URL: https://michaelshermer.com/2001/12/more-baloney-detection/ (access date: 08.06.2018).

317. Bensley D. A. Pseudoscience and Science: A Primer in Critical Thinking / D. A. Bensley // The Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience /ed. M. Shermer. – Santa-Barbara, 2002. – Vol. 1. – P. 195–203.

318. Steward J. The Concept and Method of Cultural Ecology / J. Steward // The Environment in Anthropology: a Reader in Ecology, Culture, and Sustainable Living / ed. by N.Haenn, R. Wilk. – New York ; London, 2005. – P. 5–10.

319. Tignor R. L. Review: Natural Experiments of History by Jared Diamond; James A. Robinson / R. L. Tignor // The Journal of Interdisciplinary History. – 2011. – Vol. 41, № 3. – P. 436–438.

320. The Journal of Interdisciplinary History [Electronic resource] // Journals, primary sources, and books – Electronic date. – [S. I.], 2000–2018. – URL: http://www.jstor.org/journal/jintehist (access date: 17.04.2018).

321. Worsley P. Knowledges: Culture, Counterculture, Subculture / P. Worsley. – New York : New Press, 1997. – 407 p.

Приложение А

Анализ статей из журнала «История и современность» раздела «Природа и общество»

Таблица А.1 – Анализ статей из журнала «История и современность» раздела «Природа и общество»

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
1, 2005	А. М. Слепцов, В. В. Клименко «Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет»[653]	Математическое моделирование, палинологический, дендрохронологический, гляциологический методы климатологии.	Реконструкция истории климата Русской равнины. **Связь с обществом косвенная**: в холодные периоды падает экономика и количество населения.
	О. Н. Яницкий «Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики»[654]	Экология	Изменение отношения российского общества к среде своего обитания. **Связь с обществом прямая**.
2, 2005	Т. Ф. Столярова «Экологическое мировоззрение на грани веков»[655]	Психология, философия, синергетика	Проблема биологического (природного) и социального в человеческом поведении. Влияние экологического кризиса на общество. **Связь прямая.**
	А. В. Антипова, С. Костовска «Природно-исторические ситуации и менталитет россиян»[656]	Историческая география	Природные факторы развития этногенеза России. **Связь прямая.**
	Е. В. Королева «Экополитика как взаимодействие науки и общественности: интерактивный подход»[657]	Социология	Историографическое исследование по проблемам экополитики. **Связь косвенная:** решение экологических проблем

[653] Слепцов А. М., Клименко В. В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. 2005. № 1. С. 118–135.

[654] Яницкий О. Н. Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. 2005. № 1. С. 136–161.

[655] Столярова Т. Ф. Экологическое мировоззрение на грани веков // История и современность. 2005. № 2. С. 131–143.

[656] Антипова А. В., Костовска С. Природно-исторические ситуации и менталитет россиян // История и современность. 2005. № 2. С. 144–166.

[657] Королева Е. В. Экополитика как взаимодействие науки и общественности: интерактивный подход // История и современность. 2005. № 2. С. 167–176.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
1, 2006	В. Я. Портяков «Природные ресурсы и экономический рост КНР»[658]	География, климатология	Особенности разработки месторождений полезных ископаемых. **Связь прямая**
2, 2006	В. А. Зубаков «Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога: ипостаси глобализации и императивы выживания»[659]	Экология, химия	Загрязнения окружающей среды. **Связь прямая**
1, 2007	С. И. Блюмхен «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня» [660]	География, археология,	Версия об уничтожении цивилизации кометой Хейл-Боппа. **Связь прямая**
	Э. С. Кульпин «Современный локальный социально-экологический кризис»[661]	Экология, демография, география	Характеристики Приаральского кризиса одновременно в природе и в обществе. **Связь прямая**
	Ю. С. Худяков «Поиск закономерностей в истории природных аномалий в Центральной и Восточной Азии в средневековье»[662]	Астрономия	Изучение космических явлений по письменным и устным источникам. **Связь косвенная:** люди записывали сведения о наблюдаемых на небе явлениях
2, 2007	В. М. Алпатов «Японская природа и японский язык»[663]	Социолингвистика	Особенности японского языка. **Связи природа–общество нет.**
	Ю. В. Зинькина «Влияние природы на политические и экономические процессы (на примере Ливана и Сирии)»[664]	Географическое ресурсоведение	**Связь прямая,** отражена в названии статьи

[658] Портяков В. Я. Природа и общество в современном мире // История и современность. 2006. № 1. С. 147–155.

[659] Зубаков В. А. Итоги XX и перспективы XXI веков глазами геоэколога: ипостаси глобализации и императивы выживания // История и современность. 2006. № 2. С. 103–153.

[660] Блюмхен С. И. «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня // История и современность. 2007. № 1. С. 138–145.

[661] Кульпин Э. С. Современный локальный социально-экологический кризис // История и современность. 2007. № 1. С. 146–158.

[662] Худяков Ю. С. Поиск закономерностей в истории природных аномалий в Центральной и Восточной Азии в средневековье // История и современность. 2007. № 1. С. 159–177.

[663] Алпатов В. М. Японская природа и японский язык // История и современность. 2007. № 2. С. 219–230.

[664] Зинькина Ю. В. Влияние природы на политические и экономические процессы (на примере Ливана и Сирии) // История и современность. 2007. № 2. С. 231–233.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
1, 2008	И. А. Соколов, Л. О. Карпачевский «Почвы и религия»[665]	Почвоведение	Влияние свойств почв на развитие человеческого общества, его религиозных и научных взглядов. **Связь прямая**
1, 2008	С. А. Боринская «Влияние факторов природной и антропогенной среды на популяционно-генетические характеристики человека»[666]	Генетика	**Связь прямая,** отражена в названии статьи
2, 2008	В. В. Клименко, А. Г. Терешин «Мировая энергетика и климат планеты в XXI веке»[667]	Физика, климатология,	Последствия мировой энергетики для климатической системы. **Связь прямая**
	О. Н. Яницкий «Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения»[668]	Экология, демография	Способы сохранения ресурсов обществом. **Связь прямая**
	С. И. Давыдова, И. Б. Мардарь, О. А. Усачева «Лидеры и сети современных экологических движений»[669]	Экология	Способы борьбы с экологическими проблемами через социальные движения. **Связь прямая**
1, 2009	О. В. Аксенова «Магистральный газопровод в приграничном районе (Местная политика добывающей корпорации и согласование интересов социальных групп)»[670]	Экология, политология.	Влияние строительства газопровода на экосистему. **Связь прямая**

[665] Соколов И. А., Карпачевский Л. О. Почвы и религия // История и современность. 2008. № 1. С. 133–141.

[666] Боринская С. А. Влияние факторов природной и антропогенной среды на популяционно-генетические характеристики человека // История и современность. 2008. № 1. С. 142–153.

[667] Клименко В. В., Терешин А. Г. Мировая энергетика и климат планеты в XXI веке человека // История и современность. 2008. № 2. С. 87–94.

[668] Яницкий О. Н. Экомодернизация России: проблемы, концепции, решения // История и современность. 2008. № 2. С. 95–116.

[669] Давыдова С. И., Мардарь И. Б., Усачева О. А. Лидеры и сети современных экологических движений // История и современность. 2008. № 2. С. 117–127.

[670] Аксенова О. В. Магистральный газопровод в приграничном районе (Местная политика добывающей корпорации и согласование интересов социальных групп) // История и современность. 2009. № 1. С. 73–92.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
1, 2009	И. В. Ковалев, Н. О. Ковалева «Эколого-функциональная роль почв в развитии цивилизации»[671]	Почвоведение	**Связь прямая,** отражена в названии статьи
	И. А. Гундаров «Новая стратегия повышения рождаемости»[672]	Социология, демография	**Связи природа–общество нет.**
2, 2009	Б. М. Владимирский «Солнечно-биосферные связи. Полвека спустя после А. Л. Чижевского»[673]	Гелиобиология	Влияние космической погоды на техносферу. **Связь прямая**
	О. З. Енгоян «Сотрудничество научной и экологической общественности в процессе формирования гражданского общества»[674]	Социология, экология	Теоретические перспективы решения экологических проблем. **Связь косвенная:** переговоры научной и экологической общественности могут дать перспективы для природы.
	С. Д. Сыртыпова «Структурообразующие элементы природно-культурного ландшафта Трансбайкалья»[675]	Экология, география	Проблема сохранения культурного и природного наследия. **Связь прямая**
1, 2010	Л. О**.** Карпачевский «Советская цивилизация и утопия: мысли естественника»[676]	Экология	Как влияет утопическое общество на природу. **Связь прямая**
	Е. И. Александровская, А. Л. Александровский «Антропохимический фактор в эволюции европейской цивилизации»[677]	Химия	Взаимодействии и роли химической среды обитания человека и химического состава самого человека. **Связь прямая**

[671] Ковалев И. В., Ковалева Н. О. Эколого-функциональная роль почв в развитии цивилизации // История и современность. 2009. № 1. С. 93–114.

[672] Гундаров И. А. Новая стратегия повышения рождаемости // История и современность. 2009. № 1. С. 115–129.

[673] Владимирский Б. М. Солнечно-биосферные связи. Полвека спустя после А. Л. Чижевского // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 119–131.

[674] Енгоян О. З. Сотрудничество научной и экологической общественности в процессе формирования гражданского общества // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 132–139.

[675] Сыртыпова С. Д. Структурообразующие элементы природно-культурного ландшафта Трансбайкалья // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 140–169.

[676] Карпачевский Л. О. Советская цивилизация и утопия: мысли естественника // История и современность. 2010. № 1 (11). С. 132–147.

[677] Александровская Е. И., Александровский А. Л. Антропохимический фактор в эволюции европейской цивилизации // История и современность. 2010. № 1 (11). С. 148–177.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
2, 2010	В. В. Дубовицкий «Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу»[678]	Геополитика	**Связь косвенная**: государства захватывают лучшие земледельческие территории
2, 2010	Д. П. Иванов., В. В. Канищев «Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг.»[679]	Историческая география, почвоведение	Влияние природно-климатических факторов на восстание. **Связь прямая**
	Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев «Усадебное строительство в России как новый способ освоения окружающей природной среды и элемент ландшафтной политики»[680]	Ландшафтоведение	Взаимодействие социально-экономическое явление «современная русская усадьба» с окружающей природной средой. **Связь прямая**
1, 2011	А. С. Акопян «Человеческий капитал и биосоциальные детерминанты демографического роста»[681]	Биология, экономика	Экономические, биологические тенденции изменения характера социальных процессов. **Связь прямая**
	Е. А. Борисова «Споры вокруг Рогунской ГЭС»[682]	Экология	Географические причины социально-экологической опасности от постройки ГЭС. **Связь прямая**
	Л. О. Карпачевский, Т. А**.** Зубкова «Почвы и переселения народов»[683]	Почвоведение	Влияние переселений людей на состояние почв. **Связь прямая**

[678] Дубовицкий В. В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // История и современность. 2010. № 2 (12). С. 86–111.

[679] Иванов Д. П., Канищев В. В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // История и современность. 2010. № 2 (12). С. 112–125.

[680] Ковалева Н. О., Ковалев И. В. Усадебное строительство в России как новый способ освоения окружающей природной среды и элемент ландшафтной политики // История и современность. 2010. № 2(12). С. 126–139.

[681] Акопян А. С. Человеческий капитал и биосоциальные детерминанты демографического роста // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 68–92.

[682] Борисова Е. А. Споры вокруг Рогунской ГЭС // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 93–106.

[683] Карпачевский Л. О., Зубкова Т. А. Почвы и переселения народов // История и современность. 2011. № 1 (13). С. 107–113.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
2, 2011	В. В. Клименко, О. В. Микушина «Необычная динамика глобальной температуры в начале XXI в.: естественные факторы против антропогенных»[684]	Климатология	Антропогенные и природные причины глобального потепления. **Связь прямая**
	О. В. Аксенова «Иллюзия экологической модернизации»[685]	Экология	Способы решения обществом угроз экологических проблем. **Связь прямая**
	Ю. В. Олейников «Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума»[686]	Экология	Проблема роли отдельного человека в природе и обществе
	В. В. Ушницкий «Роль ландшафта в формировании якутского этноса»[687]	Ландшафтоведение	**Связь прямая**, отражена в названии статьи
	И. А. Халий «Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов»[688]	Экология	Эволюция теоретических концептов, касающихся взаимодействия общества и природы. **Связь прямая**
1, 2012	А. Н. Мещеряков «Самая красивая: природа Японии в интерпретации Сига Сигэтака»[689]	География	Восприятие японцами своей природы. **Связь прямая**
	Е. А. Борисова «Особенности водного кризиса в Центральной Азии»[690]	Ресурсоведение	Влияние деятельности человека на водный дефицит. **Связь прямая**
	Л. О. Карпачевский «Особенности формирования Среднерусской полосы»[691]	Ландшафтоведение	Взаимодействие ланшафта и этноса в Среднерусской полосе. **Связь прямая**

[684] Клименко В. В.**,** Микушина О. В. Необычная динамика глобальной температуры в начале XXI в.: естественные факторы против антропогенных // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 93–102.

[685] Аксенова О. В. Иллюзия экологической модернизации // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 103–113.

[686] Олейников Ю. В. Бифуркация движущих сил эволюции социоприродного Универсума модернизации // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 114–130.

[687] Ушницкий В. В. Роль ландшафта в формировании якутского этноса // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 131–137.

[688] Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших теоретических концептов // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 138–149.

[689] Мещеряков А. Н. Самая красивая: природа Японии в интерпретации Сига Сигэтака // История и современность. 2012. № 1 (15). С. 113–139.

[690] Борисова Е. А. Особенности водного кризиса в Центральной Азии // История и современность. 2012. № 1 (15). С. 140–148.

[691] Карпачевский Л. О. Особенности формирования Среднерусской полосы // История и современность. 2012. № 1 (15). С. 149–156.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
1, 2012	В. Е. Поляков «Биоценоз как фактор партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг.»[692]	География	Партизанское движение в Крыму как фактор взаимодействия человека и природы. **Связь прямая**
2, 2012	В. В. Клименко, В. В. Мацковский, Л. Ю. Пахомова «Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века»[693]	Климатология	Сравнительная хронология климатических и исторических событий в Северо-Восточной Европе. **Связь прямая**
	Л. П. Миронова «Социально-экологические проблемы природных зон Юго-Восточного Крыма»[694]	Экология	Антропогенное воздействие на природные комплексы. **Связь прямая**
1, 2013	Е. А. Борисова «Эволюция взглядов на изменение климата в Центральной Азии»[695]	Климатология, почвоведение	Влияние хозяйственной деятельности человека на изменения водного баланса. **Связь прямая**
	Н. О. Ковалева, Е. М. Столпникова, И. В. Ковалев «Культурный слой усадеб – носитель информации о взаимодействии природы и общества»[696]	Климатология, почвоведение	Влияние хозяйственной деятельности человека на изменения в условиях почвообразования. **Связь прямая**
	С. Костовска, А. В. Антипова «Экотонизация пространства»[697]	Ландшафтоведение	Влияние природных и антропогенных факторов на экотонизацию ландшафта. **Связь прямая**
	Г. Ю. Орлов «Дворянские усадьбы»[698]	Ландшафтоведение	Дворянская усадьба как пример взаимодействия человека и природы. **Связь прямая**

[692] Поляков В. Е. Биоценоз как фактор партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг. // История и современность. 2012. № 1 (15). С. 157–165.

[693] Клименко В. В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века // История и современность. 2012. № 2 (16). С. 130–163.

[694] Миронова Л. П. Социально-экологические проблемы природных зон Юго-Восточного Крыма // История и современность. 2012. № 2 (16). С. 164–177.

[695] Борисова Е. А. Эволюция взглядов на изменение климата в Центральной Азии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 110–124.

[696] Ковалева Н. О., Столпникова Е. М., Ковалев И. В. Культурный слой усадеб – носитель информации о взаимодействии природы и общества // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 125–132.

[697] Костовска С., Антипова А. В. Экотонизация пространства // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 133–139.

[698] Орлов Г. Ю. Дворянские усадьбы // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 140–149.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
2, 2013	В. В. Клименко, А. Г. Терешин «Сланцевый газ – энергетическое чудо или климатическая катастрофа?»[699]	Экология, ресурсоведение	Ресурсные и экологические проблемы развития добычи и использования человеком нетрадиционного газа. **Связь прямая**
	Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев «Роль Г. В. Добровольского в развитии почвоведения»[700]	Почвоведение	Роль Г. В. Добровольского осмыслении роли почв в развитии общества и человека. **Связь прямая**
2, 2013	Ю. В. Олейников «Влияние природной среды на развитие человека»[701]	Гелиобиология, климатология	**Связь прямая**, отражена в названии статьи
1, 2014	В. Л. Дьячков «Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай)»[702]	Демография,	**Связь прямая**, отражена в названии статьи
	Ю. С. Худяков «Стихийные бедствия, вызванные аномальными климатическими явлениями, происходившими на территории государства Когуре в древности и раннем Средневековье»[703]	Климатология	Последствия стихийных бедствий для общества. **Связь прямая**
2, 2014	В. В. Канищев, Е. В. Баранова, Н. А. Жиров «Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни)»[704]	Картография, ресурсоведение	Изменения в состоянии лесных ресурсов под воздействием антропогенного фактора. **Связь прямая**

[699] Клименко В. В, Терешин А. Г. Сланцевый газ – энергетическое чудо или климатическая катастрофа? // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 136–155.

[700] Ковалева Н. О., Ковалев И. В. Роль Г. В. Добровольского в развитии почвоведения // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 155–161.

[701] Олейников Ю. В. Влияние природной среды на развитие человека // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 162–181.

[702] Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 128–141.

[703] Худяков Ю. С. Стихийные бедствия, вызванные аномальными климатическими явлениями, происходившими на территории государства Когуре в древности и раннем Средневековье // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 142–150.

[704] Канищев В. В., Баранова Е. В., Жиров Н. А. Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни) // История и современность. 2014. № 2 (20). С. 92–111.

Продолжение таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
2, 2014	Т. А. Орешкина «Экологическое сознание населения в деятельности местного самоуправления (на примере старопромышленных городов Урала)»[705]	Экология	Особенности экологической политики. **Связь прямая**
	М. Г. Шквыря, И. Ю. Парникоза, В. Е. Борейко «Человек и волк в Украине»[706]	Зоология	Способы сосуществования человека волка. **Связь прямая**
1, 2015	В. В. Клименко, А. Г. Терешин «Миллиард тонн топлива для России – меньше, чем необходимо»[707]	Климатология, экономика	Энергопотребление как причина глобальных изменений климата. **Связь прямая**
1, 2015	Н. О. Ковалева, И. В. Ковалев, Е. М. Столпникова «Оригинальные технологии водоснабжения средневековых городов в Крыму»[708]	Гидрология, ландшафтоведение, палеоклиматология, почвоведение	Природные особенности водоснабжения средневековых городских поселений. **Связь прямая**
	В. В. Ушницкий «Таежные тюрки Сибири: культура жизнеобеспечения и материальная культура»[709]	Этнография,	Природные особенности хозяйствования тюрков. **Связь прямая**
2, 2016	В. В. Клименко, О. В. Микушина, А. Г. Терешин «Мировая энергетика после парижской климатической конференции 2015 года: quo vadis?»[710]	Климатология, экономика	Последствия для мировой энергетики, атмосферы и климата решений, принятых в декабре 2015 г. на Парижской конференции. **Связь прямая**

[705] Орешкина Т. А. Экологическое сознание населения в деятельности местного самоуправления (на примере старопромышленных городов Урала) // История и современность. 2014. № 2 (20). С. 112–126.

[706] Шквыря М. Г., Парникоза И. Ю. , Борейко В. Е. Человек и волк в Украине // История и современность. 2014. № 2 (20). С. 127–134.

[707] Клименко В. В., Терешин А. Г. Миллиард тонн топлива для России – меньше, чем необходимо // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 127–141.

[708] Ковалева Н. О., Ковалев И. В., Столпникова Е. М. Оригинальные технологии водоснабжения средневековых городов в Крыму // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 142–155.

[709] Ушницкий В. В. Таежные тюрки Сибири: культура жизнеобеспечения и материальная культура // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 156–164.

[710] Клименко В. В., Микушина О. В., Терешин А. Г. Мировая энергетика после парижской климатической конференции 2015 года: quo vadis? // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 162–173.

Окончание таблицы А.1

№, год	Автор и название статьи	Междисциплинарность	Связь природы и общества
2, 2016	С. К. Костовска, В. О. Стулышапку «Чума рогатого скота как причина экономического неблагополучия в центрально-черноземных районах России в XVIII–XIX вв.»[711]	Эпизоотология	**Связь прямая**, отражена в названии статьи
	А. В. Коротаев, С. Э. Билюга, С. Ю. Малков, Д. А. Осипов «О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации»[712]	Гелиобиология	**Связь прямая,** отражена в названии статьи
1, 2017	Л. П. Миронова Социально-экологические проблемы Восточного Крыма в прошлом и настоящем: причины возникновения, пути решения[713]	Экология	Природоохранная деятельность в Восточном Крыму. **Связь прямая**

[711] Костовска С. К., Стулышапку В. О. Чума рогатого скота как причина экономического неблагополучия в центрально-черноземных районах России в XVIII–XIX вв. // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 174–179.

[712] Коротаев А. В. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность. 2016. № 2 (24). С. 180–209.

[713] Миронова Л. П. Социально-экологические проблемы Восточного Крыма в прошлом и настоящем: причины возникновения, пути решения // История и современность. 2017. № 1 (25). С. 79–106.

Приложение Б

Синхронистическая таблица Э. С. Кульпина[714]

Таблица Б.1 – Синхронистическая таблица Э. С. Кульпина

ПРИРОДНЫЕ		СОЦИО-
процессы	явления и события	процессы
		IV-III тыс. до н.э. –
Климатический оптимум голоцена. На Средне-Китайской равнине – устойчивый теплый и влажный климат, флора и фауна субтропиков и тропиков	Климатический оптимум голоцена	Неолит и энеолит. Переход от охоты, рыболовства и собирательства к мотыжному земледелию на аллювиальных и лессовых почвах верхнего и среднего течения Хуанхэ
		II тыс. до н.э. –
Медленное похолодание и аридизация климата с соответствующей сменой биоты	Резкое похолодание к концу тысячелетия, сокращение вегетационного периода	
		I тыс. до н.э. – эпоха железа и
Похолодание "железного века" – малый ледниковый период (XI-IX вв. – -III вв.) Естественная смена биоты. Нарастание неустойчивости климата, аридизации в результате глобальных климатических сдвигов. Эрозия почв. Уничтожение биоклиматических экологических ниш.	Начало процесса уничтожения биоклиматических экологических ниш, нарушение естественного процесса смены биоты, гидрорежима среды. Начало интенсивной эрозии почв. Первый зарегистрированный выход из русла Хуанхэ в 602 г. Экологический кризис VI-III вв. – утрата природой способности к саморегулированию процессов или саморегулирование направлено против интересов общества.	Переход от переложного земледелия к постоянной пашне. Экстенсивное земледелие. Замена естественного ландшафта антропогенным на Средне-Китайской равнине. Возрастание массы прибавочного продукта. Сложение технологии зерновых пшеничного пояса Китая. Начало распашки лессового плато. Переход к политике увеличения массы прибавочного продукта за счет внутренних источников.

[714] Кульпин Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1998. С. 256–269.

Окончание таблицы Б.1

ЕСТЕСТВЕННЫЕ	СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ	
события и явления	процессы	события и явления
мифический "золотой век"		
	Первые поселения на территории Китая. Производство керамических сосудов	Возникновение космических мифов
эпоха бронзы		
Сокращение массы прибавочного продукта	Формирование первых протогосударств с письменной историей. Сложение конструктивных основ деревянной архитектуры. Культ предков. Культ неба.	Государство Шан-Инь (ок. XVI в.). Создание Шуцзин – книги преданий (ок. XIV-VIII вв.). Политический кризис, Падение Шан-Инь, возникновение государства Чжоу (XI в.)
первого социально-экологического кризиса		
	Всю эпоху – становление основ китайской цивилизации: языка, культуры, идеологии, выход китайцев в число исторических народов.	Междоусобные войны. Создание Шицзин – "книги песен" (XI-XII вв.). Учение о пяти первоэлементах и Инь-Ян.
Период Многоцарствия (Лего) – VIII-III вв.		
VIII-V вв.: выплавка железа, железные орудия труда, селекция риса, органические удобрения, ирригационное строительства. Попытки организации производства элитой в масштабах государства. Введение поземельного налога.	Градостроительство. Элита стремится сохранить массу прибавочного продукта за счет внешних ресурсов. Сокращение численности элиты за счет физического уничтожения в войнах. Поглощение мелких княжеств крупными.	Междоусобные войны силами профессиональных военных без значительных мобилизаций крестьян. Первые образцы живописи на лаковой утвари и шелке. К концу периода – усиление немногих крупных государств

Приложение В

Синхронистическая таблица Л. Н. Гумилева[715]

Таблица В.1 – Синхронистическая таблица Л. Н. Гумилева

Дата до н.э.	Рим	Эллинизм	Туран	Хунну и хань	Природные условия в Степи
1	2	3	4	5	6
230-221	Покорение италийских галлов	Великая Сирия	Парфяне против греков	Ослабление хуннов; преобладание дунху Победа Цинь	Повышенное увлажнение степи
220-210	Ганибал в Италии	Отделение Греко-Бактрии от Сирии	Гегемония согдов в Восточной Азии	Завоевание Ордоса и строительство Великой стены китайцами	Климатический оптимум пассионарный толчок
209-200	Победа Рима над Карфагеном	Антиох отеснил парфян из Мидии и осадил Бактры	Поражение хуннов: жестокая война усуней и согдов с хуннами	Модэ организовал державу Хунну. Покорение соседей. Провозглашение Хань империей	Низкий уровень Каспия (абс. отм. минус 32м)
199-190	Разгром Сирии и Македонии Римом	Мир Греко-Бактрии с Сирией		Договор "мира и родства между Хунну и империей Хань	Высокий уровень Балхаша и Арала
189-180	Разгром Антиоха III римлянами	Покорение Деметрием Бактрийским долины Индии	Сарматы вторглись в Скифию: война на полное истребление	Покорение Усуни и "Западного края" хуннами	Высокий уровень Балхаша и Арала
179-170		Отпадение Греко-Индии от Греко-Бактрии. Война между ними		Набег хуннов на Хань. Договор "мира и родства"	
169-160	Подчинение Македонии Риму (167 г.)	Парфяне отняли у греков Мерв	Победа хуннов над согдами	Война Хунну против Хань	

[715] Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003. С. 289.